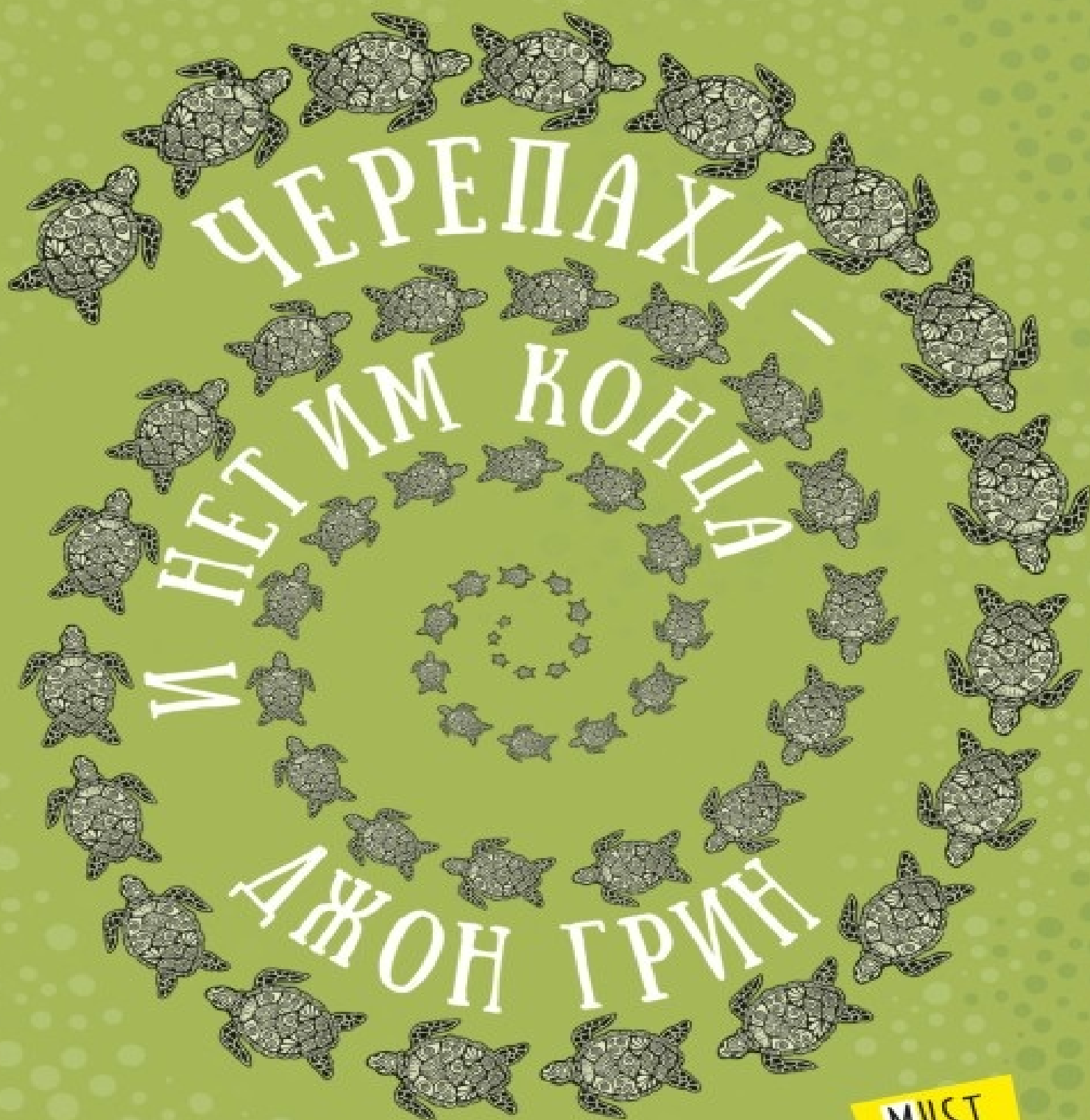

ОТ АВТОРА
«ВИНОВАТЫ
ЗВЕЗДЫ»!

MUST
READ
ПРОЧЕсть ВСЕМ

Annotation

Пропал миллиардер Рассел Пикет, и за любую помощь в его поисках объявлено солидное вознаграждение. Именно тогда Дейзи вместе с лучшей подругой Азой Холмс решают найти его во что бы то ни стало. Но для Азы это приключение грозит стать настоящим испытанием. Ведь ей придется общаться с людьми – а наедине с собой быть куда приятнее. Думать о других – но ей сложно отделаться от собственных навязчивых мыслей. И возобновить знакомство с сыном Пикета Дэвисом – а это лишь необходимость говорить правильные слова в то время, когда сама ты думаешь совсем о другом. Сможет ли Аза бросить себе вызов, побороть свои страхи и попытаться стать лучшей версией себя? Или перемены – не всегда к лучшему?..

- [Джон Грин](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Выражение признательности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Джон Грин

Черепахи – и нет им конца

John Green
TURTLES ALL THE WAY DOWN

© John Green, 2017

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Генри и Элис

*Человек может делать то, что он желает, но не
может желать, что ему желать.*

Артур Шопенгауэр

Глава 1

Мысль о том, что меня могли выдумать, впервые пришла мне в голову, когда я проводила дни в общественном заведении под названием школа «Уайт-Ривер», на севере Индианаполиса. Мне приходилось обедать строго с двенадцати тридцати семи до четырнадцати минут второго, и силы, установившие такой порядок, были настолько велики, что я не имела о них даже отдаленного представления. Если бы эти силы изменили время обеда или соседи по столу, помогавшие писать мою судьбу, в тот сентябрьский день выбрали иную тему для разговора, меня ждал бы совсем другой конец или, по крайней мере, другая середина. Однако я уже тогда начала понимать, что жизнь – это история, рассказанная не тобой, а о тебе.

Конечно, ты притворяешься автором. У тебя нет выхода. Когда в тридцать семь минут первого с высоты раздается протяжный сигнал, ты принимаешь решение: *Пойду обедать*. На самом же деле за тебя решает звонок. Ты считаешь себя художником, но ты – холст.

В столовой гудели, перекрывая друг друга, сотни голосов, они слились в один звук, похожий на шум реки, бегущей по камням. Флуоресцентные трубки извергали с потолка агрессивный искусственный свет, а я сидела под ними и думала: все считают себя героями собственного эпоса, но в реальности мы – практически идентичные организмы, которые образовали колонию в просторном помещении без окон, пропахшем моющей жидкостью и жиром.

Я жевала сэндвич с арахисовой пастой и медом и пила «Доктор Пеппер». Если честно, процесс измельчения растений и животных с последующей отправкой их вниз по пищеводу кажется мне довольно отвратительным, поэтому я старалась не думать о том, что ем, а значит, в каком-то смысле все-таки об этом думала.

Напротив меня сидел Майкл Тернер и царапал что-то на желтых страницах блокнотика. Наш стол – как старая бродвейская пьеса: состав актеров год от года меняется, но герои – никогда. Майкл был Эстетом. Он разговаривал с Дейзи Рамирес, с первого класса исполнявшей роль моей Бесстрашной Лучшей Подруги, однако из-за шума я не слышала, о чем у них речь. Кого же играла я сама? Компаньонку. Подругу Дейзи, или Дочку миссис Холмс. Я была чьим-то кем-то.

Желудок заработал, и даже сквозь шум я слышала, как он переваривает сэндвич, как бактерии жуют слизь арахисовой пасты – будто школьники,

обедающие в моей внутренней столовой. Я содрогнулась.

– Ты ездила с ним в лагерь? – спросила у меня Дейзи.

– С кем?

– С Дэвисом Пикетом.

– Ездила. Ну и что?

– Ты нас вообще не слушаешь?

Я слушаю, подумала я, какофонию своего пищеварительного тракта.

Конечно, я давно знаю, что являюсьместилищем множества паразитических организмов, но не люблю об этом вспоминать. Наше тело примерно на пятьдесят процентов состоит из микробов, значит, половина клеток, тебя образующих, – совсем не твои. В моей биосистеме в тысячу раз больше микробов, чем людей на земле, и мне часто кажется, что я их *чувствую* – как они живут, размножаются и умирают во мне и на мне. Я вытерла вспотевшие ладони о джинсы и постаралась дышать ровнее. Признаю, человек я довольно нервный, но если ты – обернутая в кожу колония бактерий, тут есть о чем поволноваться.

Майкл сказал:

– Его отца хотели арестовать за взятку или типа того, однако ночью, как раз накануне, тот пропал. За сведения о нем предлагают награду – сто тысяч долларов.

– А ты знаешь сына, – объяснила Дейзи.

– *Когда-то* знала.

Я смотрела, как она атакует вилкой прямоугольный кусочек пиццы и стручки зеленой фасоли. Дейзи то и дело поглядывала на меня, широко раскрывая глаза, будто говорила: *Ну?* Ей хотелось, чтобы я спросила о чем-то, но я не понимала – о чем, потому что желудок никак не мог заткнуться, и это меня тревожило: что, если я подхватила паразитов?

Майкл рассказывал Дейзи о своем новом арт-проекте: он взял лица ста мужчин по имени Майкл и с помощью «Фотошопа» создал из них усредненного сто первого. Было интересно, однако вокруг стоял ужасный гвалт, а я все еще не могла остановиться – думала, вдруг во мне нарушилось равновесие микробных сил?

Шумы в кишечнике – редкий, но известный медицине симптом заражения бактериями *Clostridium difficile*, которое может привести к летальному исходу. Я вытащила телефон и стала перечитывать статью в «Википедии», посвященную триллионам живущих во мне микробов. Я щелкнула по разделу *C. diff*, пролистала до параграфа, где писали, что чаще всего клостридиями заражаются в больницах. Добралась до списка симптомов, из которых не нашла у себя ничего, кроме шумов в брюшной

полости – но ведь в Кливлендской клинике был случай, когда умерла пациентка с одной только болью в кишечнике и жаром. Я напредила себе, что жара у меня нет, и «Я» ответило: *ПОКА что нет.*

В столовой, где еще оставался тающий кусочек моего сознания, Дейзи объясняла, что проект нужно посвятить не людям по имени Майкл, а заключенным, которых позже оправдали.

– Так проще, – пояснила она, – потому что у них всех есть снимки с одного ракурса, и это будет проект не просто об одинаковых именах, а еще о расе, социальном статусе и массовых арестах.

– Да ты же гений, Дейзи! – ответил Майкл.

– А что тебя удивляет?

Тем временем я думала о том, что, если половина твоих клеток – не ты, разве это не ставит под вопрос само понятие «тебя» в единственном числе, не говоря уже об авторстве собственной судьбы? Я довольно долго падала в эту рекурсивную кротовую нору, пока она не перенесла меня из школы «Уайт-Ривер» в совершенно иное место за пределами ощущений, куда попадают лишь по-настоящему чокнутые люди.

У меня с детства привычка вдавливать ноготь большого пальца правой руки в подушечку среднего – вот откуда на нем такая странная болячка. В ней теперь легко появляется трещина, и я ношу пластырь, чтобы не попала инфекция. Однако иногда мне кажется, что инфекция уже там, ее нужно удалить, а значит – выдавить кровь. Стоит представить, как я вскрываю рану, и я уже не могу не сделать этого. Простите за двойное «не», просто и сама ситуация – двойное «не» в действии. Как западня, из которой один только выход – отрицать отрицание. Так или иначе, я захотела почувствовать, как ноготь вонзается в кожу, и знала, что сопротивление бесполезно. Под столом я отлепила пластырь и ковыряла болячку, пока она не треснула.

– Холмси, – сказала моя подруга, и я подняла взгляд. – Уже конец обеда, а ты так ничего и не заметила.

Она тряхнула шевелюрой, в которой горели ярко-ярко-розовые пряди. Точно, она же покрасила волосы!

Я вынырнула из глубин и ответила:

– Дерзко.

– Знаю. Это мое послание: леди и джентльмены, а также те, кто не относит себя ни к тем, ни к другим! Дейзи Рамирес сдержит свое слово, но разобьет ваше сердце.

Такой вот девиз – «Держи слово, разбивай сердца» – она себе придумала и постоянно угрожала сделать на лодыжке татуировку с ним,

когда ей исполнится восемнадцать. Дейзи вернулась к Майклу, а я – к своим мыслям. Живот, кажется, стал урчать еще громче. Меня затошнило. Учитывая, как мне противны физиологические жидкости, со мной такое происходит слишком уж часто.

– Холмси, все в порядке? – спросила Дейзи.

Я кивнула. Иногда я задавалась вопросом: почему она меня любит или вообще терпит? Как со мной мирятся остальные? Я даже саму себя раздражала.

По лбу покатился пот, а если уж я начну потеть, то надолго. Я потею часами. Намокают не только лоб и подмышки. Потеет шея. Потеет грудь. Потеют икры. Может, у меня и в самом деле жар?

Под столом я сунула в карман старый пластырь, достала новый и наклеила его на палец. Я стала вдыхать через нос и медленно выдыхать ртом, как учила доктор Карен Сингх: «Представь, что дышишь на свечу, Аза. Пламя подрагивает, но горит. Горит всегда». Я старалась, однако спираль моих мыслей, несмотря ни на что, продолжала сжиматься. Я прямо-таки слышала, как доктор Сингх запрещает мне братья за телефон и читать одно и то же, но я все равно вытащила его и снова уткнулась в статью о микрофлоре.

Спираль такая штука – если двигаться по ней внутрь, она никогда не кончится. Будет сжиматься бесконечно.

Я положила остатки сэндвича в пластиковый пакет на молнии, встала и бросила его в переполненную мусорку. За спиной послышался голос Дейзи.

– Мне сильно волноваться, что ты за день всего два слова произнесла?

– Спираль, – пробормотала я в ответ.

Она понимает – мы дружим с шести лет.

– Ясно. Прости. Давай сегодня зависнем?

Одна девчонка, Молли, подошла к нам, улыбаясь, и сказала:

– Дейзи, к твоему сведению, эта ядовитая газировка тебе рубашку покрасила.

Моя подруга оглядела себя: и в самом деле, на полосатой ткани появились розовые пятна. Дейзи поморщилась, но тут же распрямила спину.

– Так и задумано, Молли. В Париже сейчас все так ходят. – Потом она повернулась ко мне: – Ну вот. Поехали к тебе, будем смотреть «Повстанцев».

Дейзи увлекалась «Звездными войнами». Ее интересовало все:

фильмы, книги, анимационные сериалы, детская передача, где герои сделаны из «Лего». Она даже написала рассказ о любовной жизни Чубакки.

– Будем тебя веселить, пока не скажешь три, а то и четыре слова подряд. Как тебе предложение?

– Неплохо.

– А потом отвезешь меня на работу. Извини, сегодня я без машины.

– Ладно.

Я хотела добавить что-нибудь еще, однако непрошенные, нежеланные мысли продолжали лезть в голову. Будь я автором, перестала бы думать о своей микрофлоре. Сказала бы Дейзи, как мне понравилась ее идея насчет арт-проекта и что я действительно не забыла Дэвиса Пикета. Помню, как в одиннадцать лет меня мучил смутный, но постоянный страх. Как однажды в лагере мы с Дэвисом лежали на краю пристани на грубо отесанных досках и болтали ногами, глядя в безоблачное летнее небо. Мы почти не разговаривали и редко смотрели друг на друга, но это была ерунда, потому что мы оба видели одно и то же небо, а тут, наверное, больше интимности, чем в обмене взглядами. Смотреть на тебя может любой. Но очень редко встречаешь человека, который видит тот же мир, что и ты.

Глава 2

Страх почти вышел из меня вместе с потом, но по дороге на урок истории я не удержалась, достала телефон и снова принялась изучать ужасы о микрофлоре человека. Я читала на ходу, и тут из кабинета меня окликнула мама. Она сидела за металлическим столом, склонившись над книгой. Мама преподавала математику, но ее страстью была литература.

– Никаких телефонов в коридоре, Аза!

Я спрятала мобильник и зашла в класс. До урока оставалось четыре минуты, для разговора с мамой – самое то. Она, должно быть, заметила что-то в моих глазах.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Ты же не волнуешься?

Доктор Сингх запретила спрашивать, волнуюсь ли я, и мама старалась не задавать прямых вопросов.

– Все хорошо.

– Ты ведь принимаешь лекарство.

Утверждение вместо прямого вопроса.

– Да, – ответила я и, по большому счету, не соврала.

В девятом классе у меня был нервный срыв, и мне прописали круглые белые таблетки, по одной в день. Я пила их в среднем раза три в неделю.

– Ты вся...

Мокрая. Вот что она хотела сказать.

– А кто решает, когда зазвонит звонок? – спросила я.

– Знаешь, даже понятия не имею. Наверное, кто-то из администраторов.

– Интересно, почему большая перемена длится тридцать семь минут, а не пятьдесят? Или не двадцать две? Или сколько бы там ни было?

– Я смотрю, голова у тебя работает вовсю.

– Просто странно. Решает кто-то, кого я не знаю, а я должна жить по его правилам. По чужому расписанию. А ведь я этого человека даже не видела.

– Да. С такой точки зрения, как и с многих других, американские школы похожи на тюрьмы.

Я широко раскрыла глаза.

– Боже, мама, как ты права! Металлодетекторы, серые стены.

– И точно так же переполнены, и недостаточно финансируются, – добавила она. – И тут, и там все делаешь по звонку.

– Не можешь сам решить, когда тебе обедать, – продолжила я. – И в тюрьмах есть властные, продажные охранники, совсем как учителя в школе.

Она быстро взглянула на меня, но тут же рассмеялась.

– Ты сразу домой после уроков?

– Да. А потом отвезу Дейзи на работу.

Мама кивнула.

– Иногда мне так хочется, чтобы ты снова стала маленькой, но потом я вспоминаю о пиццерии «Чак-и-Чиз».

– Она просто копит деньги на колледж.

Мама бросила взгляд на свою книгу.

– А вот если бы мы жили в Европе, за учебу не пришлось бы много платить. – Я приготовилась выслушать монолог о ценах на образование. – В Бразилии, в большинстве стран Европы, в Китае есть бесплатные университеты. А здесь они хотят двадцать пять тысяч в год, и это за обучение в родном штате. Я только выплатила кредиты, а скоро брать новые для тебя.

– Но я же только в одиннадцатом классе. У меня полно времени, могу выиграть в лотерею. А если не получится, буду продавать наркотики.

Мама грустно улыбнулась. Ее очень тревожило, где взять деньги на учебу.

– С тобой точно все в порядке? – спросила она.

Я кивнула, и тут раздался сигнал, приказывающий отправиться на историю.

Уроки закончились. Когда я подошла к машине, моя подруга уже сидела внутри. Испачканную рубашку она успела сменить на красную тенниску с логотипом «Чак-и-Чиз» и теперь пила школьное молоко, поставив рюкзак на колени. Ключ от Гарольда я доверяла только Дейзи, даже у мамы не было своего.

– Пожалуйста, не пей в машине непрозрачные жидкости, – попросила я.

– Молоко прозрачное.

– Неправда, – ответила я, подъехала к главному входу и подождала, пока она выбросит коробку.

Возможно, вы кого-то любили. По-настоящему, как описывала моя

бабушка, когда цитировала Первое послание к коринфянам апостола Павла – любовью, которая милосердна и терпелива, не завидует и не гордится, все покрывает, всему верит и все переносит. Я не разбрасываюсь этим словом – слишком редкое и дорогое чувство, чтобы обесценивать его частым упоминанием. Можно отлично жить, не зная, что такое истинная любовь, какой описали ее коринфянам, однако мне повезло – я нашла ее с Гарольдом.

Он был «Тойотой-Короллой» шестнадцати лет, а цвет его краски назывался «таинственная морская волна». Его двигатель стучал размеренно, словно чистое металлическое сердце. Раньше на этой машине ездил папа – он-то и выбрал для нее такое имя. Мама решила не продавать Гарольда, и он стоял в гараже восемь лет, пока мне не исполнилось шестнадцать.

Чтобы двигатель после стольких лет заработал, мне пришлось отдать четыреста долларов, то есть все свои сбережения – и карманные, и сдачу, которую удавалось утаить, когда мама посылала в магазин, и плату за летнюю подработку в закусочной, и деньги, подаренные бабушкой и дедом на Рождество. Так что, в каком-то смысле, Гарольд был кульминацией моего существования – по крайней мере, с точки зрения финансов. Я его любила. Я мечтала о нем довольно долго. У него имелся исключительно вместительный багажник, огромный белый руль, сделанный на заказ, и заднее сиденье из бежевой, точно светлая галька, кожи. Он ускорялся плавно и невозмутимо, как буддийский мастер, знающий, что спешить никогда не стоит, а его тормоза повизгивали металлической музыкой. И я любила его.

Однако у Гарольда не было ни совместимости с «блютус», ни даже плеера для компакт-дисков. А это значило, что в его обществе у меня есть три варианта: ехать в тишине, слушать радио или вторую сторону отличного альбома Мисси Эллиот «So Addictive», хоть я и слышала его уже сто раз, потому что не могла вытащить кассету из магнитолы.

В итоге несовершенство аудиосистемы Гарольда стало последней нотой в мелодии совпадений, изменивших мою жизнь.

Мы с Дейзи переключали радиостанции в поисках песни одного прекрасного и не оцененного по достоинству бой-бенда, и вдруг наткнулись на выпуск новостей.

– Строительная фирма «Пикет инжиниринг», чей штат насчитывает более десяти тысяч работников по всему миру, сегодня...

Я хотела нажать на кнопку, но Дейзи оттолкнула мою руку.

– Вот о чем я тебе говорила!

Голос продолжал:

– ...Сто тысяч долларов за информацию о местонахождении директора компании, Рассела Пикета, обвиняемого в мошенничестве и подкупе. Пикет исчез в ночь накануне ареста. Последний раз его видели восьмого сентября в его поместье на берегу реки. Если вы располагаете сведениями о том, где может находиться этот человек, просим сообщить в департамент полиции Индианаполиса.

– Сто тысяч! – воскликнула Дейзи. – *А ты знаешь его сына.*

– Знала, – поправила я.

Два лета, после пятого и шестого класса, мы с Дэвисом ездили вместе в «Грустный лагерь», как мы называли лагерь «Надежда» в округе Браун. Он для детей, у которых умерли родители.

Кроме лагеря, мы еще виделись в течение учебного года, потому что Дэвис жил совсем рядом, только на другом берегу. Нашу с мамой сторону иногда затапливало, а на его стороне из валунов построили стену, и когда река поднималась, вода шла к нам.

– Он меня, наверное, и не помнит.

– Тебя все помнят, Холмси.

– Не...

– Это не оценочное суждение. Я не говорю, что ты хорошая, или щедрая, или добрая, или какая-то еще. Я просто говорю, что ты *запоминаешься*.

– Я давно его не встречала.

Но кто же забудет праздники в поместье с полем для гольфа и бассейном, в котором есть остров и водяные горки? Дэвис был для меня почти как кинозвезда.

– Сто тысяч долларов, – повторила Дейзи.

Мы свернули на окружную дорогу.

– Я чиню игровые автоматы за восемь сорок в час, а тут ожидает сотня тысяч!

– Я бы не сказала, что *ожидает*. Кроме того, мне вечером нужно прочитать, как переносило оспу туземное население, так что дело о пропавшем миллиардере распутать не получится.

Я сбросила скорость до той, что была указана на знаке. Никогда не водила Гарольда быстрее положенного, я очень его берегла.

– Словом, ты знаешь Дэвиса лучше, чем я, поэтому, как поют мальчики из лучшей группы на свете, ты и есть – та самая.

Песенка была для детского сада, однако я все равно ее любила.

– Хочется с тобой поспорить, но уж очень песня хорошая.

– Ты. Та. Самая. И тебя выбрал я. Ты навеки моя, не могу потерять тебя. Ты для меня, как воздух. Твои глаза – в небе звезды.

Мы посмеялись. Я переключила радиостанцию и подумала, что на этом разговор окончен, однако Дейзи вытащила телефон и начала вслух читать статью из газеты «Звезда Индианаполиса».

– Утром в пятницу, когда полиция приехала с ордером, скандально известного директора компании не оказалось дома, и с тех пор его никто не видел. Адвокат Саймон Моррис утверждает, что ему ничего не известно о местонахождении клиента. На сегодняшней пресс-конференции детектив Дуайт Аллен заявил, что в эти дни с кредитными картами и счетами Пикета не осуществлялось никаких операций. Бла-бла-бла... Кроме того, по словам детектива, на территории поместья не установлены средства видеонаблюдения, если не считать камеры на воротах. В копии полицейского рапорта, которую удалось получить нашему сотруднику, говорится, что последними Пикета видели вечером в четверг его сыновья, Дэвис и Ноа. Бла-бла-бла... Дом находится к северу от Тридцать восьмой улицы, множество исков, помогал зоопарку, бла-бла-бла... Если вам что-то известно, позвоните в полицию, бла-бла... Стой, как это нет камер? Какой миллиардер будет жить без них?

– Тот, который скрывает свои темные делишки.

Я прокручивала в голове эту историю. Чего-то здесь не хватало, но я не понимала – чего, пока вдруг не вспомнила о жутких зеленых койотах с горящими белыми глазами.

– Стоп! Там была одна камера, только не обычная. Дэвис и Ноа повесили ее у реки, в лесу. Она снимает в темноте и включается, если кто-то проходит мимо – всякие олени, койоты.

– Холмси, – сказала подруга. – Мы напали на след.

– А если камера есть на воротах, он не мог проехать мимо нее незамеченным, – продолжила я. – Значит, либо перелез через забор, либо отправился к реке и уплыл. Верно?

– Да.

– И он мог пройти мимо той, ночной, камеры. Правда, я там не была четыре года. Может, ее убрали.

– А может, и нет!

– Да. Может, и нет.

– Сверни тут, – вдруг сказала Дейзи.

Я так и сделала. Нам было в другую сторону, но я, уже без подсказки Дейзи, выбрала дорогу, ведущую обратно в город – к моему дому и

поместью Дэвиса.

Подруга достала телефон.

– Привет, Эрик! Слушай, я очень извиняюсь, но что-то у меня живот разболелся. Наверное, желудочный грипп.

– ...

– Да, без проблем. Извини еще раз.

Она спрятала телефон в рюкзак.

– Стоит лишь *намекнуть* на диарею, и тебе скажут оставаться дома. Они панически боятся эпидемии. Ладно, пора заняться делом. У тебя еще осталось то каноэ?

Глава 3

Когда-то давно мы с мамой ходили на каноэ вниз по Уайт-Ривер, мимо поместья Пикетов, до парка за музеем искусств. Там мы недолго гуляли, а потом, преодолевая ленивое течение, возвращались домой. Однако я уже много лет не садилась в лодку. Теоретически Уайт-Ривер прекрасна – голубые цапли, гуси, олени и все такое, но вода в ней пахнет, как нечистоты. И вообще-то, не «как нечистоты», а нечистотами, потому что после дождя канализация переполняется и все отходы Центральной Индианы попадают прямо в реку.

Мы подъехали к моему дому. Я вылезла из машины, просунула пальцы под дверь гаража, подняла ее, снова села в машину и припарковалась. А Дейзи все повторяла, что мы скоро разбогатеет.

Открывая дверь гаража, я немного вспотела, поэтому сразу отправилась в свою комнату и включила кондиционер. Села на кровать, скрестив ноги, и подставила спину холодному воздуху. Вокруг царил хаос: повсюду грязная одежда, на столе – ворох бумаг: упражнения, старые тесты, рекламные буклеты колледжей, которые приносила домой мама. Листки валялись даже на полу.

Дейзи остановилась на пороге.

– Можно мне во что-нибудь переодеться? Футболка «Чак-и-Чиз» и рубашка в пятнах не очень подходят для встречи с миллиардером, а ничего другого у меня с собой нет.

Моя подруга примерно одного роста с мамой, и мы совершили набег на гардеробную. Пока выбирали сочетание топа и джинсов, которое не было бы в духе моей мамы, Дейзи продолжала свой монолог. Поболтать она любила.

– У меня есть теория насчет формы. Ее специально делают такой, чтобы ты в ней, типа, переставала быть кем-то. Ты больше не Дейзи Рамирес, личность, а такое существо, которое приносит людям пиццу и раздает пластиковых динозавров в обмен на билетки. Форма сделана, чтобы меня *спрятать*.

– Да, – согласилась я.

– Вот так нас угнетает проклятая система, – пробурчала Дейзи и вытянула угрожающе фиолетовую блузку. – Твоя мама одевается, как учитель математики!

– Она и есть учитель математики.

– Не оправдание.

– А может, наденешь это?

Я показала ей черное платье длиной чуть ниже колена с орнаментом из розовых листочков. Просто ужасное.

– Думаю, сойдет и форма, – сказала Дейзи.

– Хорошо.

К дому подъехала машина. Я знала, что мама не будет ругать нас за то, что рылись в ее вещах, и все же занервничала. Дейзи заметила и взяла меня за руку. Мама еще не успела войти, а мы уже выскользнули на задний двор и скрылись за кустами жимолости.

Оказалось, каноэ у нас по-прежнему есть – оно лежало вверх дном, а внутри было полно дохлых пауков. Дейзи выдрала из зарослей плюща весла и выцветшие оранжевые жилеты, смахнула рукой грязь с каноэ и потащила его к воде. Моя невысокая, щуплая на вид подруга обладала просто невероятной силой.

– Уайт-Ривер очень грязная, – сказала я.

– Холмси, ты ведешь себя нелогично. Помоги.

Я подняла другой конец лодки.

– В реке пятьдесят процентов мочи. И это – ее лучшая половина.

– Ты – та самая, – снова пропела Дейзи и втащила каноэ в воду.

Спрыгнула на илистую кочку, обернула вокруг шеи спасательный жилетик, который был ей слишком мал, и устроилась на носу.

Я села сзади, оттолкнулась веслом от берега. Давно уже не управляла каноэ, но Уайт-Ривер такая мелкая и широкая, что особенно стараться не нужно. Дейзи посмотрела на меня с улыбкой, и я будто снова стала маленькой.

В детстве мы с ней любили играть в «детей реки» – представляли, что живем одни, добываем себе пропитание и прячемся от взрослых, которые хотят отправить нас в приют. Помню, как Дейзи швыряла в меня пауков-долгоножек, потому что знала, что я их терпеть не могу, и я с визгом убегала, размахивая руками. На самом деле я не боялась – тогда все эмоции были игрой, словно бы я не переживала чувства, а проводила с ними опыты. Настоящий ужас – это не когда тебе страшно, а когда у тебя нет выбора.

– Знаешь, что наш город существует только благодаря Уайт-Ривер? – сказала Дейзи, обернувшись ко мне. – Когда Индиана стала штатом, люди начали спорить, где будет столица. Ясное дело, основать ее нужно где-то посередине. И вот эти ребята смотрят на карту и видят, что прямо по центру есть река, и они такие – бах! – вот же отличное место для столицы,

потому что идет тысяча восемьсот девятнадцатый год и серьезному городу необходима вода для судоходства и всего прочего.

Значит, они объявляют: мы построим новый город! На реке! И назовем его по-умному – Индиана-полис! И только потом они замечают, что Уайт-Ривер глубиной по щиколотку и здесь даже на каяке не проплывешь, не то что на пароходе. Некоторое время Индианаполис считался крупнейшим в мире городом на несудоходной реке.

– Откуда ты это знаешь? – спросила я.

– Папа историей увлекается. – И тут у нее зазвонил телефон. – Ну вот, я его призвала! – Она взяла трубку. – Привет, папочка... Угу, да, конечно... Нет, он не против... Отлично, вернусь к шести.

Дейзи спрятала телефон в карман и повернулась ко мне, щуря глаза от солнца.

– Он спросил, могу ли я посидеть с Еленой, потому что мама задержится. И не пришлось врать, почему я не на работе. И отец теперь думает, что я забочусь о сестричке. Холмси, все просто отлично выходит. Наша судьба проясняется. Скоро попадем в американскую мечту, то есть наживемся на чужом несчастье.

Вокруг было так тихо, что мой смех получился оглушительным. С поваленного дерева шлепнулась в воду испуганная черепаха. Здесь их полно.

Река повернула, мы проплыли мимо островка, образованного миллионами белых гольшей. Там, на старой выцветшей шине, стояла голубая цапля. Она увидела нас, расправила крылья и взлетела, напоминая больше птеродактиля, чем птицу. Между островком и восточным берегом шел узкий канал, и мы плыли под сикоморами, которые вытянулись над водой, стараясь получить больше солнечного света.

Листья были еще зелеными, лишь кое-где в них появились розовые штрихи – первые намеки на осень. Нам попало мертвое дерево, и я посмотрела вверх, на голые ветви, что пересекались, разделяя безоблачное небо на множество голубых многоугольников.

В багажнике Гарольда, рядом с запасным колесом, я до сих пор храню папин телефон. В нем остались тонны фотографий с такими же ветками без листьев. Мне всегда хотелось понять, что он видел в этом – разбитом на фрагменты – небе.

Так или иначе, день был отличный – солнце заливало нас теплыми лучами. Я больше люблю сидеть дома и мало когда могу оценить погоду, но в Индианаполисе за год выпадает всего десяток по-настоящему красивых дней. Вот таких, как этот. Река поворачивала на запад, и мне почти не

приходилось работать веслом. Вода искрилась на солнце. Мы спугнули пару каролинских уток, и они поднялись в воздух, отчаянно хлопая крыльями.

Наконец мы достигли кусочка суши, который в детстве называли Пиратским островом. В отличие от пляжа с галькой, он был настоящим. Его заполонила жимолость, из которой поднимались высокие деревья с кривыми стволами – после весенних паводков они все покрылись наростами. В реку попадает много сельскохозяйственных стоков, и поэтому всюду росли помидоры и соя, хорошо удобренные канализационными отходами.

Я направила каноэ к зеленому от ряски берегу, мы вылезли и отправились погулять. Над рекой витало что-то такое, отчего мы с Дейзи притихли и почти забыли друг о друге – даже бродить пошли в разных направлениях.

Здесь я отмечала свой одиннадцатый день рождения. Мы с мамой сделали карту сокровищ. Сначала съели дома торт, а потом вместе с Дейзи сели в каноэ и отправились на Пиратский остров. Под деревом мы откопали сундучок, полный шоколадных монет, обернутых в золотую фольгу. На острове нас встретили Дэвис и его брат, Ноа. Помню, как моя лопата ударилась о пластиковую крышку сундука и я обрадовалась, точно мы нашли настоящее сокровище, хотя знала, что это не так. Я отлично умела быть ребенком, но совсем не справлялась с ролью того, кем стала сейчас.

Я шла вдоль берега, пока не увидела Дейзи – она сидела на стволе дерева, принесенного паводком. Я уселась рядом и стала смотреть, как у нас под ногами, в маленьком пруду, ползают раки. Прудик почти высох – лето выдалось необычно сухое и жаркое.

– Помнишь, мы здесь отмечали твой день рождения? – спросила Дейзи.

– Да.

Дэвис тогда потерял фигурку Железного человека, которую всегда носил с собой. Он не расставался с ней так долго, что все наклеенные детали стерлись, осталось только красное туловище с желтыми руками и ногами. Дэвис очень перепугался, потеряв игрушку, но моя мама ее нашла.

– Все нормально, Холмси?

– Да.

– Можешь сказать что-нибудь, кроме «да»?

– Да, – ответила я и улыбнулась.

Мы посидели еще немного и пошли к реке прямо через пруд. Я почему-то не беспокоилась, что шлепаю по грязи, хотя совсем недавно с ума сходила из-за урчания в желудке. Вот загадка!

Стена для защиты от паводка состояла из валунов, скрепленных проволоочной сеткой. Я влезла по ней наверх и протянула руку Дейзи. Мы вскарабкались на берег и вошли в рощу, где росли сикоморы и клены. За деревьями виднелось аккуратно подстриженное поле для гольфа, а дальше – особняк из стекла и стали, созданный каким-то знаменитым архитектором.

Чтобы сориентироваться, мы немного походили по лесу.

– Холмси! – вдруг позвала подруга.

Я подбежала к ней. Дейзи обнаружила камеру – на дереве, футах^[1] в четырех над землей. Черный кружок, примерно дюйм^[2] в диаметре. Такую штуку ни за что не заметишь, если не задался целью ее найти.

Пароля на камере не оказалось, я подключила телефон и стала загружать фотографии. Первые две удалила – на них были мы с Дейзи, потом смахнула еще десяток – с оленями, енотами, опоссумами, приходившими днем или ночью, когда темнота превращала их в зеленые силуэты с белыми огоньками глаз.

– Не хочу тебя пугать, но в нашу сторону едет гольфкар, – тихо предупредила Дейзи.

Машина еще далеко. Я добралась до фотографий, сделанных девятого сентября, и да, там нашелся снимок, на котором можно было различить спину коренастого мужчины в полосатой пижамной рубашке. Время – 01:01:03. Я сделала копию.

– Нас точно заметили, – нервничала Дейзи.

– Сейчас, – ответила я, бросив взгляд на машину.

Хотелось увидеть предыдущую фотографию, но она никак не могла загрузиться. Дейзи пустилась наутек. Странно, что из нас двоих спокойствие сохранила именно я. Впрочем, меня не пугают люди в гольфкарах, фильмы ужасов или американские горки. Не знаю, чего именно я боюсь, но только не этого. Фотография медленно заполнила экран. Койот. Я подняла взгляд. Мужчина, сидевший в машине, смотрел прямо на меня, и я стрелой полетела прочь.

Я добежала до реки, петляя между стволами, и перелезла через стену. Дейзи стояла над перевернутым каноэ, вооружившись огромным камнем.

– Ты чего? – спросила я.

– Тот парень тебя видел. Вот я и делаю тебе предлог.

– Какой предлог?

– Только одно спасет нас, Холмси: ты должна прикинуться девой в беде, – сказала она и обрушила камень на лодку.

Зеленая краска треснула, под ней показался пластик. Дейзи перевернула каноэ, и оно тут же наполнилось водой.

– Отлично. Я спрячусь, а ты поговоришь с ним.

– Ни за что!

– У девы в беде не бывает спутников.

– Ни. За. Что.

И тут со стены послышался голос.

– У вас там все в порядке?

Я подняла голову и увидела худого пожилого мужчину с глубокими морщинами на лице. В черном костюме и белой рубашке.

– Каноэ разбилось, – объяснила Дейзи. – Вообще-то мы подруги Дэвиса Пикета. Он разве не тут живет?

– Меня зовут Лайл, – представился мужчина. – Я охранник. Могу вас подвезти.

Глава 4

Лайл усадил нас в гольфкар и повез по асфальтовой дорожке вдоль поля, на краю которого стоял большой дом из бревен с деревянной вывеской «КОТТЕДЖ».

Я не бывала у Пикетов много лет и уже забыла все это великолепие. Песчаные «ловушки» на поле недавно разровняли граблями, на дороге не попадалось ни трещин, ни выбоин, а вдоль нее посадили клены. Однако больше всего мой взгляд притягивали бесконечные ромбы подстриженной травы. Поместье было стерильным, огромным и тихим, как новенький квартал, ожидающий первых жильцов. Мне здесь очень нравилось.

Пока ехали, моя подруга завела недвусмысленный разговор.

– Так значит, вы начальник охраны?

– Охранник.

– Давно здесь?

– Порядочно. И поэтому знаю, что вы не дружите с Дэвисом.

Дейзи, которой было чуждо смущение, и глазом не моргнула.

– Его знает Холмси. А вы работали в день, когда исчез мистер Пикет?

– Он не любит, если кто-то из служащих остается до утра.

– А сколько у вас сотрудников?

Лайл остановил машину.

– Надеюсь, вы и правда знакомы с Дэвисом, иначе я отвезу вас в город и сдам в полицию за вторжение на частную территорию.

Мы свернули за угол, и я увидела бассейн – голубую ширь и знакомый с детства островок. Правда, сейчас над ним построили стеклянный купол. Водяные горки – извилистые, переплетенные трубы – тоже остались на месте, но теперь они были сухими.

Рядом, на террасе, стояли кресла, укрытые белыми полотенцами. Мы обогнули бассейн и доехали до другой террасы, где лежал в шезлонге Дэвис Пикет в школьной рубашке-поло и шортах цвета хаки. Он читал книгу, заслоняясь ей от солнца.

Дэвис услышал шум мотора и привстал. У него были худые обгоревшие ноги, острые колени. На носу – очки в пластиковой оправе, на голове – кепка с логотипом бейсбольной команды «Индиана пейсерз».

– Аза Холмс? – спросил он, поднимаясь нам навстречу.

Солнце слепило мне глаза, и разглядеть лицо Дэвиса не получалось. Я

вылезла из машины, подошла и сказала:

– Здравствуй.

Я не понимала, нужно ли его обнимать. Дэвис, видимо, тоже не знал, надо ли обнимать меня, поэтому мы просто стояли друг напротив друга, а это, если честно, моя любимая форма приветствия.

– Чему обязан удовольствием? – спросил он без всяких эмоций в голосе.

Дейзи подошла и энергично пожала ему руку.

– Дейзи Рамирес, лучшая подруга Холмси. У нас тут каноэ треснуло.

– Налетели на камень. Пришлось высадиться на Пиратский остров, – сказала я.

– Знаете этих девушек? – уточнил охранник.

– Да, все в порядке, спасибо. Хотите что-нибудь выпить? Воды или «Доктора Пеппера»?

– «Доктор Пеппер»? – смутилась я.

– Кажется, это твоя любимая газировка.

Я поморгала и кивнула:

– Да.

– Можно нам три банки «Пеппера», Лайл?

– Конечно, босс, – ответил мужчина и уехал.

Дейзи пошла пройтись, бросив на меня взгляд, говоривший: *Вот видишь, он тебя помнит*. Дэвис, по-моему, ничего не заметил. Он поглядывал на меня с какой-то милой застенчивостью. Сквозь стекла очков его карие глаза казались просто огромными. И глаза, и нос, и рот были ему великоваты, словно выросли, а само лицо еще оставалось детским.

– Не знаю, что и сказать, – начал он. – Не силен в светских беседах.

– Попробуй говорить, что думаешь. Лично я так никогда не поступаю.

Он улыбнулся, пожал плечами.

– Ладно. Я думаю: хоть бы она приехала не из-за награды.

– Какой награды? – неуверенно удивилась я.

Мы сели в кресла друг напротив друга. Дэвис наклонился вперед, поставив острые локти на острые коленки.

– Я думал о тебе пару недель назад, когда отец исчез. Про него говорили в новостях и называли полное имя – Рассел Дэвис Пикет. Нас ведь зовут одинаково, и так странно, когда слышишь, что Рассел Дэвис Пикет пропал. Я же здесь!

– И поэтому ты подумал обо мне?

– Да. Я однажды спросил, почему тебе дали такое имя, и ты сказала, что его выбрала мама. Она хотела, чтобы его звучание стало только твоим.

– Вообще-то, меня называл папа.

Я помнила его слова: *В твоём имени – весь алфавит, от А до Z, чтобы ты знала: ты можешь стать кем захочешь.*

– А твой отец... – начала я.

– Правильно, определил меня на должность младшего.

– Но ты – не имя.

– Конечно же, да. Я не могу не быть Дэвисом Пикетом. Не могу не быть сыном своего отца.

– Наверное.

– И я не могу не быть сиротой.

– Извини.

Он посмотрел на меня усталыми глазами.

– В последние дни мне все звонят и пишут. Я не дурак и понимаю, зачем. Но я не знаю, где отец.

– На самом деле... – сказала я, и тут на нас упала тень.

Я обернулась: за спинкой моего кресла стояла Дейзи.

– На самом деле, – продолжила она, – мы слышали по радио новости, и Холмси сказала, что в детстве была в тебя влюблена.

– Дейзи! – возмутилась я.

– И я, такая, говорю, поехали к нему, это точно настоящая любовь. И мы договорились устроить кораблекрушение, а потом ты вспомнил, что она любит «Доктор Пеппер», и да, ЭТО НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ. Как в шекспировской «Буре». В общем, я вас покину. Можете жить долго и счастливо.

Тень Дейзи ушла, и её сменил золотистый солнечный свет.

– Это что, правда? – спросил меня Дэвис.

– Ну, не прям как у Шекспира. – Однако я так и не нашла в себе мужества признаться. Но, в любом случае, не соврала. Почти. – Мы же были ещё детьми, – добавила я.

Он помолчал.

– Ты очень изменилась с тех пор.

– Как?

– Была такой маленькой худющей молнией, а сейчас...

– Что?

– Ты другая. Взрослая.

Желудок отчего-то заурчал. Никогда не понимала, что чувствует мое тело – страх или радость?

Дэвис смотрел мимо меня, на полосу деревьев у реки.

– Мне очень жаль, что так вышло с твоим отцом, – сказала я.

Он пожал плечами.

– Мой папа большой засранец. Сбежал накануне ареста, потому что он – трус.

Я не находила слов. Если послушать, что люди говорят об отцах, можно чуть ли не радоваться, что у тебя его нет.

– Я правда не знаю, где он, Аза. А те, кто знает, ничего не скажут, потому что он может дать им гораздо больше сотни. Что такое сто тысяч? Ерунда. – Я удивленно смотрела на него. – Прости... Наверное, так нельзя говорить.

– Наверное?

– Ну да. В общем, ему ничего за это не будет. Он всегда выходит сухим из воды.

Я хотела ответить, но тут вернулась моя подруга. С ней пришел какой-то парень – высокий, широкоплечий, в рубашке цвета хаки и таких же шортах.

– Мы идем посмотреть на туатару, – похвалилась Дейзи.

Дэвис встал.

– Малик Мур, наш зоолог.

Он сказал «наш зоолог» так, будто это в порядке вещей, и все, достигнув определенного положения, приобретают себе зоолога.

Я поднялась и пожала руку Малика.

– Я ухаживаю за туатарой, – сообщил он.

Все, похоже, решили, что я прекрасно знаю такого зверя. Малик встал на колени у бассейна, открыл люк, замаскированный плиткой, и нажал на кнопку. Из бортика выполз хромированный решетчатый мост и протянулся к островку.

– Это все по правде? – прошептала Дейзи, вцепившись в мой локоть.

Зоолог театрально повел рукой, приглашая нас идти первыми.

Мы подошли к двери стеклянного купола. Малик провел пластиковой карточкой по замку, тот со щелчком открылся. Я шагнула внутрь и оказалась в тропиках: тут было градусов на двадцать теплее, чем снаружи, и намного больше влаги в воздухе.

Мы с Дейзи остались у входа, а Малик, пробежавшись по островку, вернулся с большой ящерицей, длиной фута два и высотой – три. Ее драконий хвост обвился вокруг его руки.

– Можете погладить.

Дейзи так и сделала, но я заметила на коже зоолога царапины, говорившие о том, что ласка может и не понравиться рептилии. Поэтому, когда Малик повернулся ко мне, я сказала:

– Не люблю ящериц.

Потом зоолог в мучительных подробностях объяснил, что Туа (да, у нее оказалось имя) – не ящерица, а совсем другое с генетической точки зрения существо. Появилось оно двести миллионов лет назад, в Мезозойскую эру, так что это – практически живой динозавр. Я узнала, что туатары могут жить сто пятьдесят лет и дольше, что они – единственный выживший вид из отряда клювоголовых. На родине, в Новой Зеландии, они находятся под угрозой вымирания, а Малик написал докторскую по их молекулярной эволюции. Он говорил и говорил, пока не явился Лайл.

– «Доктор Пеппер», босс.

Я взяла баночки и вручила по одной Дэвису и Дейзи.

– Точно не хочешь ее потрогать? – спросил Малик.

– Динозавров тоже боюсь, – ответила я.

– У Холмси есть почти все основные фобии, – сообщила Дейзи, поглаживая туатару. – Ну, нам пора. Мне еще нужно посидеть с ребенком.

– Я вас отвезу, – предложил Дэвис.

Ему понадобилось зайти домой. Я хотела подождать снаружи, но Дейзи подтолкнула меня с такой силой, что я едва не выбежала вперед.

Дэвис открыл входную дверь – огромное стекло высотой не меньше десяти футов, и мы вошли в просторный зал с мраморным полом. Слева стоял диван, на нем устроился Ноа Пикет. Он играл в космическую битву на гигантском экране.

– Ноа, – сказал Дэвис, – помнишь Азу Холмс?

– Привет! – отозвался он, не отрываясь от игры.

Дэвис убежал наверх по мраморной лестнице, оставив меня наедине с братом. То есть я думала, что мы одни, пока не услышала женский голос:

– Это настоящий Пикассо.

В ослепительно-белой кухне стояла женщина, одетая с ног до головы в белое, и резала ягоды.

– Ого! – выдохнула я, проследив за ее взглядом.

Речь шла о картине, на которой человек из волнистых линий ехал верхом на такой же волнистой лошади.

– Будто в музее, – сказала женщина.

Я посмотрела на нее и вспомнила рассуждения Дейзи о рабочей форме.

– Очень красивый дом, – согласилась я.

– У них и Раушенберг есть. На втором этаже. – Я кивнула, хотя не имела понятия, кто это. Наверное, Майкл знал. – Если хочешь, поднимись.

Женщина махнула в сторону лестницы, и я пошла наверх. Там на стене висела картина, сделанная из переработанного мусора, но я не стала ее рассматривать и вместо этого заглянула в первую же открытую дверь. Комната, судя по всему, принадлежала Дэвису. Безупречно чистая – на ковре еще остались линии от пылесоса. Огромная кровать, на ней – множество подушек и синее одеяло. В углу, рядом с окнами во всю стену – телескоп, нацеленный в небо. Фотографии родных на столе – все старые, тех лет, когда он еще был ребенком. На стенах постеры в рамках – «Битлз», Телониус Монк, Отис Реддинг, Леонард Коэн, Билли Холидей. Книжный шкаф, заполненный книгами в переплетах, и целая полка с комиксами. А на столике у кровати, рядом со стопкой книг – Железный человек.

Я взяла его и повертела в руках. Пластик на одной ноге треснул, открыв пустоту внутри, но ручки и ножки еще поворачивались.

– Осторожнее, – сказал Дэвис. – Ты держишь единственный физический объект, который я люблю по-настоящему.

Я поставила фигурку на место и повернулась.

– Прости.

– Мы с Железным человеком вместе прошли через серьезные испытания.

– Должна тебе признаться: всегда думала, что Железный человек – неудачник.

Дэвис улыбнулся.

– Вместе было весело, Аза, однако нашей дружбе конец.

Я рассмеялась и пошла за ним на первый этаж.

– Роза, побудешь тут, пока я не вернусь? – спросил он женщину.

– Конечно, – отозвалась та. – Я тебе оставила в холодильнике курицу и салат на ужин.

– Спасибо. Ноа, дружище, я приеду через двадцать минут, идет?

– Идет, – ответил Ноа из открытого космоса.

Пока мы шли к «Кадиллаку-Эскалада», возле которого стояла Дейзи, я спросила:

– Это ваша домработница?

– Управляющая домом. Она здесь, сколько я себя помню. А теперь вроде как заменяет нам маму.

– Но она с вами не живет?

– Нет, уезжает в шесть, так что, все-таки, не совсем мама.

Дэвис разблокировал дверцы машины. Дейзи села назад, а меня отправил на место рядом с водителем.

Возле гольфкара стоял охранник. Он разговаривал с женщиной, сгребавшим первые осенние листья, однако внимательно следил за нами.

– Я только отвезу их, – объяснил Дэвис.

– Будьте осторожны, босс.

– Все за мной наблюдают. Как достало! – сказал Дэвис, захлопнув дверцу.

– Сочувствую, – отозвалась я.

Он открыл рот, передумал, но потом все-таки продолжил:

– Вот знаешь, как в средней школе кажется, что на тебя все смотрят и тайно обсуждают? У меня сейчас такое же чувство, только люди на самом деле смотрят и шепчутся.

– Может, они думают, что ты знаешь, где твой отец, – вставила Дейзи.

– Но я не знаю. И знать не хочу.

Дэвис говорил твердо, с уверенностью.

– Почему? – поинтересовалась Дейзи.

В его глазах мелькнуло какое-то непонятное чувство.

– Если он не вернется, так будет лучше всего. Он все равно никогда о нас не заботился.

Наши дома разделяла только река, но мы ехали десять минут, потому что мост в округе всего один. Все молчали, лишь я иногда говорила, куда поворачивать. Наконец добрались. Я взяла у Дэвиса телефон и добавила в него свой номер. Дейзи вышла, не попрощавшись, и я хотела сделать то же самое, но когда возвращала смартфон, Дэвис вдруг взял мою руку и повернул ладонью вверх.

– А я помню, – сказал он, глядя на пластырь. Я вырвалась и сжала пальцы в кулак. – Больно?

Мне почему-то захотелось сказать ему правду.

– Больно или нет, не имеет значения.

– Хороший девиз.

Я улыбнулась.

– Ну, не знаю. Ладно, мне пора.

Я уже закрывала дверь, и тут он сказал:

– Рад тебя видеть, Аза.

– Да. И я тебя тоже.

Глава 5

Мы ехали к Дейзи в теплых объятиях Гарольда, и всю дорогу она без перерыва трещала о моей любви к Дэвису.

– Холмси, ты вся горишь. Прямо светишься. Ты сияешь.

– Неправда.

– Нет, правда.

– Если честно, я даже не знаю, симпатичный он или нет.

– Он средний, как большинство мальчишек. Достаточно красивый, такому я бы разрешила за мной побегать. С парнями вот какое дело: девяносто девять процентов из них – нормальные. Если их одеть и как следует вымыть, поставить ровно, заставить слушать и не быть ослами, получится вполне себе ничего.

– Я правда не хочу ни с кем встречаться.

Знаю, люди часто так говорят, а сами потихоньку надеются найти себе кого-то, но я действительно не хотела. Мне определенно нравились некоторые парни, как и сама мысль быть с кем-то, однако талантов, чтобы осуществить такое, я в себе не находила. Вот список того, что беспокоило меня в романтических отношениях. Во-первых, поцелуи. Во-вторых, необходимость говорить правильные слова, чтобы не задеть чувства партнера. В-третьих, возможность наговорить еще больше неправильных слов, пока стараешься извиниться. В-четвертых, совместные походы в кино и необходимость держаться за руки, даже когда у вас вспотели ладони и пот начинает смешиваться. В-пятых, та часть, когда тебя спрашивают: «О чем думаешь?» И хотят услышать: «О тебе, дорогой», а ты на самом деле думаешь, что коровы не выжили бы, если бы не бактерии в их кишечнике, а это значит, что коровы, как независимая форма жизни, не существуют. Однако сказать такое вслух нельзя, и тебе приходится выбирать между враньем и риском показаться странной.

– А вот я хочу встречаться, – сказала Дейзи. – Я бы сама занялась богатеньким сиротой, только он глаз не сводил с тебя. И кстати, вот интересный момент: угадай, кто получит миллиарды, если Пикет-старший умрет?

– Дэвис и Ноа?

– Нет. Подумай еще.

– Зоолог?

– Нет.

– Сдаюсь.

– Шевели извилинами.

– Ладно. Ты.

– Увы, но нет, что очень несправедливо. Я миллиардер без миллиардов, Холмси. У меня душа владельца частного самолета, а в жизни я катаюсь на общественном транспорте. Это настоящая трагедия. В общем, не я. Не Дэвис. И не зоолог. А туатара!

– Погоди. Кто?

– Туа, черт ее возьми, тара. Малик сказал, что об этом давно все знают. Послушай! – Она взяла смартфон. – Статья в «Звезде Индианаполиса» за прошлый год. «Рассел Пикет, основатель компании “Пикет инжиниринг”, шокировал одетую в смокинги публику на вчерашнем вручении награды, учрежденной нашим зоопарком. Миллиардер объявил, что завещает состояние своей туатаре. Этих существ, чей возраст может превышать сто пятьдесят лет, Пикет назвал “волшебными”. Он признался, что обеспечил наилучшие условия для изучения и содержания своей туатары. “Исследование Туа и ее тайн, – заявил миллиардер, назвав свою питомицу по имени, – даст людям ключ к долголетию и позволит лучше понять, как развивалась жизнь на земле”. На вопрос нашего журналиста, является ли правдой новость о завещании, Пикет ответил утвердительно: “Все мои средства будут принадлежать одной лишь Туа, до самой ее смерти, а затем пойдут в пользу других туатар”. Представитель “Пикет инжиниринг” сообщил, что события частной жизни руководителя не скажутся на деятельности компании». Лучший способ послать подальше детей – оставить все деньги ящерице!

– Насколько ты помнишь, это не ящерица, – поправила я.

– Холмси, однажды тебе дадут Нобелевку за Невероятную Педантичность. Я буду тобой ужасно гордиться.

– Спасибо.

Я остановилась у многоквартирного дома, где жила Дейзи, и припарковала Гарольда.

– Выходит, если отец Дэвиса умрет, сыновья не получат *ни цента*? Разве не должен он заплатить хотя бы за их обучение в колледже?

– Не знаю. Однако мне кажется, если бы Дэвис мог, непременно сдал бы своего папочку.

– Да, – согласилась я. – Но ведь кто-то должен быть в курсе. Один мистер Пикет ничего бы не сделал, правда? Нельзя просто так исчезнуть.

– Конечно. И возможных соучастников очень много. В компании тысячи сотрудников. Да и в поместье неизвестно сколько людей. В смысле,

у них есть даже зоолог.

– Наверное, ужасно, когда в твоём доме весь день полно народа. И даже не родственники, а просто так, посторонние.

– Ты права, Холмси. Какое мучение – слишком угодливые слуги!

Я рассмеялась, а Дейзи хлопнула в ладоши.

– Ладно. Вот мои задачи: прочитать о том, как составляют завещания, и достать полицейский рапорт. Твоя задача: влюбиться в Дэвиса, что ты и так почти уже сделала. Спасибо, что подвезла. Пойду притворяться, будто люблю сестренку.

Она схватила рюкзак, вышла и громко хлопнула драгоценной хрупкой дверью Гарольда.

Дома я села смотреть телевизор с мамой, но думала все время о том, как Дэвис держал мою руку и разглядывал палец.

Доктор Сингх говорит – у меня обсессивные мысли, но когда она впервые произнесла это слово, я услышала «агрессивные», и такое название мне нравится больше, потому что они как сорняки – агрессивно вторгаются в мою биосферу из какого-то далекого мира и выходят из-под контроля.

Предполагается, что такие мысли есть у каждого. Ты стоишь на мосту или где-то еще и вдруг непонятно почему представляешь, что мог бы спрыгнуть. Если ты – такой же, как большинство, ты просто говоришь себе: *Какая чушь!* И живешь дальше. Однако у некоторых людей навязчивая мысль может и победить. Она вытесняет все остальные, пока не превратится в единственную. И ты без конца либо думаешь ее, либо стараешься от нее избавиться.

Смотришь с мамой сериал про детективов, путешествующих во времени, вспоминаешь о мальчике, который держал твою руку, а потом тебе приходит в голову: *надо отлепить пластырь с пальца, проверить, нет ли там воспаления.*

Тебе не хочется, это просто навязчивая мысль. Они есть у всех. Но свою ты прогнать не в силах. Поскольку ты довольно долго ходила на когнитивно-поведенческую терапию, ты говоришь себе: *Я – не мои мысли.* Хотя в глубине души не уверена, из чего именно состоишь. Ты приказываешь себе нажать на крестик в верхнем углу, закрыть эту мысль. И, может быть, она уходит ненадолго. Ты возвращаешься домой, на диван, к маме, и вдруг твой мозг говорит: *Погоди-ка! А если в ране инфекция? Почему не проверить? Не стоило снимать пластырь в школьной столовой, не самое стерильное место. А еще ты плавала на каноэ по реке.*

Теперь ты нервничаешь, потому что тысячу раз бывала на этом родео.

Ты хочешь выбирать свои мысли сама. В конце концов, река действительно грязная. Попадала ли на руку вода? Там и одной капли хватит. *Нужно отлепить пластырь.* Ты говоришь себе, что старалась не касаться воды, но твое «Я» отвечает: *А если ты прикоснулась к чему-то, на что попала вода?* Ты говоришь себе, что рана почти точно не воспалилась, однако пространство, созданное словом «почти», тут же заполняется мыслью: *Надо проверить. Просто проверь, чтобы мы успокоились.* И тогда – ну, хорошо, ладно – ты идешь в ванную, отклеиваешь пластырь и видишь, что крови нет, но на марлевой подушечке могло остаться немного влаги. Ты поднимаешь пластырь и рассматриваешь его насквозь в желтом свете, и да, влажное пятно определенно там есть.

Это, конечно, может быть пот, но может – и речная вода или, еще того хуже, серозно-гнойные выделения, верный признак инфекции. Ты находишь в аптечке антисептическую мазь, выдавливаешь немного на палец, и она страшно жжется, а потом хорошенько моешь руки, напевая песенку про алфавит, чтобы точно отмерить полных двадцать секунд, рекомендованных Центром профилактики заболеваний. Тщательно вытираешь руки. И вонзаешь ноготь большого пальца в трещину болячки, выдавливаешь кровь, пока не выйдет вся, а потом промокаешь рану салфеткой. Берешь пластырь из кармана джинсов, где он никогда не кончается, и аккуратно заклеиваешь палец. Возвращаешься на диван, смотришь телевизор, вся дрожишь, чувствуя, как мало-помалу тебя отпускает, и с облегчением сдаешься на милость своей природы.

Потом, через две, или пять, или шесть сотен минут, ты вдруг задумываешься: *Погоди, а весь ли гной я выдавила? И вообще, там был гной или только пот? Если гной, тогда, наверное, нужно выдавить его снова.*

Вот так спираль сжимается без конца.

Глава 6

На следующий день после уроков я присоединилась к толпе учеников, устремившейся к выходу по переполненным коридорам школы, и добралась до Гарольда. Нужно было сменить пластырь, и это заняло несколько минут, но я все равно решила подождать еще немного, пока народ не разъедется. Чтобы убить время, я отправила сообщение Дейзи и пригласила ее в «Эплби», ресторанчик, куда мы ходили делать уроки.

Несколько минут спустя она ответила: *Работаю до восьми. Встретимся после?*

Я: *Тебя отвезти?*

Она: *Нет, уже еду с папой. Дэвис тебе писал?*

Я: *Нет. Написать самой?*

Она: *НИ ЗА ЧТО!*

Она: *Жди от 24 до 30 часов. Очевидно. Ты заинтригована, а не одержима.*

Я: *Поняла. Не знала, что существуют заповеди для пишущих эсэмэс.*

Она: *Существуют. Мы почти приехали, мне пора. Сейчас будем спички тянуть, кому надевать костюм Чака. Молись за меня.*

Мы с Гарольдом отправились домой, но я вдруг поняла, что могу поехать куда угодно. Не совсем куда захочу, но почти. Могу сгонять в Огайо или Кентукки и все равно вернуться домой, когда положено. Средний Запад – всего пара сотен квадратных миль^[3], и благодаря Гарольду они в моем распоряжении. Словом, вместо того чтобы повернуть домой, я продолжила путь на север по Меридиан-стрит, оттуда выехала на окружную дорогу. По радио заиграла моя любимая песня, «Все время думаю о тебе», и я прибавила громкость. Басы дребезжали в старых динамиках Гарольда, а в глупом и детском тексте было все, что мне нужно.

Иногда по радио все песни как на подбор – отличные. Во время рекламы ты ловишь другую волну, а там играет песня, которая тебе очень нравится, но ты ее почти забыла, песня, которую ты никогда бы не выбрала, но она, оказывается, отлично подходит, чтобы распевать ее во все горло. Вот под один из таких чудесных плей-листов я и ехала в никуда. Сначала – на восток, потом – на север и вновь на восток, пока снова не очутилась у того самого выезда с Меридиан-стрит, откуда и начала свой путь.

Если посчитать расходы на бензин, путешествие по Индианаполису обошлось примерно в семь долларов. Сплошное расточительство, но зато

мне стало намного лучше.

Я припарковалась у гаража и увидела, что пришло несколько сообщений от Дейзи:

Мне досталась короткая спичка, придется лезть в дурацкий костюм.

Увидимся, если выживу.

Если умру, плачь на моей могиле каждый день, пока из земли не поднимется росток, а потом плачь еще, пока он не превратится в прекрасное дерево, чьи корни будут оплетать мое тело.

Меня уведят забирают телефон ПОМНИ ОБО МНЕ ХОЛМСИ.

Новости: я выжила. В «Эплби» меня подвезут. Увидимся.

В гостиной мама проверяла тесты, положив ноги на кофейный столик. Я села рядом, и она сказала, не глядя:

– Днем заехал какой-то Лайл из поместья Пикетов и привез наше каноэ. Его отремонтировали. Он сказал, что вы с Дейзи спускались по Уайт-Ривер и налетели на камень.

– Да.

– Вы с Дейзи. Спускались по Уайт-Ривер.

– Да.

Мама наконец посмотрела на меня.

– Думаю, сделать это вы могли только в одном случае. Если хотели встретить Дэвиса Пикета. – Я пожала плечами. – У вас получилось?

Я пожала плечами снова, но она смотрела на меня, пока я не сдалась.

– Я просто вспомнила о нем. Наверное, искала предлог, чтобы навестить.

– Как он теперь, без отца?

– Думаю, нормально. Кажется, почти все не очень любят отцов.

Мама прижалась ко мне плечом. Я знала, мы обе думаем о папе, но говорить о нем у нас никогда толком не получалось.

– Интересно, были бы у тебя стычки с отцом? – Я промолчала. – Он нашел бы к тебе подход, я уверена. Он понимал тебя гораздо лучше, чем я.

Но волновался по любому поводу. Наверное, из-за этого тебе пришлось бы нелегко. Мне иногда бывало.

– Ты тоже волнуешься, – сказала я.

– Да. В основном из-за тебя.

– Я не обращаю внимания на тревоги. Волноваться – естественно. Жизнь сама по себе тревожна.

– Ты совсем, как он. – Мама грустно улыбнулась. – До сих пор не могу поверить, что он ушел.

Она говорила так, будто папа сам так решил. Косил траву и подумал: *А сейчас я упаду и умру.*

В тот вечер я приготовила макароны с консервированными овощами и сыром. За ужином мы смотрели реалити-шоу про обычных людей, которые стараются выжить в лесу. Когда мы с мамой взялись мыть посуду, Дейзи наконец написала, что приехала в «Эплби». Я сказала маме, что вернусь к полуночи, и воссоединилась с Гарольдом, который, как всегда, был великолепен.

«Эплби» – сеть средненьких ресторанов, где подают «американскую кухню». Это, главным образом, означает, что во всех блюдах будет сыр. В прошлом году на пороге нашего дома появился какой-то парень. Он уговорил маму купить огромную книгу с купонами в поддержку его бойскаутского отряда или что-то вроде того. В книге оказалось шестьдесят купонов на скидку в «Эплби» – два бургера за одиннадцать долларов. С тех пор мы с Дейзи активно ими пользовались.

Подруга ждала меня в отдельной кабинке. Она уже сменила рабочую рубашку на голубую футболку с круглым вырезом. Дейзи углубилась в свой телефон. Компьютера у нее не было, поэтому все – от сообщений до фанатских рассказов – она писала на смартфоне. Она умела печатать на нем быстрее, чем я – на обычной клавиатуре.

– Ты когда-нибудь получала фотографию члена? – спросила она вместо приветствия.

– Ну, я его видела, – ответила я, усевшись напротив.

– Конечно, видела, Холмси. Я же не спрашиваю, не монашка ли ты из семнадцатого века? Ты получала когда-нибудь фотку члена, которую тебе присылали без спроса и всякого объяснения? Типа, как приветствие.

– Нет.

– Смотри.

Она протянула мне смартфон.

– Ага, пенис, – сказала я, прищурившись и повернув телефон немного

против часовой стрелки.

– Вот именно. И хотелось бы это обсудить.

– А может, не надо?

Я быстро опустила телефон, потому что к столику подошла Холли, официантка. Она обслуживала нас практически всегда, однако не принадлежала к числу поклонников Дейзи и Холмси. Возможно, причиной тому была наша купонная стратегия и ограниченные средства – мы не оставляли ей чаевых.

Дейзи, как всегда, заговорила громче.

– Холли, ты когда-нибудь получала...

– Нет, – перебила я. – Нет, нет, нет. – Я посмотрела на Холли. – Мне только воды, но без пятнадцати десять принесите мне, пожалуйста, вегетарианский бургер без майонеза и приправы. Простой вегетарианский бургер и булочку в коробке навынос. С картошкой фри.

– А тебе бургер «Пылающий техасец»? – спросила официантка у Дейзи.

– И бокал красного вина, пожалуйста. – Холли молчала. – Ну ладно. Воды.

– Полагаю, у вас купон?

– Как ни странно, да, – ответила я и придвинула к ней талончик.

Едва Холли отвернулась, Дейзи вновь посмотрела на меня.

– Как реагировать на пенис в качестве комментария? Это должно меня заинтриговать?

– Он, наверное, думает, что дело закончится свадьбой. Вы встретитесь в реале, влюбитесь и будете рассказывать детям, что все началось с фотографии члена.

– Странный такой отклик на мою историю. Типа: «Мне очень понравилось романтическое приключение Рей и Чубакки, когда они обыскивали потерпевший крушение на Эндоре тулгахский корабль в надежде раздобыть знаменитый эликсир терпения. И в качестве благодарности я пошлю автору фотографию своего члена». Как это связать воедино, Холмси?

– Парни отвратные. Все отвратные. И сами люди, и тела. Меня от них тошнит.

– Наверное, просто какой-то неудачник, повернутый на Кайло, – пробормотала она.

Я не понимала, что она имеет в виду.

– Давай о чем-нибудь еще поговорим. Пожалуйста.

– Хорошо. Во время перерыва на работе я стала экспертом по

завещаниям. И вот смотри: ты не можешь оставить деньги животному, но можешь завещать их корпорации, которая существует с единственной целью – обеспечивать животное всем необходимым. Короче, штат Индиана не признает людьми животных, но признает людьми корпорации. Таким образом, деньги Пикета пойдут компании, которая ухаживает за туатарой. Оказывается, оставлять своим детям наследство ты не обязан. Даже если ты очень богат – ни дом, ни деньги на обучение, ничего.

– А что случится, если их отца посадят в тюрьму?

– Им назначат опекуна. Домоправительницу, члена семьи или кого-то еще, и этот человек получит деньги на оплату их расходов. Если я не сделаю карьеру на розыске беглецов, пойду в опекунши к детям миллиардеров. Ладно. Теперь ты начинай собирать досье по делу Пикетов, а мне нужно раздобыть полицейский рапорт и сделать алгебру, потому что день не резиновый, а я провожу большую его часть в «Чак-и-Чиз».

– И как ты собираешься достать рапорт?

– Ну, ты знаешь. Хитростью.

По стечению обстоятельств мы с Дэвисом были друзьями в «Фейсбуке», и хотя его страница представляла собой давно заброшенный город-призрак, я нашла там один из его никнеймов – dallgoodman, который привел меня в «Инстаграм».

Там не было фотографий, только цитаты, напечатанные шрифтом пишущей машинки на фоне, имитирующем помятую бумагу. Первая, опубликованная два года назад, принадлежала Шарлотте Бронте: «Мне есть до себя дело. И чем меньше у меня друзей и поддержки, тем больше я стану уважать себя».

Последняя цитата была: «Тот, кто не боится смерти, умирает лишь один раз». Возможно, Дэвис намекал на своего отца, но я не смогла понять, какая именно тут связь. (И кстати, тот, кто боится смерти, тоже умирает лишь однажды, но ладно.)

Пролистывая цитаты, я заметила нескольких пользователей, которые постоянно ставили «лайки» под его постами. Среди них была некая annibellcheers. Ее публикации, по большей части, касались чирлидинга, но когда я дошла до фотографий, сделанных год назад, там обнаружили такие, где она была вместе с Дэвисом, а под ними стояло множество сердечек.

Похоже, их отношения начались летом между девятым и десятым классами и продлились несколько месяцев. В ее профиле в «Инстаграме» была ссылка на ее «Твиттер», где она все еще следовала за пользователем

pkogneato. Оказалось, что это Дэвис – я поняла по фотографии, на которой его брат «бомбочкой» прыгал в бассейн.

Ник pkogneato привел меня в профиль на «Ютьюбе» – пользователь интересовался, в основном, баскетболом и длинными видео с прохождением какой-нибудь компьютерной игры. Наконец, пролистав множество страниц в поисковике, я нашла один блог.

Сначала я не могла понять, принадлежит ли он Дэвису. Каждая публикация начиналась цитатой, затем шел короткий абзац, в котором было мало личной информации. Например:

В определенный момент жизни красоты мира становится достаточно. Тебе не нужно больше фотографировать, рисовать или даже запоминать. Ее хватает.

Тони Моррисон

Прошлой ночью лежал на холодной земле и смотрел в небо – чистое, только немного подпорченное световым загрязнением и туманом моего дыхания. Ни телескопа, ничего, только я и широкое открытое небо. И я думал: о небе говорят в единственном числе, будто бы это что-то одно. Но небо – не одна вещь. Небо – всё. И прошлой ночью его было достаточно.

Я сомневалась, Дэвис ли это пишет, пока не заметила, что многие из цитат повторяются в его «Инстаграме». В том числе слова Бронте:

Мне есть до себя дело. И чем меньше у меня друзей и поддержки, тем больше я стану уважать себя.

Шарлотта Бронте

В конце, когда устали ходить, мы с ней сели на скамейку и стали смотреть на обмелевшую реку. И она сказала, что красота, главным образом, зависит от твоего внимания. «Река красива, потому что ты на нее смотришь» – вот какими были ее слова.

Еще одна запись, сделанная в прошлом ноябре, примерно тогда, когда они с anniebellcheers перестали отвечать друг другу в «Твиттере», была такой:

По общему согласию – горячее, по общему согласию –

холодное, по общему согласию – обладающее цветом, но в действительности же – атомы и пустота.

Демокрит

Когда наблюдение не совпадает с правдой, чему ты веришь – своим чувствам или правде? У греков даже не было слова для голубого цвета. Он для них не существовал. И без слова они не могли его увидеть.

Я думаю о ней все время. Вздрагиваю, когда вижу ее. Но любовь ли это, или нечто такое, для чего у нас нет названия?

От следующей записи я похолодела:

Величайшее средство от стресса – это наша способность предпочесть одну мысль другой.

Уильям Джеймс

Не знаю, какой сверхсилой обладал Уильям Джеймс, но я способен выбирать свои мысли не больше, чем способен выбрать свое имя.

Он писал о мыслях именно так, как я их переживала – для меня это был не выбор, а судьба. Не каталог сознания, а нечто противоположное.

В детстве я жаловалась маме на обсессивные мысли, и она говорила: «Просто не думай об этом, Аза». Но Дэвис понимал. Выбора нет. Вот в чем проблема.

Была еще одна интересная деталь – все публикации Дэвиса в Интернете прекратились, когда его отец пропал. Больше двух лет он делал записи ежедневно, а на следующий день после исчезновения Пикета-старшего написал:

Спокойной ночи, кретины.

Дж. Д. Сэлинджер

Думаю, нам пора проститься, друзья, хотя, с другой стороны, никто не говорит до свидания, если не хочет увидеть тебя снова.

Все ясно. Должно быть, люди начали вынюхивать, как у него дела. Если уж я нашла тайный журнал Дэвиса, это могли сделать и полицейские.

Однако ушел ли он насовсем или только перебрался на более далекий берег?

Я сбилась со следа. Потерялась среди похожих имен и в итоге узнала о множестве других Дэвисов. Мне попался Дейв Пикет, водитель грузовика из Висконсина, которому было пятьдесят три года; Дэвис Пикет, умерший от паралича, – он много лет публиковал короткие записи, сделанные с помощью программы, которая отслеживала взгляд. Еще был пользователь «Твиттера» с ником dallgoodman, чей блог полностью состоял из ядовитой брани в адрес членов конгресса. На сайте «Реддит» я нашла страницу с отзывами о матчах нашей баскетбольной команды. Возможно, их писал мой Дэвис, но, опять же, со дня, когда пропал Пикет-старший, в комментариях не появилось ничего нового.

– Я близко, – сказала вдруг Дейзи, – очень, очень близко. Вот бы и в жизни ориентироваться так же хорошо, как в Интернете.

Я подняла взгляд и вернулась в измерение «Эплби». Дейзи стучала по экрану телефона пальцами одной руки, а в другой держала стакан воды. Вокруг было шумно, горел яркий свет. Народ у стойки бара кричал, жарко обсуждая какое-то спортивное событие.

– Что у тебя? – спросила Дейзи и поставила стакан на стол.

– У Дэвиса была подруга, но они расстались где-то в прошлом ноябре. Он вел блог, потом забросил, когда пропал отец. Не знаю. В блоге он кажется... милым, наверное.

– Я рада, что ты употребила свой талант детектива, чтобы выяснить, что Дэвис милый. Холмси, я тебя люблю, но найди информацию по делу.

И я нашла. В «Звезде Индианаполиса» много писали о Расселе Пикете, поскольку его компания была одним из крупнейших работодателей штата, но еще – потому что с ним постоянно кто-то судился. Он заключил очень крупную сделку с недвижимостью в центре города, которая вылилась во множество исков; его бывшая секретарша и директор по маркетингу обе предъявили ему обвинения в домогательствах, а садовник, работавший в поместье, хотел привлечь за нарушение прав инвалидов. Списку не было видно конца.

Во всех статьях цитировали адвоката по имени Саймон Моррис. На странице его компании говорилось, что это «небольшая юридическая фирма для клиентов с высоким доходом».

– Можно от тебя подзарядиться, кстати? – Дейзи сунула руку в сумку, вытащила USB-шнур и протянула его мне, не отрываясь от телефона. Я подключила его к ноутбуку, и она вполголоса сказала: – Ну вот, спасибо. Я почти закончила.

Холли принесла мой заказ. Я с треском открыла пластиковый контейнер, схватила пару кусочков картошки и вернулась к своему расследованию. Я набрела на сайт под названием «Стеклянная дверь» с анонимными отзывами сотрудников о компании. Среди комментариев, касавшихся Рассела Пикета, были такие:

«Директор – жуткий извращенец».

«У Рассела Пикета явная мания величия».

«Я не говорю, что руководство заставляет нарушать закон, однако наши директора частенько начинают разговор с фразы “я не говорю, что вам нужно нарушать закон...”».

Вот каким человеком оказался Рассел Пикет. И хотя он сумел уладить проблемы с мелкими исками, следствие по уголовному делу продолжалось. Как я поняла, компания подкупила нескольких чиновников, чтобы получить контракты на строительство новой системы водоотведения для городской канализации.

Пятнадцать лет назад правительство отложило эти деньги на очистку Уайт-Ривер. Планировали построить больше отстойников, расширить систему тоннелей, которые проходят под центром города, и направить по другому пути ручей Погз-Ран. В течение десяти лет реку собирались избавить от канализационных отходов, которые попадали туда каждый раз во время дождя. «Пикет инжиниринг» получила контракт, но превысила бюджет, не закончив строительство. Тогда правительство расторгло договор и объявило конкурс для желающих завершить работу.

И тут, несмотря ни на что, «Пикет инжиниринг» выиграла контракт – очевидно, с помощью подкупа чиновников. Двух людей из руководства компании уже арестовали, и они, по слухам, сотрудничали с полицией. Самому Пикету обвинение так и не предъявили, хотя в статье, опубликованной за три дня до его пропажи, возмущались: «У нас достаточно доказательств, чтобы привлечь к суду Рассела Пикета, почему же бездействуют власти?»

– И вот. Так. Еще немного, еще. Сейчас, грузится архив, открываем, и... все!

Дейзи посмотрела на меня и улыбнулась. Ее передние зубы были немного кривыми, и поэтому она редко улыбалась во весь рот. Но сейчас я видела даже ее десны.

– Можно я подмигну, типа, как Скуби-Ду в конце мультика, и расскажу тебе, как у меня получилось? – Я кивнула. – В общем, первая статья о

Пикете ссылается на полицейский рапорт, который раздобыла «Звезда Индианаполиса». Написала статью Сандра Оливерос при участии некоего Адама Биттерли. Фамилия отстой, но ладно. Биттерли явно работает в газете на побегушках, и в «Гугле» сказано, что он совсем недавно окончил Индианский университет.

Короче, я сделала фальшивую электронную почту, которая выглядит почти как адрес Сандры, и приказала ему выслать мне копию рапорта. Он ответил, что не может – этого документа нет на его домашнем компьютере. Я сказала ему, чтобы метнулся в офис и отправил оттуда. И он такой: «Сейчас же пятница, и вечер уже». А я: «Знаю, что пятница, однако новости не ждут. Работай, или я найду кого-нибудь тебе на замену». И тогда он поехал в офис и выслал мне сканы рапорта.

– Господи.

– Добро пожаловать в будущее, Холмси. Мы больше не взламываем компы, мы взламываем человеческие души. Файл у тебя в почте.

Иногда мне казалось, что Дейзи дружит со мной только потому, что ей нужен зритель.

Пока загружался рапорт, я смотрела сквозь щели в жалюзи на парковку. Прямо нам в окно светил фонарь, а вокруг него было черным-черно.

Я старалась отогнать одну мысль, но когда открыла файл и начала читать, она стала мучить меня еще сильнее.

– Что с тобой? – спросила Дейзи.

– Ничего. – Я снова отмахнулась от мысли, но безуспешно. – А у него не будет неприятностей? Когда в понедельник он придет на работу, он ведь спросит Сандру, зачем ей понадобился тот файл. Она удивится: какой еще файл? И тогда ему достанется. Его могут уволить.

Подруга закатила глаза, но я уже попала в спираль и начала волноваться, что журналист отыщет Дейзи, ее арестуют, и меня, вероятно, тоже, потому что я, наверное, соучастница. Мы всего лишь играем, но люди попадают в тюрьму и за менее серьезные проступки. Я представила выпуск новостей – девушки-хакеры в погоне за сыном миллиардера.

– Он нас найдет, – сказала я, помолчав.

– Кто?

– Биттерли.

– Нет. Я выхожу в Интернет с общественного Wi-Fi и, судя по IP-адресу, нахожусь в Белу-Оризонти, Бразилия. Но если он меня и найдет, я скажу, что ты понятия не имела, чем я занимаюсь, и сяду ради тебя в тюрьму. А ты в благодарность сделаешь на плече татуху с моим портретом.

Будет супер!

– Я серьезно.

– И я серьезно. Твоей тощей ручонке просто необходим мой портрет. И к тому же того парня не уволят. И он нас не найдет. Зато научится, как добывать информацию с минимальным риском. Успокойся, ладно? А мне еще нужно доказать кое-кому в Сети, что Чубакка – личность.

Холли принесла счет – недвусмысленный намек на то, что мы засиделись. Я положила на стол дебетовую карту. У Дейзи вечно не было денег, и мама разрешала мне снимать раз в неделю двадцать пять долларов, если я получаю в школе одни пятерки. Под столом я потеряла свою болячку. Наверное, Дейзи права, и все будет хорошо. Наверное.

Дейзи не подняла головы, но сказала:

– Серьезно, Холмси. Я не допущу никаких неприятностей. Даю слово.

– От тебя зависит не все, вот в чем штука. Жизнью сложно управлять.

– Да, черт побери, – пробормотала она, все еще глядя в телефон. – Ну вот, теперь этот парень говорит, что я пишу о зоофилии.

– О чем?

– В моем рассказе Рей и Чубакка любят друг друга. И это – я цитирую – «преступление, потому что речь об отношениях между видами». Там даже секса нет, потому что могут прочитать дети. Только любовь!

– Но Чубакка – не человек, – возразила я.

– Не важно, человек он или нет, Холмси. Важно – личность ли он. – Она почти перешла на крик. Дейзи относилась к «Звездным войнам» очень серьезно. – А он – личность, несомненно. Что делает тебя личностью? У него есть душа и чувства, он умеет говорить, он взрослый, и если между ним и Рей вспыхнула горячая, лохматая, контактная любовь, нужно просто поблагодарить Бога за то, что два разумных существа, достигших возраста согласия, нашли друг друга в темной и разоренной галактике.

Меня часто преследовал непреодолимый страх, но иногда спасением от него было просто послушать Дейзи. Она выпрямила что-то у меня внутри – мне больше не казалось, будто я попала в водоворот или двигаюсь по спирали, которая вечно сжимается. Больше не нужно сравнений. Я снова вернулась в себя.

– Значит, он – личность, потому что достиг возраста согласия?

– Никто не жалуется, когда мужчины-люди обжимаются с женщинами тви'леков! Потому что, конечно, мужчинам можно выбирать, с кем переспать. Но женщина-человек, влюбленная в вуки, – такой кошмар! Я понимаю, что просто кормлю троллей, Холмси, но я не могу такое поддерживать.

– Я только хотела сказать: младенец неразумен, но он все-таки личность.

– Никто ничего не говорит о младенцах. Это история о любви одного взрослого, который волею судьбы оказался человеком, и другого взрослого, который оказался вуки.

– А Рей вообще говорит на вуки?

– Немного досадно, что ты не читаешь мои рассказы, но больше всего раздражает, что ты вообще не читаешь никаких рассказов о Чубакке. Иначе знала бы, что вуки – не язык, а вид. У них было, по меньшей мере, три языка. Рей выучила шайривук от вуки, которые прибыли на Джакку, но мало им пользовалась, потому что почти все вуки понимали основной язык.

Я рассмеялась.

– А почему все в прошедшем времени?

– Потому что это случилось давным-давно в далекой-далекой галактике, Холмси. О «Звездных войнах» надо всегда говорить в прошедшем времени!

– Погоди, а люди могут говорить на шайри... языке вуки?

В ответ моя подруга очень достоверно изобразила Чубакку, а потом перевела саму себя.

– Я спросила, будешь ли ты доедать свою картошку.

Я подвинула ей коробочку, Дейзи взяла горсть и с набитым ртом снова издала звук Чубакки.

– А это что значит? – спросила я.

– Прошло больше суток. Пора написать Дэвису.

– У вуки есть эсэмэски?

– Были, – поправила она.

Глава 7

В понедельник утром я повезла маму в школу, потому что ее машина была в ремонте. Прямо перед уходом я смазала болячку дезинфицирующим средством. Палец теперь горел, и я сильнее прижимала пластырь, из-за чего боль одновременно слабела и усиливалась. За выходные я так и не написала Дэвису. Все время хотела это сделать, но вечер в «Эплби» кончился, а после я начала бояться, что пауза, наверное, слишком затянулась. Дейзи в субботу и воскресенье работала, а потому заставить меня было некому.

Мама, наверное, заметила, что я давлю на пластырь, и спросила:

– Ты завтра идешь к доктору Сингх, да?

– Ага.

– Как у тебя с лекарством?

– Нормально, кажется.

Однако это было не совсем так. С одной стороны, я сомневалась, что круглые белые таблетки приносят мне пользу, с другой – не принимала их так часто, как требовалось. Я про них забывала, но имелась еще одна, не очень понятная мне причина – какой-то глубинный страх, что принимать таблетку, чтобы стать самой собой, – неправильно.

– Ты вообще здесь, со мной? – спросила мама.

– Да.

Какая-то часть меня – но не я целиком – все еще находилась в Гарольде, чтобы слышать мамин голос и ехать в школу привычной дорогой.

– Только говори доктору правду, ладно? Страдать нет никакой необходимости.

Я бы возразила, что это фундаментальное непонимание доли человеческой, но ладно.

Я припарковалась на площадке у школы, попрощалась с мамой и встала в очередь к металлодетектору. Как только меня признали безоружной, я присоединилась к потоку тел, что плыли по коридорам, точно кровяные клетки – по венам.

Я остановилась возле своего шкафчика, и поскольку у меня было еще несколько свободных минут, стала читать про того репортера, которого обманула Дейзи, Адама Биттерли. Утром он поделился ссылкой на свою статью о попытках школьного комитета запретить какую-то книгу, так что,

судя по всему, его не уволили. Дейзи была права – ничего не случилось.

Я собралась идти на урок, когда ко мне подбежал Майкл и потащил на скамейку.

– Как оно, Аза?

– Хорошо.

В тот момент я думала, как так получается, что одна часть тебя находится в каком-нибудь месте, а другие, самые важные, в это же время находятся в другом, за пределами шести чувств. Например, я сумела доехать до школы, хотя на самом деле не сидела в машине. Я старалась смотреть на Майкла, слышала гомон в коридоре, но я была не там, не настоящему, не вся целиком.

– Короче, – сказал он, – слушай, я не хочу портить нашу дружбу, потому что все просто супер, но... мне неловко, но как ты думаешь, серьезно, ты можешь отказаться...

Он умолк, но я уже поняла, что он хочет сказать.

– Я вряд ли смогу сейчас с кем-то встречаться. Я...

Майкл перебил.

– Все, теперь я смутился еще больше. Я хотел спросить, как ты думаешь, станет Дейзи со мной встречаться? В смысле, ты замечательная, Аза...

Я достаточно хорошо знала Майкла и потому не умерла от стыда, хотя была к этому очень близка.

– Да, – ответила я. – Да. Отличная идея. Лучше поговорить с Дейзи, а не со мной. Но да. Конечно, пригласи ее на свидание. Как неудобно. Такое неловкое положение. Спроси у Дейзи. Я сейчас встану, и давай закончим разговор, так я хоть немного сберегу самоуважение.

– Извини, – сказал он, когда я поднялась и начала отступать. – Ты красивая, Аза. Дело не в том.

– Нет. Нет. Ничего не говори больше. Это определенно моя ошибка. Я просто... Я пойду. Обязательно пригласи Дейзи.

К счастью, прозвучал звонок, позволив мне сбежать на урок биологии. Учителя еще не было, поэтому все болтали. Я села на свое место, ссутулившись, и сразу же написала Дейзи.

Я: Думала, что Майкл хочет пригласить меня на свидание, и решила ему побыстрее отказать, но он меня не пригласил. Он спрашивал, не смогу ли я пригласить на свидание тебя от его имени. Уровень унижения – рекордный. Но тебе стоит согласиться. Он красавчик.

Она: Боже. Паника. Он похож на гигантского пупса.

Я: Что?

Она: Похож на гигантского пупса. Так однажды сказала Молли Краусс, и с тех пор я только таким его и вижу. Не могу встречаться с гигантским пупсом.

Я: Из-за бритой головы?

Она: Из-за всего, Холмси. Потому что он – вылитый гигантский пупс.

Я: Нет.

Она: В следующий раз посмотри на него и скажи, что он не похож на пупса. Он выглядит в точности, как если бы у Дрейка и Бейонсе родился огромный ребенок.

Я: Был бы очень соблазнительный ребеночек.

Она: Я сохраню это сообщение, на случай, если понадобится тебя шантажировать. Кстати, ПРОЧИТАЛА РАПОРТ?

Я: Нет еще, а ты?

Она: Да, хотя мне пришлось закрывать ресторан вчера. И в субботу. И делать домашку по началам анализа, а она для меня как санскрит. И надевать костюм Чака целых двенадцать раз. Никаких зацепок я не нашла, но прочитала все полностью. Хотя отчет ужасно занудный. Я реально невоспетый герой этого расследования.

Я: По-моему, ты достаточно воспета. Сейчас прочитаю. Ну все, мне пора, а то мисс Парк странно на меня смотрит.

На биологии каждый раз, когда мисс Парк отворачивалась к доске, я читала с телефона отчет о пропавшем человеке.

Рапорт занимал всего несколько страниц, и до конца уроков я смогла изучить его полностью. Пропавшему было пятьдесят три, мужчина, седой, голубоглазый. На левом плече – татуировка с надписью *Nolite te bastardes carborundorum* (что, очевидно, значит «Не расстраивайся из-за ублюдков»). На животе – три шрама от операции по удалению желчного пузыря, рост – сто восемьдесят три, приблизительный вес – сто килограммов. Последний раз его видели в белой рубашке с горизонтальными синими полосами и голубых семейных трусах. Исчезновение обнаружили в пять часов тридцать пять минут утра, когда полиция приехала к нему домой по поводу обвинения в подкупе.

Рапорт почти целиком состоял из свидетельских показаний, но свидетели ничего не видели. Кроме Ноа и Дэвиса, в поместье не было в ту ночь никого. По данным с камеры на воротах, два работника, что ухаживали за полем для гольфа, уехали в пять сорок вечера. Зоолог Малик – в пять часов пятьдесят две минуты, Лайл – в шесть ноль две, а

Роза – в шесть ноль четыре. Лайл, видимо, не соврал, сказав нам, что у персонала в поместье нет ночных смен.

Одна страница была посвящена показаниям Дэвиса:

Роза оставила нам пиццу. Мы с Ноа съели ее, пока вместе играли на компьютере. Папа спустился и посидел с нами несколько минут, тоже съел кусок пиццы и ушел наверх. Все как всегда. По вечерам мы с отцом встречаемся лишь ненадолго или вообще не видимся. Я не заметил, чтобы он волновался. Это был обычный день. После ужина мы с Ноа поставили посуду в раковину. Я помог брату с домашним заданием, а потом готовился на диване к урокам, а он играл на компьютере. Я пошел наверх примерно в десять, сделал домашнюю работу, потом наблюдал в телескоп за звездами – Ипсилон Лиры и Вегой. Спать лег примерно в одиннадцать. Даже сейчас не могу вспомнить ничего странного.

[Свидетель также заявил, что не заметил ничего особенного, пока смотрел в телескоп: «Он не предназначен для наблюдений за тем, что происходит на земле. Вы увидите картинку вверх ногами, и все будет двигаться в обратном направлении».]

Дальше приводились показания Ноа:

Я играл в «Бэтлфронт» с Дэвисом. На ужин мы ели пиццу. Папа немного посидел с нами, мы поговорили о бейсбольном матче «Кабз». Он сказал Дэвису, что нужно лучше за мной присматривать, и Дэвис ответил, типа: я ему не отец. Но у них и раньше бывали такие стычки. Когда папа уходил, он положил руку мне на плечо, как-то странно. Я чувствовал, что он и в самом деле за меня держится. Даже чуть больно не стало. Потом он ушел наверх. Дэвис помог мне сделать алгебру, а потом я еще часа два играл в «Бэтлфронт». Примерно в двенадцать я пошел к себе и лег спать. Я не видел папу после того, как он пожелал нам спокойной ночи.

К отчету прилагались фотографии каждой комнаты в доме – почти сто штук.

Я не заметила никакого беспорядка. Стопки бумаг в своем кабинете Рассел Пикет, по-видимому, оставил только на вечер, а не навсегда. На его

прикроватном столике лежал мобильный телефон. Ковры были такими чистыми, что я разглядела две цепочки следов: одна вела к столу, а вторая – в сторону от него. В гардеробных полно костюмов, развешанных в безупречном порядке, по цветам – от светло-серых до самых черных. В кухонной раковине лежали три грязные тарелки с пятнышками жира и томатного соуса. Если судить по фотографиям, Пикет, скорее, не пропал, а вознесся на небеса.

Однако я не нашла в рапорте ни единого упоминания о снимке с ночной камеры, а это значило, что у нас есть кое-что такое, чего нет у полицейских: точное время.

После уроков я села в Гарольда и взвизгнула, потому что на заднем сиденье вдруг появилась Дейзи.

– Черт, ты меня напугала!

– Прости, – сказала она. – Я пряталась от Майкла. Мы с ним в одном классе на истории, а я пока не хочу со всем этим разбираться, и еще мне нужно ответить на несколько комментариев. Тяжела жизнь скромного автора фанатских рассказов. Ты заметила что-нибудь в рапорте?

Я никак не могла отдышаться после испуга. Наконец ответила:

– Похоже, они знают чуть меньше, чем мы.

– Да. Погоди-ка, Холмси. Точно. Точно! Они знают чуть меньше, чем мы!

– И что?

– Награда – за помощь в поисках Рассела Дэвиса Пикета. Может, мы и не знаем, где он находится, но у нас есть информация, которой нет у них, и она поможет напасть на след.

– Или не поможет.

– Надо позвонить. И сказать им: типа, теоретически, если бы мы знали, где находился Пикет в ночь исчезновения, сколько бы мы получили за такую информацию? Может, не все сто тысяч, но хотя бы *часть*?

– Давай я поговорю об этом с Дэвисом, – предложила я.

Не хотелось его предавать, пусть даже я его почти не знала.

– Держи слово, разбивай сердца, Холмси.

– Просто... Кто знает, заплатят ли нам вообще? Это же всего лишь фотография. Тебя подвезти на работу?

– Вообще-то, да.

В тот вечер, пока мы с мамой ужинали и смотрели телевизор, я все думала: что если нам и правда заплатят? У нас действительно есть ценная

информация. Возможно, Дэвис возненавидит меня, узнав обо всем, но почему я должна волноваться о каком-то мальчишке из «Грустного лагеря»?

Наконец я сказала маме, что мне нужно делать домашнюю работу, и сбежала в свою комнату. Я стала снова перечитывать рапорт, на всякий случай, – вдруг пропустила что-нибудь важное, и тут мне позвонила Дейзи. Не успела я открыть рот, как она сообщила:

– У меня был весьма теоретический разговор с горячей линией. Они сказали, что платит не полиция, а фирма, поэтому им и решать, какие сведения считать ценными. А выдадут награду только после того, как найдется Пикет. Наша информация определенно важна, однако вряд ли его разыщут по одному снимку, так что, наверное, мы получим только часть денег. А если его вообще не найдут, останемся с носом. И все же это лучше, чем ничего.

– Или равно ничему, ведь поиски могут не увенчаться успехом.

– Да, но у нас же улика. Должны заплатить хоть что-то.

– Только если его найдут.

– Жулика поймают. Нам заплатят. Не пойму, что тут гадать, Холмси.

Мой телефон зажужжал.

– Пока, – сказала я и повесила трубку.

Пришло сообщение от Дэвиса: *Я раньше думал, нельзя дружить с теми, кто охотится за твоими деньгами или связями.*

Я начала печатать ответ, но увидела многоточие, означавшее, что Дэвис продолжает писать.

Но что если деньги – часть меня? Вдруг они – и есть я?

Через секунду он добавил: *Какая разница между тем, кто ты такой, и тем, что ты имеешь? Возможно, ее не существует.*

Сейчас мне уже все равно, почему я кому-то нравлюсь. Мне просто чертовски одиноко. Я знаю, что это сопли. Но так и есть.

Лежу в песчаной «ловушке» на поле для гольфа и смотрю в небо. День вышел дерьмовый. Извини за сообщения.

Я залезла под одеяло и написала: *Привет!*

Он: *Говорил тебе, что не умею вести светские беседы. Правильно. Вот так и надо начинать разговор. Привет.*

Я: *Ты – не твои деньги.*

Он: *Тогда что я? Что такое человек?*

Я: *Определить, что такое «Я», – сложнее всего на свете.*

Он: А если ты – это что-то, чем ты не можешь не быть?

Я: Возможно. Какое сегодня небо?

Он: Прекрасное. Огромное. Потрясающее.

Я: Мне нравится на улице ночью. Тогда появляется такое странное чувство, будто я тоскую по дому, но не по своему, а по какому-то еще. Но чувство хорошее.

Он: Я сейчас им переполнен. А ты на улице?

Я: В кровати.

Он: Тут плохо смотреть на небо из-за светового загрязнения, но я вижу все восемь звезд Большой Медведицы, даже Алькор.

Я: А почему день дерьмовый?

Я смотрела на многоточие и ждала. Дэвис отвечал долго, и я представляла, как он печатает и стирает текст.

Он: Похоже, я совсем один.

Я: А как же Ноа?

Он: Ноа тоже один. Вот что хуже всего. Я не знаю, как с ним говорить. Как утешить. Он бросил учиться. Я даже не могу заставить его мыться каждый день. Он ведь уже не ребенок. Насильно с ним ничего не СДЕЛАЕШЬ.

Я: А если бы я кое-что рассказала... о твоём отце? Тебе стало бы от этого лучше или хуже?

Он очень долго печатал и наконец ответил: Намного хуже.

Я: Почему?

Он: Есть две причины. Лучше, если отца посадят, когда Ноа будет восемнадцать или шестнадцать, или хотя бы четырнадцать, но не когда ему тринадцать лет. Также если отца поймут, потому что он пытался с нами связаться, – еще ничего. Но если его все-таки поймут, хотя он с нами НЕ связался, это станет для Ноа настоящим ударом. Он еще верит, что папа нас любит и все такое.

На секунду – но лишь на секунду – я засомневалась: а не помог ли он отцу сбежать? Однако я не могла представить Дэвиса сообщником.

Я: Мне очень жаль. Не буду ничего говорить. Не волнуйся.

Он: Сегодня день рождения мамы. Ноа почти не помнит ее. Для него все совсем по-другому.

Я: Мне очень жаль.

Он: *Когда потерял кого-то, начинаешь понимать, что в конце концов потеряешь всех.*

Я: *Да. И как только понял, уже никогда не забудешь этого.*

Он: *Облака находят. Надо спать. Спокойной ночи.*

Я: *Спокойной ночи.*

Я положила телефон на столик и закуталась получше, думая об огромном небе и тяжести одеяла на мне, о Пикете-старшем и моем папе. Дэвис был прав: в конце концов уходят все.

Глава 8

На следующее утро, когда мы с Гарольдом приехали в школу, рядом с моим парковочным местом стояла Дейзи. В Индианаполисе лето не задерживается, и хотя сентябрь еще не кончился, моя подруга уже была одета не по погоде – в рубашку с коротким рукавом и юбку.

– У меня кризис, – объявила она, как только я вылезла из машины. Пока мы шли через парковку, Дейзи пояснила: – Вчера вечером Майкл позвонил, чтобы пригласить меня на свидание. Если бы он написал эсэмэску, я бы справилась, но по телефону страшно нервничаю. К тому же, я сомневаюсь, сможет ли он совладать со всем... этим. – Она повела рукой, указывая на себя. – Я дам гигантскому пупсику шанс. Однако в момент растерянности, не желая соглашаться на полноценное свидание, по-моему, я предложила, чтобы мы пошли на двойную встречу: я – с ним, а ты – с Дэвисом.

– Только не это.

– И он говорит, типа: «Аза сказала, что не хочет ни с кем встречаться», а я говорю: «Ну, она уже влюблена в того парня, который учится в «Аспен-Холле». А он такой: «Сыночек миллиардера?», и я: «Да». И он: «Даже не верится, что она меня, типа, отшила, да еще и причину выдумала». Словом, в пятницу вечером мы с тобой, Дэвис и огромный пупс отправимся на пикник.

– Пикник?

– Ага. Будет здорово.

– Не люблю есть на природе. Почему бы не пойти в «Эплби» и не потратить два купона вместо одного?

Она обернулась. Мы стояли на ступенях школы, вокруг было полно народа, и я боялась, как бы нас не затоптали, но моя подруга обладала даром разверзать моря: люди обходили ее.

– Давай перечислю, что для меня важно. Во-первых, я не хочу оставаться один на один с Майклом на нашем первом и, возможно, единственном свидании. Во-вторых, я сказала ему, что ты влюбилась в парня из «Аспен-Холла», и взять слова обратно не могу. В-третьих, у меня уже очень давно не было романа с человеческим существом. В-четвертых, по этой причине я нервничаю и хочу, чтобы рядом была лучшая подруга. Как видишь, в этом списке из четырех важнейших вещей нет никакого пикника, так что если ты предлагаешь устроить это безобразие в «Эплби»,

я не возражаю.

Я немного подумала и ответила:

– Ладно.

И я написала Дэвису, пока ждала, когда начнется биология.

В пятницу пара друзей ужинает в «Эплби» на углу Восемьдесят шестой и Дитч-роуд. Ты свободен?

Он ответил тут же.

Да. Заехать за тобой или встретимся там?

Встретимся там. Семь подходит?

Да. Увидимся.

В тот день после школы мне нужно было ехать к доктору Сингх, в ее кабинет без окон в огромном медицинском центре при Индианском университете в городе Кармел. Мама предложила меня отвезти, но я хотела побыть наедине с Гарольдом.

Всю дорогу я представляла, что скажу доктору Сингх. Я не умею одновременно обдумывать что-то и слушать радио, поэтому в машине было тихо, лишь сердце Гарольда тихо отстукивало механический ритм. Я хотела сказать доктору, что мне уже лучше, как и полагается по сюжету: болезнь – препятствие, через которое ты перепрыгнул, битва, которую ты выиграл. Болезнь – история, рассказанная в прошедшем времени.

– И как у тебя дела? – спросила доктор Сингх, когда я зашла к ней и села.

Стены в ее кабинете были голыми, если не считать одной маленькой картинки: у моря стоит рыбак с сетью, перекинутой через плечо. Похоже на бесплатную фотографию, с которыми продаются рамки. Доктор Сингх даже не повесила здесь ни одного диплома.

– Я, пожалуй, не управляю автобусом своего сознания, – ответила я.

– Не можешь его контролировать.

– Наверное, да.

Она сидела, скрестив ноги, и постукивала по полу левой ступней, точно пыталась послать сигнал SOS с помощью азбуки Морзе. Доктор Карен Сингх постоянно двигалась, как плохо нарисованная мультяшка, зато у нее было уникальное, самое бесстрастное лицо на свете. Она ни разу не выдала отвращения, не показала, что удивлена. Помню, однажды я призналась, что иногда мне хочется оторвать средний палец и растоптать его. И она сказала: «Так происходит, потому что в нем находится локус твоей боли». «Может быть», – ответила я. Доктор Сингх пожала плечами: «В этом нет ничего необычного».

– Тревожные размышления или обсессивные мысли не приходят к тебе чаще обычного?

– Не знаю. Но они по-прежнему лезут в голову.

– Когда ты наклеила этот пластырь?

– Не знаю, – соврала я. Она смотрела на меня, не моргая. – После обеда.

– А как с боязнью клостридий?

– Не знаю. Иногда случается.

– Ты чувствуешь, что можешь сопротивляться...

– Нет. Я все еще чокнутая, если вы об этом. На фронте безумия – никаких перемен.

– Ты очень часто употребляешь слово «чокнутая». И злишься, когда его произносишь, почти что обзываешь себя.

– Ну, в наше время все сумасшедшие, доктор Сингх. Психически здоровые подростки – прошлый век.

– Мне кажется, ты к себе жестока.

Я ответила, помолчав секунду:

– А как можно быть каким-то с собой? Если ты можешь быть чем-то для себя, значит, «Я» – не что-то единственное.

– Ты увливаешь. – Я смотрела на нее и ждала. – Да, ты права, Аза. «Я» – непростая штука. Может, даже не что-то единственное. Это множество, но множества можно объединять, верно? Подумай о радуге. Одна арка из света, но в то же время и семь разноцветных арок.

– Ммм, да, – согласилась я.

– Можешь объяснить на примере?

– Не знаю. Ну вот, я сижу в столовой и начинаю думать о том, как во мне живут все эти штуки, они едят для меня еду, и я, типа, ими всеми являюсь, будто бы я не столько человек, сколько отвратительный пузырь, кишачий бактериями. И я не могу очиститься, понимаете? Потому что грязь пронизывает меня. То есть я не могу найти в глубине себя чистую, незапятнанную часть – ту часть, где должна находиться моя душа. Выходит, что души у меня, наверное, не больше, чем у бактерий.

– Ничего необычного, – повторила она свою любимую фразу.

Потом доктор Сингх спросила, не хочу ли я снова попробовать экспозиционную терапию, которую проходила в самом начале. Если вкратце, надо, к примеру, трогать грязь пальцем, на котором есть болячка, а потом не мыть его и не приклеивать пластырь. Тогда это помогло на какое-то время, однако сейчас я помнила только свой ужас и боялась даже представить, что еще раз придется через все пройти. Поэтому я покачала

головой.

– Ты принимаешь «Лексапро»? – спросила доктор Сингх.

– Да. – Она молчала, глядя на меня. – Мне страшно его пить, поэтому принимаю не каждый день.

– Страшно?

– Не знаю. – Она продолжала смотреть, постукивая ногой. В комнате стояла гробовая тишина. – Если таблетка меняет тебя, твою самую глубокую сущность... это же ненормально, правда? Кто решает, что я такое, – я сама или работники фабрики, выпускающей «Лексапро»? Во мне как будто живет демон, и я хочу его изгнать, однако сама идея сделать это посредством таблеток... Не знаю... Она странная. Но я справляюсь и не раз пила лекарство, потому что ненавижу демона.

– Ты часто пытаешься осмыслить свой опыт через метафоры, Аза. Демон внутри. Сознание ты называешь автобусом, тюрьмой, спиралью, водоворотом, или петлей, или даже... По-моему, ты однажды сравнила его с кругом, намалеванным от руки. Сравнение показалось мне интересным.

– Да.

– Одна из трудностей, связанных с болью – физической или психологической, – заключается в том, что мы можем приблизиться к ней только с помощью метафор. Ее нельзя представить, как мы представляем стол или тело. В каком-то смысле, боль – противоположность языка.

Она повернулась к компьютеру, пошевелила мышкой, чтобы вывести его из спящего режима, и щелкнула по файлу.

– Вот послушай, что писала Вирджиния Вулф: «В английском языке, который способен выразить мысли Гамлета и трагедию Лира, нет слов для озноба и головной боли. Когда самая обычная школьница влюбляется, к ее услугам Шекспир и Китс – они говорят за нее о чувствах; но попросите пациента описать головную боль, и слова тут будут бессильны». Мы настолько зависим от языка, что в каком-то смысле не можем и осознать того, для чего у нас нет названия. И тогда мы решаем, что оно не настоящее. Мы ссылаемся на него такими пространственными терминами, как *безумие* или *хроническая боль*, – терминами, которые одновременно отвергают это явление и преуменьшают его. *Хроническая боль* никак не отражает мучительное, постоянное, неослабевающее и неизбежное страдание. А слово *безумие* даже отдаленно не передает того ужаса и тревоги, с которыми ты живешь. И точно так же эти термины не говорят об отваге, пример которой подают нам страдающие люди. Вот почему мне хотелось бы, чтобы ты описывала свое психическое состояние не словом *чокнутая*, а каким-то другим выражением.

– Да.

– Ты можешь назвать себя отважной?

Я поморщилась.

– Не заставляйте меня проходить эту терапию.

– Она тебе помогает.

– Я смелый воин в моей внутренней битве за Вальхаллу, – ответила я с каменным лицом.

Доктор Сингх почти улыбнулась.

– Давай обсудим вот какой план: ты будешь принимать лекарство каждый день.

Она заговорила о том, когда мне пить таблетки, утром или вечером, и как мы попробуем прекратить их прием и начать другие, но сделать это нужно в менее напряженный период, например, на летних каникулах, и так далее.

Тем временем у меня кольнуло в животе. Наверное, просто разыгрались нервы. Однако и заражение клостридиями выглядит точно так же – у тебя болит живот, потому что в нем поселилось несколько вредных бактерий, а потом кишечник разрушается, и через семьдесят два часа ты погибаешь.

Нужно почитать про тот случай с женщиной, страдавшей от боли. Но достать телефон нельзя, доктор Сингх рассердится. И все-таки имелись у той пациентки хоть какие-то другие симптомы или все, как у меня? Снова колет. У нее повышалась температура? Черт. Началось. Ты потеешь. Доктор все видит. Может, признаться? Она ведь врач. Наверное, лучше рассказать.

– Живот побаливает.

– Клостридий у тебя нет.

Я кивнула, сглотнув, и тихо добавила:

– Но вы же этого не знаете.

– Аза, у тебя диарея?

– Нет.

– Ты в последнее время принимала антибиотики?

– Нет.

– Недавно лежала в больнице?

– Нет.

– Клостридий у тебя нет.

Я кивнула, но она не была гастроэнтерологом. В любом случае, о клостридиях я знала больше. Почти тридцать процентов погибших заразились ими не в больницах, и более чем у двадцати процентов не было диареи. Доктор Сингх продолжила говорить о лекарствах, но пока я

вполуха слушала ее, меня начало тошнить. Кишечник заболел уже по-настоящему, его крутило, будто бы триллионы бактерий освобождали место для новых гостей, которые разорвут меня изнутри.

Пот лился градом. Ну почему нельзя почитать о той женщине? Доктор Сингх заметила, что со мной происходит.

– Сделаем наше упражнение?

И мы начали его делать – глубокий вдох и медленный выдох, чтобы пламя свечи дрожало, но не гасло.

Доктор велела приехать через десять дней. По времени следующего визита к врачу можно определить степень моего сумасшествия. В прошлом году, бывало, меня отпускали на восемь недель. Теперь не получается и двух.

Пока я шла к Гарольду, прочитала отчет. У женщины действительно была температура. Я приказала себе расслабиться и, наверное, даже успокоилась, только ненадолго. Дома я снова услышала внутренний шепоток, что с животом, определенно, не все в порядке, ведь грызущая боль не утихла.

Тебе от этого не спастись, думаю я.

Твои мысли от тебя не зависят, думаю я.

Ты умираешь, в тебе жуки, они прогрызут твою кожу, думаю я.

Я думаю, думаю, думаю.

Глава 9

Но у меня была и вполне нормальная жизнь. Она продолжалась. Навязчивые мысли пропадали на часы или дни, и я помнила, что однажды сказала мама: твое «сейчас» – это не твое «навсегда». Я ходила в школу, получала хорошие оценки, писала сочинения, разговаривала с мамой после обеда, ужинала, смотрела телевизор, читала. Я не всегда застревала в себе или своих «Я». Я была *не только* лишь чокнутой.

Перед свиданием я целых два часа думала, что надеть. Сентябрь кончался. Погода стояла ясная, прохладная и вполне подходящая для пальто, платья с длинными рукавами и колготок. С другой стороны, не хотелось, чтобы выглядело, будто я специально нарядилась, поэтому я написала Дейзи. Это не помогло: она ответила, что придет в вечернем платье, и я была не уверена, дурачится она или нет.

В конце концов я надела свои любимые джинсы, куртку с капюшоном, а под нее – подарок Дейзи, сиреневую футболку, на которой Хан Соло обнимал Чубакку.

Еще полчаса я красилась и смывала косметику. Обычно я этим не увлекалась, но сегодня нервничала, а макияж иногда работает, как защита.

– Ты глаза подвела? – спросила мама, когда я вышла из своей комнаты.

Она просматривала счета, разложив их по всему кофейному столику. Ручка в ее пальцах замерла над чековой книжкой.

– Немножко, – ответила я. – Что, очень странно выглядит?

– Просто по-другому, – сказала мама, не сумев скрыть неодобрение. – Куда идешь?

– В «Эплби» с Дейзи, Дэвисом и Майклом. Вернусь к двенадцати.

– Это свидание?

– Ужин.

– Ты встречаешься с Дэвисом Пикетом?

– Мы с ним ужинаем в одном ресторане в одно и то же время. Это не свадьба.

Она указала на место рядом с собой на диване.

– Мне нужно приехать к семи, – сказала я.

Мама снова указала на диван. Я села, и она обняла меня одной рукой.

– Ты мало общаешься с матерью.

Доктор Сингх однажды сказала, что если у тебя в одной комнате есть прекрасно настроенная гитара и прекрасно настроенная скрипка и ты

ущипнешь гитару за струну «ре», то на другом конце комнаты струна «ре» на скрипке тоже задрожит. Вот и я всегда чувствовала дрожание маминых струн.

– Я и со всеми остальными мало общаюсь.

– Будь внимательнее, когда ты с Дэвисом, ладно? Большие деньги беспечны, поэтому рядом с ними нужно держаться настороже.

– Он – не большие деньги. Он человек.

– Люди тоже бывают беспечными. – Она обняла меня так сильно, будто хотела выдавить воздух. – Просто береги себя.

Я приехала последней, и за столом осталось только место рядом с Майклом, напротив Дэвиса. Он сегодня надел глаженую клетчатую рубашку и закатал рукава, так что видны были руки. Не знаю почему, но мужские предплечья всегда мне очень нравились.

– Крутая у тебя футболка, – сказал Дэвис.

– Дейзи подарила мне на день рождения, – ответила я.

– А знаешь, некоторые думают, если вуки любит женщину-человека – это зоофилия, – заявила Дейзи.

Майкл вздохнул:

– Берегитесь. Начнется дискуссия, можно ли считать вуки человеком.

– Вообще-то в «Звездных войнах» это самое интересное, – заметил Дэвис.

Майкл застонал:

– Ну вот, началось.

Дейзи немедленно бросилась отстаивать право людей и вуки на любовь.

– А знаешь, в апокрифах «Звездных войн» Хан реально был женат на вуки, и никого это не возмущает.

Дэвис подался вперед и внимательно слушал. Он был не таким крупным, как Майкл, однако места ему требовалось больше – худые руки занимали стол, точно армия – завоеванную территорию.

Дэвис и Дейзи начали обсуждать дегуманизацию клонов, и Майкл сказал, что Дейзи – известный автор фанатских рассказов. Дэвис нашел ее псевдоним в Интернете, и его впечатлило, что у нового рассказа две тысячи просмотров. Потом все смеялись над какой-то шуткой о «Звездных войнах», смысла которой я не поняла.

– Всем воды! – сказала моя подруга, когда к нам подошла Холли.

Дэвис повернулся ко мне.

– У них нет «Доктора Пеппера»?

– Стоимость напитков купоном не покрывается, – равнодушно объяснила официантка. – Но «Пеппера» нет, у нас только «Пепси».

В наступившей тишине я вдруг поняла, что молчу с тех самых пор, как Дэвис сделал комплимент моей футболке. Дэвис, Дейзи и Майкл вернулись к разговору о «Войнах», размере вселенной и путешествиях со сверхсветовой скоростью.

– «Звездные войны» – религия американцев, – сказал Дэвис.

– Думаю, религия американцев – это религия, – ответил Майкл.

И хотя я смеялась вместе с ними, казалось, что я наблюдаю со стороны, будто смотрю фильм о своей жизни вместо того, чтобы жить.

Я услышала свое имя и очнулась, точно меня со щелчком вставили в саму себя, – я сидела в «Эплби», прислонившись спиной к подушке, обитой зеленым винилом; пахло жареной пищей, кругом гудели голоса.

– У Холмси есть «Фейсбук», – сообщила Дейзи, – но он последний раз обновлялся, когда она еще училась в средней школе. – Она поглядела на меня с непонятным намеком и добавила: – С Интернетом Холмси как бабушка. – Дейзи снова сделала паузу. – Да? – спросила она у меня с нажимом.

И тут я наконец поняла: она старается меня разговорить.

– Нет, я пользуюсь Интернетом. Просто не чувствую, что мне нужно, типа, вносить в него свой вклад.

– Там и в самом деле уже достаточно информации, – согласился Дэвис.

– Неправда, – возразила Дейзи. – Например, не хватает хороших романтических историй о Чубакке, а я – одна и написать больше просто не в силах. Миру нужны любовные рассказы Холмси о вуки.

В разговоре ненадолго повисла тишина. От нервов у меня по рукам побежали мурашки, я чувствовала, что вот-вот начну потеть. Друзья снова заговорили, принялись рассказывать о каких-то случаях из жизни, перебивали друг друга, смеялись. Я пыталась улыбаться и кивать в нужный момент, но всегда на секунду отставала от остальных. Все смеялись, потому что было смешно, а я – потому что смеялись они.

Есть не хотелось, но когда принесли заказ, взяла нож и вилку и стала клевать свой бургер по кусочку, притворяясь, будто ем больше, чем в меня может поместиться. Разговор ненадолго затих. Потом Холли принесла счет, и я хотела взять его.

Дэвис накрыл мою руку своей.

– Позволь мне, пожалуйста.

И я разрешила ему забрать счет.

– Надо что-нибудь еще сделать, – заявила Дейзи.

Я была готова поехать домой, поужинать в одиночестве и лечь в постель.

– Поедем в кино?

– Можно посмотреть у меня, – предложил Дэвис. – Нам присылают все фильмы.

Майкл наклонил голову.

– В каком смысле?

– Все фильмы, которые выходят в кинотеатрах, присылают и нам. У нас есть зал для просмотра, и мы... просто платим за них или типа того. Не знаю точно, как там все происходит.

– То есть когда фильм выходит в кино, он... выходит и у вас дома?

– Да. Когда я был маленьким, к нам приходил киномеханик, но сейчас все цифровое.

– И это все у вас дома? – все еще не понимал Майкл.

– Да. Я вам покажу.

Дейзи посмотрела на меня.

– Холмси, ты поддерживаешь?

Я растянула губы в улыбке и кивнула.

Я поехала на Гарольде, Дейзи – с Майклом на микроавтобусе его родителей, а Дэвис на своей «Эскаладе» показывал дорогу. Наш маленький караван направился на запад по Восемьдесят шестой улице до Мичиган-роуд, а дальше, мимо «Уолмарта», ломбардов и контор, где выдавали быстрые займы, – к воротам, которые находились через дорогу от музея искусств. Район, где жили Пикеты, был не такой уж милый, однако их поместье занимало огромную территорию и само по себе могло считаться районом.

Ворота открылись, и мы вслед за Дэвисом доехали до парковки возле стеклянного особняка. В темноте он производил еще более сильное впечатление. Сквозь стены я видела всю кухню, наполненную золотым светом.

Когда я вышла из Гарольда, ко мне подбежал Майкл.

– Ты знаешь... Господи, я всю жизнь хотел увидеть этот дом. Это же Ту-Кьен Фам.

– Кто?

– Архитектор Ту-Кьен Фам. Она ужасно знаменитая. В США спроектировала только три дома. Боже, невероятно!

Когда мы вошли в дом, Майкл вновь принялся восхищаться.

– Петтибон! Пикассо! О господи, КЕРРИ ДЖЕЙМС МАРШАЛЛ!

Я знала только Пикассо.

– Да. Я уговорил папу его купить, – сказал Дэвис. – Пару лет назад отец взял меня на выставку в Майами-Бич. Мне очень нравятся работы Маршалла.

Я заметила, что Ноа все так же лежит на диване, играя в ту же самую игру.

– Ноа, это мои друзья. А это мой брат, Ноа.

– Привет! – отозвался он.

– А можно мне тут походить? – спросил Майкл.

– Конечно. Зацени Раушенберга наверху.

– Фантастика!

Майкл бросился вверх по лестнице. Дейзи потащила за ним.

Я осознала, что Дэвис тянет меня к картине, которую Майкл назвал «Петтибон». На ней изображалась цветная спираль, или, может, многоцветная роза, или водоворот. Она была нарисована так хитро, что мой взгляд заблудился в изогнутых линиях, и приходилось постоянно сосредотачиваться на отдельных фрагментах. Я, скорее, не смотрела на картину, а стала ее частью. Мне очень захотелось схватить ее и убежать.

Я вздрогнула, когда Дэвис вдруг обнял меня за талию.

– Раймонд Петтибон. Больше всего известны его картины с сёрферами, но мне нравятся спирали. Раньше он был панком. Играл в «Блэк Флэг» еще до того, как они стали «Блэк Флэг».

– Не знаю, что такое «Блэк Флэг», – призналась я.

Он вытащил телефон, постучал пальцами по экрану, и комнату заполнили скрежет музыки и хриплые крики, идущие из динамиков сверху.

– Вот «Блэк Флэг», – сказал Дэвис и выключил музыку через телефон. – Пойдем смотреть кинотеатр?

Я кивнула, и он повел меня в подвал, только не настоящий – потолки там были высотой футов пятнадцать^[4]. Мы прошли по коридору и остановились перед стеллажом с книгами в переплетах.

– Папина коллекция первых изданий, – сказал Дэвис. – Нам их трогать нельзя, конечно. Жир с человеческих пальцев испачкает страницы. Но эту ты можешь взять.

Он показал на книгу «Ночь нежна». Я протянула руку и едва коснулась корешка, как стеллаж разделился на две части. Створки открылись внутрь, и моему взору предстал кинотеатр с полукруглыми рядами черных кожаных кресел.

– Книга Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, – объяснил Дэвис, – чье

полное имя было Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд^[5].

Я ничего не ответила – размер экрана меня ошеломил.

– Наверное, заметно, как я изо всех сил стараюсь произвести на тебя впечатление, – сказал Дэвис.

– Ничего не получится. Я постоянно тусуюсь в особняках с потайными кинотеатрами.

– Посмотрим что-нибудь? Или пойдем погулять? Хочу показать тебе кое-что.

– Нельзя бросать Дейзи и Майкла.

– Я им скажу.

Он достал телефон, понажимал что-то и произнес:

– Мы пошли гулять. Чувствуйте себя как дома. Если решите взглянуть на кинотеатр, он в подвальном этаже.

Через секунду его голос раздался в динамиках.

– Я могла бы просто послать ей эсэмэс, – сказала я.

– Да, но было бы не так круто.

Я застегнула куртку и последовала за Дэвисом на улицу. Мы прошли по асфальтовой дорожке вдоль поля, мимо бассейна, в котором лампы светили из-под воды, медленно меняя цвета с красного на оранжевый, желтый, зеленый. На окна террариума ложился зловещий отсвет, напомнивший мне северное сияние.

Наконец мы дошли до продолговатой песчаной «ловушки». Дэвис лег на спину, положив голову на травянистый край, а я устроилась рядом, так что рукава наших курток соприкасались. Он показал на небо.

– Световое загрязнение ужасное, но самая яркая звезда – вон там. Видишь? – Я кивнула. – Это не звезда, а Юпитер. Но расстояние от нас до Юпитера, в зависимости от положения планет на орбитах, составляет от трехсот шестидесяти до шестисот семидесяти миллионов миль. Сейчас оно равняется примерно пятистам миллионам миль – около сорока пяти световых минут. Знаешь, что такое световое время?

– Вроде, да.

– Это значит, если мы путешествуем со скоростью света, нам потребуется сорок пять минут, чтобы добраться туда. Поэтому Юпитер, который мы видим сейчас, это Юпитер сорок пять минут назад. А вон там, над деревьями, видишь пять звезд? Типа кривой буквы W?

– Да.

– Кассиопея. И вот от чего с ума сойти можно. Та звезда вверх называется Каф, и от нас до нее – пятьдесят пять световых лет. До Шедар –

двести тридцать. А до Нави – пятьсот пятьдесят. То есть они далеки не только от нас, но и друг от друга. Насколько нам известно, Нави пятьсот лет назад взорвалась.

– Ого, – сказала я. – Значит, мы смотрим на прошлое.

– Да, именно.

Дэвис пошевелился. Я думала, он хочет достать телефон, но потом скосила глаза и увидела, что он ищет мою руку. Я сжала его пальцы, и мы лежали в тишине под светом древних звезд. Я размышляла о том, как получается, что небо – по крайней мере, здесь – на самом деле не черное. Настоящая тьма была в силуэтах деревьев. Они превратились в тени самих себя на фоне серебряно-синего небосвода.

Я услышала, как Дэвис повернул голову, и буквально почувствовала, что он на меня смотрит. Я задумалась, почему мне хочется, чтобы он меня поцеловал? Как понять, почему ты хочешь быть с кем-то, как распутать сложные узлы желаний? А еще я думала, почему мне страшно тоже повернуться к нему.

Дэвис снова заговорил о звездах. Стало совсем темно, и я видела все больше и больше – едва различимых, мерцающих, дрожащих на краешке видимости точек. Он рассказывал о световом загрязнении, о том, что, если долго ждать, можно увидеть, как звезды двигаются, и о том, как один греческий философ думал, что звезды – это булавки в небесном покрове.

После небольшой паузы он заметил:

– Ты все время молчишь, Аза.

– Никогда не знаю, что нужно сказать.

Он спародировал меня в тот день, когда мы встретились у бассейна:

– Попробуй говорить, что думаешь? Я так никогда не поступаю.

И я решила ответить правду:

– Я думаю о «всего лишь организме».

– И что же это такое?

– Не могу объяснить.

– А ты попробуй.

Я наконец посмотрела на него. Все воспевают красоту зеленых или голубых глаз, но у них нет той глубины, которая была в карих глазах Дэвиса. Когда я видела, как он смотрит на меня, я чувствовала, что и в моих карих глазах тоже есть что-то особенное.

– Наверное, мне просто не нравится, что я должна жить внутри тела. Если ты понимаешь, о чем я. Возможно, по сути своей я просто инструмент, который существует, чтобы превращать кислород в углекислый газ. Я – всего лишь организм в этой... бесконечности. И меня в какой-то

степени ужасает, что я фактически не контролирую свое так называемое я. К примеру, как ты наверняка заметил, моя рука вспотела, даже несмотря на холод. А самое ненавистное – стоит мне вспотеть, и пот будет литься без конца. Я не смогу думать ни о чем другом, кроме этого. А ведь если не от тебя зависит, о чем ты думаешь, тогда, наверное, ты на самом деле не настоящий. Может, я – просто ложь, которую нашептываю сама себе?

– Вообще-то, я и не заметил, что ты потеешь. Но уверен, что это тебя не успокоит.

– Нет, не успокоит.

Я вытерла руку о джинсы и промокнула лицо рукавом куртки. Я была сама себе противна. Омерзительна. Но не могла от себя отстраниться, потому что застряла внутри. Я вспомнила, что запах пота происходит не от него самого, а от бактерий, поедающих его.

И я стала рассказывать Дэвису о необычном паразите, плоском черве *Diplostomum pseudospathaceum*. Он вырастает в глазах рыб, но размножаться может только в птичьем кишечнике. Зараженная рыба плавает на глубине, чтобы птицы не смогли ее заметить, но как только паразит достигает зрелости, рыба поднимается близко к поверхности. Она старается скормить себя птицам. В конце концов так и происходит, и паразит, который все время управлял ходом этой истории, оказывается именно там, где нужно: в животе птицы. Там он размножается, маленькие черви с пометом попадают в воду, где встречаются с рыбами, и цикл начинается заново.

Я попыталась объяснить, почему это пугает меня так сильно, однако у меня не получилось. Я заметила, что увела разговор очень далеко от тем, о которых мы говорили, когда держались за руки и едва не поцеловали друг друга. Птичьи фекалии, зараженные паразитами, – прямая противоположность романтики, но я не могла остановиться, потому что хотела, чтобы он понял: я чувствую себя как рыба. Будто бы моя история написана кем-то другим.

Я даже поделилась тем, что не говорила ни Дейзи, ни доктору Сингх, совсем никому: надавливать на кончик пальца я начала, чтобы убедить себя – я существую на самом деле. В детстве мама сказала: если ущипнешь себя и не проснешься, значит, ты точно не спишь. И поэтому каждый раз, когда я сомневалась в своей реальности, вонзала ноготь в подушечку, чувствовала боль и думала: Ну, конечно же, я настоящая. Правда, и рыбы чувствуют боль, вот в чем дело. Ты не можешь узнать, что действуешь по воле какого-то паразита, никак не можешь.

Потом мы долго молчали. Наконец Дэвис сказал:

– После разрыва аневризмы мама пролежала в больнице месяцев шесть. Ты знаешь? – Я покачала головой. – У нее было что-то вроде комы, она не могла говорить и двигаться, не ела, но иногда, если положить руку на ее ладонь, она сжимала пальцы.

Ноа был слишком маленький, его в больницу брали редко, но я должен был ходить. Каждый божий день после школы Роза привозила меня туда. Я ложился рядом с мамой в ее палате, и мы смотрели по телевизору «Черепашек-ниндзя».

Ее глаза были открыты, она могла сама дышать. А я, пока смотрел мультик, всегда держал в кулаке Железного человека. И вот, я клал свой кулачок ей на руку и ждал. Иногда она сжимала его, получался кулак в кулаке, и тогда я чувствовал себя... не знаю... *любимым*, наверное.

В общем, однажды пришел отец. Он встал поодаль, у самой стены, будто мама заразная. Некоторое время спустя она сжала мой кулак, и я сказал об этом ему. Он ответил, что это рефлекс. Я повторил: «Она держит меня за руку, папа, смотри». А он сказал: «Ее нет в комнате, Дэвис. Она больше не с нами».

Но все не так, Аза. Мама была настоящей. Она еще жила. Она была личностью ничуть не меньше, чем все прочие. Ты настоящая не потому, что у тебя есть тело или мысли.

– А почему тогда?

Он вздохнул.

– Не знаю.

– Спасибо, что сказал мне это.

Я повернула голову и посмотрела на его профиль. Временами Дэвис был похож на мальчишку – бледная кожа, прыщи на подбородке. Но сейчас он выглядел как красивый мужчина. Мы молчали, и мне стало неловко. Наконец я задала ему самый глупый на свете вопрос, потому что хотела услышать, что он ответит.

– А ты о чем думаешь?

– Думаю, все слишком хорошо для правды.

– Что хорошо?

– Ты.

– А. – Я помолчала секунду и добавила: – Никто никогда не говорит, что для правды что-нибудь слишком плохо.

– Я знаю, ты видела фотографию с ночной камеры. – Я не ответила, и он продолжил: – Ты хочешь рассказать о ней копам. Они предложили тебе деньги?

– Я приехала не для того...

– Но откуда мне знать, Аза? Откуда? О ком бы то ни было. Ты уже отдала им снимок?

– Нет, мы не будем. Дейзи хочет, но я не дам ей. Обещаю.

– Откуда мне знать? – повторил он. – Не могу прогнать эти мысли, как ни стараюсь.

– Деньги мне не нужны, – ответила я, хотя и сама не знала, правда ли это.

– Слабых используют.

– Со всеми так, – сказала я. – А фотография даже не имеет ценности. Просто картинка. По ней никто не поймет, где сейчас твой отец.

– Она даст им время и место. Ты права: отца не найдут. Зато спросят меня, почему я не передал им снимок. И никогда не поверят мне, потому что хорошего оправдания у меня нет. Просто я не хочу разбираться с одноклассниками, пока его судят. И не хочу, чтобы с этим столкнулся Ноа. Я хочу... чтобы все осталось, как прежде. И «отец в бегах» к этому ближе, чем «отец в тюрьме». Он не сказал мне, что уходит. Но если бы сказал, я бы его не остановил.

– Даже если бы мы отдали фотографию, арестовывать тебя, похоже, никто не собирается.

Дэвис вдруг поднялся и зашагал через поле. Я услышала, как он сказал сам себе:

– Полностью решаемая проблема.

Дэвис привел меня к коттеджу, и мы вошли. Это был охотничий домик, отделанный деревом, с высокими потолками и головами животных на стенах. Перед огромным камином стоял клетчатый, туго набитый диван, а по бокам от него – такие же кресла.

Возле бара Дэвис открыл шкафчик, висевший над раковиной, вытащил оттуда коробку с овсяными колечками и стал высыпать ее содержимое. Несколько колечек упали в раковину, а за ними вывалилась пачка банкнот, скрепленная бумажной лентой. Я шагнула ближе и увидела, что на ней написано «10 000». Верилось с трудом, ведь пачка была такая маленькая – самое большее, четверть дюйма толщиной. Из коробки вывалилась вторая пачка, а за ней – третья. Дэвис достал с полки коробку с пшеничными подушечками и повторил процедуру.

– Что... что ты делаешь?

Он схватил третью коробку.

– Отец всюду сует эти пачки. На днях я нашел одну в гостиной. Он прячет деньги, как алкоголик – бутылки с водкой.

Дэвис отряхивал пачки от сахарной пудры и складывал возле

раковины, потом схватил их все. Стопка уместилась в одной руке.

– Сто тысяч долларов, – сказал он, протянув ее мне.

– Нет, Дэвис. Я не могу...

– Аза, полиция во время обыска нашла два миллиона, и я уверен, что это даже не половина. Куда бы я ни заглянул, я нахожу денежные пачки, понимаешь? Не хочу выражаться слишком сложно, но для моего отца – это просто погрешность округления. Вот награда за то, что ты не скажешь полицейским о фотографии. Тебе позвонит наш адвокат, Саймон Моррис. Он славный, только немного юрист.

– Я не пытаюсь...

– Но откуда мне знать? Пожалуйста, просто... если ты мне еще позвонишь или напишешь, я буду уверен, что не из-за денег. И ты тоже. Такое приятно знать, даже если мы больше не увидимся.

Дэвис подошел к шкафу, сунул деньги в синюю матерчатую сумку и протянул мне.

Он сейчас выглядел как мальчишка – со слезами в карих глазах, испуганным, усталым лицом – словно ребенок, проснувшийся от кошмара. Я взяла сумку и сказала:

– Я позвоню.

– Посмотрим.

Я спокойно вышла из коттеджа, но потом побежала через поле, мимо бассейна, прямо в дом. Взлетела вверх по лестнице и прошла по коридору, пока из-за одной двери не послышался голос моей подруги. Я заглянула в комнату. Дейзи и Майкл лежали на огромной кровати с пологом и целовались.

– Хм, – кашлянула я.

– А можно нам немного побыть наедине? – отозвалась Дейзи.

Я закрыла дверь, пробормотав:

– Да, но вы не у себя дома.

И куда теперь идти? Я вернулась на первый этаж. Ноа по-прежнему сидел на диване и смотрел телевизор. В свои тринадцать он до сих пор надевал на ночь пижаму, похожую на костюм Капитана Америки. На коленях у него стояла миска с овсяными колечками. Ноа зачерпнул пригоршню.

– Привет, – сказал он с набитым ртом.

Волосы мальчик давно не мыл, они липли ко лбу. Вблизи было видно, какой он бледный и худой.

– Как у тебя дела? – спросила я.

– Просто блеск, лучше не бывает. – Он прожевал и добавил: – Ну что, раскопала что-нибудь?

– В смысле?

– Насчет отца. Дэвис говорил, ты хочешь сто тысяч. Нашла что-нибудь?

– Нет.

– Может, тебе помочь? Я скопировал все его заметки из облачного хранилища. Там может быть что-то такое, что наведет тебя на след. Ночью, прямо перед тем, как исчезнуть, он написал два слова – «рот бегуна». Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Нет, ни о чем.

Я дала ему свой номер, чтобы он переслал заметки, и пообещала их прочитать.

– Спасибо, – сказал Ноа.

Он перешел на шепот.

– Дэвис думает – хорошо, что отец в бегах. Говорит, если его посадят в тюрьму, станет хуже.

– А ты как думаешь?

Секунду он смотрел на меня.

– Я хочу, чтобы он вернулся домой.

Я села на диван рядом с ним.

– Уверена, он вернется.

Он наклонился поближе, потом еще, и наконец его плечо коснулось моего. Я не была в восторге от прикосновений к незнакомым людям, особенно учитывая, что Ноа давно не мылся, однако сказала:

– Бояться – нормально, Ноа.

И тогда он отвернулся и начал всхлипывать.

– Все с тобой в порядке, – соврала я. – В порядке. Он вернется домой.

– У меня мысли путаются, – произнес он тонким, сдавленным от слез голосом. – С тех пор, как он ушел, у меня путаются мысли.

Я знала, о чем он, – у меня мысли путались всю жизнь, я не могла даже додумать их до конца, потому что они приходили не в виде линий, а в виде спутанных клубков, напоминали зыбучий песок или глотающие свет кротовые норы.

– Все с тобой в порядке, – соврала я снова. – Наверное, тебе надо отдохнуть немножко.

Я не знала, что еще сказать. Он был таким маленьким, таким одиноким.

– Ты мне напишешь, если узнаешь что-нибудь об отце?

– Конечно.

Через некоторое время Ноа выпрямился и вытер глаза рукавом. Я сказала, что ему надо поспать. Было почти двенадцать.

Он поставил миску на кофейный столик, встал и пошел наверх, не простившись.

Я не знала, куда податься, и немного паниковала из-за сумки с деньгами, поэтому в итоге просто вышла из дома. Посмотрела на небо и зашагала к Гарольду, думая о звездах в Кассиопее, которые находятся в световых столетиях от нас и друг от друга.

Я шла и помахивала сумкой – она почти ничего не весила.

Глава 10

На следующее утро, еще не вылезая из кровати, я написала Дейзи:

Большие новости. Набери, как только сможешь.

Она тут же перезвонила.

– Ну и дела, – сказала я.

– Знаю, он – гигантский пупсик, но если взглянуть поближе, очень даже ничего. Он милый, сексуально открытый, с ним приятно, хотя мы ничего такого не делали.

– Ужасно за тебя рада, я вчера...

– И я действительно ему нравлюсь, похоже. Обычно я вижу, что парни меня побаиваются, а он – нет. Когда он тебя обнимает, чувствуешь, что это на самом деле, понимаешь? Он сегодня утром уже звонил, и меня даже не напрягло, а наоборот. Но ты, пожалуйста, не думай, что я такая подруга, которая влюбилась и всех бросила. погоди, я что, сказала, что влюбилась? Мы вместе меньше суток, а я уже такими словами бросаюсь. Что со мной происходит? Я же знаю его с восьмого класса. Почему он вдруг оказался таким удивительным?

– Потому что ты читаешь слишком много фанатского творчества про любовь?

– Ничего подобного. А как Дэвис?

– Об этом я и собиралась поговорить. Нужно встретиться. Лучше, если я тебе все покажу.

Мне хотелось посмотреть на ее лицо, когда она увидит деньги.

– Меня уже пригласили позавтракать.

– А я-то думала, ты своих не бросаешь.

– Нет, не бросаю. Завтрак у меня с мистером Чарлзом Чизом. Увы. А твое дело не подождет до понедельника?

– Нет.

– Ладно. Я работаю до шести. Увидимся в «Эплби». Но мне, возможно, придется делать несколько дел сразу, потому что надо закончить рассказ. Не принимай на свой счет. Все, он звонит, мне пора, спасибо, целую, до встречи.

Я положила телефон и тут заметила, что в дверях стоит мама.

– Все в порядке? – спросила она.

– Мам, ну хватит за мной следить.
– Как прошло свидание с тем парнем?
– С каким? Их так много, приходится таблицу вести, иначе всех не упомнишь.

От нечего делать я прочитала файл с заметками, который прислал мне Ноа. Это был длинный список, в который входили самые разные записи, от названий книг до цитат.

Со временем рынки всегда будут стремиться к большей
свободе

Эмоциональная вовлеченность клиента

Пятый этаж, лестница один

Бесчестье – Кутзее

И так – страница за страницей, короткие записки самому себе, понять которые не мог никто другой. Однако четыре последние строчки меня заинтересовали:

Мальдивы Косово Камбоджа

Никогда не говори о нашем деле посторонним

Если только не обнаружат твою ногу

Рот бегуна

Я не знала, когда он сделал эти записи, но они, определенно, были связаны. Я быстро выяснила, что на территориях Косово, Камбоджи и Мальдивских островов не действует договор с США об экстрадиции, а значит, если бы Пикет остался там, то избежал бы суда на родине. «Никогда не говори о нашем деле посторонним» назывались воспоминания женщины, чей отец жил, скрываясь от закона. На запрос «обнаружат ногу» поисковик выдал статью под названием «Выживание в бегах». Сама же цитата относилась к тому, как трудно имитировать собственную смерть.

«Рот бегуна» остался для меня загадкой. Поиск не показал ничего, кроме бегущих людей с открытыми ртами. Но, конечно же, все мы оставляем смешные записки, которые имеют смысл только для нас. Для того и существуют приложения в телефонах. Возможно, Пикет увидел бегуна с интересным ртом. Я переживала за Ноа, но, в конце концов, бросила эту затею.

Мы с Гарольдом приехали в «Эплби» на полчаса раньше. Я почему-то испугалась и не стала выходить из машины. Правда, в багажник можно было залезть изнутри, если наклонить спинку заднего сиденья. Я подползла ближе и стала шарить рукой, пока не нащупала сумку с деньгами, папин телефон и зарядное устройство к нему.

Сумку я запихнула под пассажирское кресло, воткнула шнур зарядника в разъем и подождала, пока телефон не оживет.

Мама давным-давно скопировала все папины фотографии и письма, но мне нравилось просматривать их вот так. Отчасти по привычке, отчасти потому, что в *папином* телефоне была какая-то магия – он все еще работал спустя восемь лет после того, как перестало работать его тело.

На экране появилась заставка – фотография, мы с мамой в Хуан-Соломон-парке. Мне семь лет, я на качелях, улетела так далеко назад, что мое запрокинутое лицо смотрит прямо в объектив. Мама всегда говорила, что я помню только снимки, а не то, что случилось, когда их сделали. Однако я чувствовала, что все-таки помню, как папа толкнул качели большой, во всю мою спину, рукой; помню свою уверенность, что, качнувшись назад, я обязательно прилечу к нему обратно.

Я открыла фотографии. Большинство папа делал сам, а потому на них почти не появлялся. Вместо папы я видела то, что видел он, что казалось ему интересным, – себя, маму, небо, разбитое на отдельные фрагменты ветками деревьев.

Я листала слева направо, наблюдая, как мы все молодеем. Мама со мной на плечах, на детском трехколесном велосипеде. Я завтракаю, по уши перемазанная сахаром с корицей. Папа появлялся только на селфи, но в те времена у телефонов не было фронтальных камер, и ему приходилось делать все наугад. Снимки неизбежно получались под углом, и в кадр попадали не все, но я-то точно, прижавшись к маме, – я была маминой дочкой.

На этих фотографиях она выглядела так молодо – никаких морщин, худое лицо. Папа часто делал по пять-шесть снимков сразу, надеясь, что хоть один получится хорошо, и если пролистывать их, получалось кино – мамины губы растягивались и сжимались, я же шестилетняя, постоянно вертелась то туда, то сюда, и только папино лицо всегда оставалось неизменным.

Когда он упал, в его плеере продолжала играть музыка. Это я действительно помню. Папа слушал какую-то старую песню в стиле соул, и она звучала из наушников, а он лежал рядом на боку. Просто лежал неподалеку от дерева перед нашим домом. Газонокосилка остановилась.

Мама крикнула, чтобы я позвонила в службу 911, и я сказала оператору, что мой папа упал. Та спросила, дышит ли он, и я переспросила у мамы, а мама ответила – нет, и все это время из наушников доносился абсурдный жестяной писк.

Мама делала папе массаж сердца все время до приезда «Скорой». Он уже умер, но мы не знали. Надеялись до самого конца, пока в приемный покой без окон не вошел врач и не спросил: «У вашего мужа было больное сердце?» Сказал в прошедшем времени.

Больше всего я люблю те несколько фотографий, на которых папа не в фокусе, потому что на самом деле люди такие и есть. Я смотрела на одну такую, где они с другом на матче «Пейсерз», за спиной – баскетбольная площадка, лица размытые.

И тут я рассказала папе все: что на меня свалились деньги, что я постараюсь хорошо ими распорядиться и что мне ужасно его не хватает.

Я уже спрятала телефон, когда появилась Дейзи. Она направлялась ко входу в «Эплби», и я окликнула ее из открытого окна машины. Дейзи подошла и села на переднее сиденье.

– Отвезешь меня потом домой? Папа едет с Еленой на занятие по математике.

– Да, конечно. Слушай, там под твоим сиденьем лежит кое-что. Только ты не пугайся.

Она вытащила сумку и заглянула в нее.

– Черт! Холмси, что это? Они настоящие?

Дейзи расплакалась. Я никогда не видела ее такой.

– Дэвис решил отдать нам награду. Так лучше, чем шнырять кругом и вынюхивать.

– Они настоящие?

– По-моему, да. Завтра мне, наверное, позвонит его адвокат.

– Холмси, это... это сто тысяч долларов?

– Да. По пятьдесят каждой. Думаешь, можно оставить их себе?

– Конечно, черт возьми.

Я рассказала ей о «погрешности округления», но меня по-прежнему беспокоило: что если это грязные деньги, или я использую Дэвиса, или... Но Дейзи меня перебила.

– Холмси, меня так достала идея о том, что отказываться от денег – благородно!

– И все же мы их получили только потому, что кое-кого знаем.

– Да. И Дэвис Пикет получил их только потому, что кое-кого знал. А

именно – своего отца. Это не противозаконно, не безнравственно. Это потрясающе.

Она смотрела сквозь лобовое стекло на улицу. Начал моросить дождь – был один из тех облачных дней, когда небо низко висит над землей.

Светофор на Дитч-роуд загорелся желтым, потом красным.

– Я буду учиться в колледже, – сказала Дейзи. – И не по ночам.

– Но тут на все обучение не хватит.

– Я знаю, профессор. Однако у меня пятьдесят тысяч, что сильно облегчает дело.

Она схватила меня за плечи, встряхнула.

– Холмси! Радуйся! Мы богаты!

Дейзи вытащила сотенную банкноту и сунула ее в карман.

– Давай устроим пир!

В «Эплби» мы шокировали Холли, попросив принести две газировки. Она вернулась с напитками и спросила у Дейзи:

– Тебе бургер?

– Холли, какой стейк у вас самый лучший?

Официантка с обычной невозмутимостью ответила:

– Лучших тут не бывает.

– Ладно. Тогда мне, как всегда, «Пылающего техасца», только с луковыми колечками. И да, я знаю, что скидка на них не действует.

Холли кивнула и повернулась ко мне.

– Вегетарианский бургер. Без сыра, майонеза и...

– Твой заказ я знаю. Купон?

– Не сегодня, – ответила Дейзи. – Не сегодня.

За ужином мы в деталях представляли, как Дейзи увольняется из «Чак-и-Чиз».

– Завтра приду. Как обычно, вытащу короткую палочку, и мне придется надевать костюм Чака. Я просто возьму его, сяду в новенькую машину и поеду домой, а там сделаю из костюма чучело и повешу на стену, как охотничий трофей.

– Так странно вешать на стену головы убитых животных, – сказала я. – В коттедже Дэвиса их полно.

– Кому ты рассказываешь? Мы с Майклом обжимались под лосиной головой. Кстати, спасибо, что зашла вчера, извращенка.

– Извини, я хотела рассказать, что ты богата. – Она засмеялась, недоверчиво качая головой. – Потом я поговорила с Ноа, – продолжила я. – Он прислал мне отцовские заметки. Вот.

Я показала ей список на экране телефона.

– Последняя запись – рот бегуна. Понимаешь, что это значит? – Дейзи покачала головой. – Мне просто жалко мальчишку. Он плакал.

– Это не твое дело. У нас не клуб поддержки сироток-миллиардеров. Наш бизнес называется «Стань богатым», и он процветает.

– Пятьдесят тысяч долларов – не богатство. Если поступать в Индианский университет, даже на половину не хватит.

Кампус находился в паре часов езды от нас, в Блумингтоне.

Моя подруга долго молчала, глядя перед собой, – ушла в свои мысли.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Я тут прикинула кое-что в уме. Пятьдесят тысяч долларов – пять тысяч девятьсот часов на работе. Семьсот смен по восемь часов. Если тебе, конечно, дадут полную смену, а ее обычно не дают. Получается два года работы по семь дней в неделю, по восемь часов в день. Может, такие деньги для тебя и не богатство, Холмси, но для меня – да.

– Справедливо.

– И все это лежало в коробке с овсяными колечками.

– Половина – в коробке с пшеничными.

– Знаешь, почему ты лучшая подруга на все времена, Холмси? Уже потому, что ты рассказала мне про деньги. Надеюсь, я такой человек, который поделился бы с тобой шестизначным выигрышем, но, если уж совсем честно, я в этом сомневаюсь. – Она откусила бургер, пожевала и спросила: – А деньги точно не заберут?

– Вряд ли.

– Надо пойти в банк и положить их на счет.

– Дэвис сказал, сначала нужно поговорить с адвокатом.

– И ты ему веришь?

– Абсолютно.

– Ну вот, Холмси, мы обе влюбились. Я – в художника, а ты – в миллиардера. Наконец-то мы попали в высший свет, как того и заслуживаем.

Ужин стоил меньше тридцати долларов, но еще двадцать мы оставили Холли на чай за то, что она нас терпит.

Глава 11

На следующее утро, когда я смотрела в телефоне видео, мне позвонили.

– Аза Холмс?

– Да.

– Это Саймон Моррис. Полагаю, вы знакомы с Дэвисом Пикетом.

– Минутку. – Я незаметно проскользнула через гостиную, где мама проверяла тесты и смотрела телевизор, вышла во двор и села подальше, лицом к дому. – Вот теперь здравствуйте.

– Вы получили от Дэвиса подарок.

– Да. Ничего, что я поделилась его с подругой?

– Для меня не имеет значения, как вы распорядитесь своими финансами. Мисс Холмс, если подросток приходит в банк с большой суммой, это выглядит подозрительно, поэтому я поговорил с одной из сотрудниц в нашем банке – они примут ваши средства. В понедельник, в пятнадцать минут четвертого, вам нужно приехать в отделение на углу Восемьдесят шестой улицы и Колледж-авеню. Ваши уроки заканчиваются без пяти три, так что вы должны успеть.

– Откуда вы...

– Я внимателен к деталям.

– Можно задать вам вопрос?

– Вы только что это сделали, – сухо заметил он.

– Пока мистер Пикет отсутствует, его делами занимаетесь вы?

– Это так.

– И если он вернется...

– Тогда радости и горести его жизни снова будут принадлежать ему. А до тех пор некоторые из них достаются мне. Не могли бы вы перейти к делу?

– Я немного беспокоюсь о Ноа.

– Беспокойтесь?

– Ему очень грустно, а рядом нет никого, кто присмотрел бы за ним. Разве у них нет других родственников?

– Никого, с кем у Пикетов сохранились бы хорошие отношения. Дэвиса официально признали дееспособным несовершеннолетним лицом и опекуном младшего брата.

– Я говорю не об опекуне, а о человеке, который действительно за ним

присматривает. Дэвис – не отец. Они же не будут одни всю жизнь? А что если их отец умер?

– Мисс Холмс, юридическая смерть отличается от биологической. Я верю, что Рассел жив. Но то, что он жив юридически, я знаю наверняка. Законодательство штата считает физическое лицо живым, пока противное не доказано биологической экспертизой либо пока не пройдет семь лет с момента, к которому относятся последние свидетельства того, что он жив.

– Я не о юридическом. Кто о нем позаботится?

– Но я могу ответить только с точки зрения закона. И в этом контексте его финансами занимаюсь я, домом – управляющая, а Дэвис назначен опекуном. Ваша тревога достойна восхищения, мисс Холмс, но уверяю вас, что юридически все в полном порядке. Итак, завтра в три пятнадцать. Сотрудницу зовут Джозефина Джексон. У вас остались какие-то вопросы по делу?

– Нет.

– Что ж, мой номер у вас есть. Всего хорошего, мисс Холмс.

На следующий день я чувствовала себя превосходно, пока мы с Дейзи не поехали в банк. Я вела машину, а моя подруга рассказывала, что ее новое произведение стало очень популярным, что она получает тонны положительных отзывов, что ей пришлось всю ночь писать сочинение по «Алой букве» и теперь, когда она «выходит на пенсию», у нее появилась надежда выспаться. Я чувствовала себя совершенно нормальным человеком, которому не приходится жить с демоном, заставляющим думать ненавистные мысли. *На этой неделе мне лучше, думала я. Наверное, лекарство действует.* И вдруг откуда-то появилась мысль: *из-за лекарства ты потеряла бдительность и забыла утром поменять пластырь.*

Я была уверена, что поменяла его сразу, как проснулась, прямо перед тем, как чистить зубы, но мысль продолжала настаивать. *Вряд ли ты его поменяла. Скорее всего, это вчерашний пластырь.* Нет, не вчерашний – я наверняка меняла его во время обеда. *Но так ли это?* Наверное, да. Наверное? Практически уверена. А ведь рана не зажила. Так и есть. Корочка еще не образовалась. *И ты оставила ее – страшно сказать! – на целых тридцать семь часов, а бактерии тем временем размножились под теплым, влажным пластырем.* Я взглянула на палец. Пластырь был новый. *Ты не меняла.* Меняла. *Точно?* Нет, но это определенно прогресс – я не проверяю болячку каждые пять минут. *Да, прогресс. В сторону заражения.* Поменяю в банке. *Наверное, уже слишком поздно.* Ерунда. *Как только инфекция попадет в твою кровь...* Прекрати, это бессмыслица, палец даже

не покраснел. *Не обязательный признак...* Пожалуйста, прекрати, я поменяю пластырь в банке! *ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ВСЕ УЖЕ СЛУЧИЛОСЬ.*

– Я ходила в туалет перед обедом? – тихо спросила я у Дейзи.

– Не знаю. Ты села за стол после нас, так что, возможно, ходила.

– Но я ничего не сказала?

– Нет, ты не сказала «привет, я только что вернулась из туалета».

Нужно остановиться и сменить пластырь, правда, тогда Дейзи решит, что я сошла с ума. Я сказала себе, что все хорошо, меня просто заклинило, мысли – всего лишь мысли. Но когда снова посмотрела на пластырь, заметила на нем пятнышко. Да, определенно. Кровь или гной. Пятнышко точно есть.

Я остановилась на парковке перед магазином оптики и взглянула на ранку. Ее края покраснели, в пластырь впиталась кровь. Похоже, его долго не меняли.

– Холмси, ты точно ходила в туалет.

– Уже не важно, там инфекция.

– Нет.

– Ты видишь красноту? – Я показала на воспаленные края. – Заражение. Очень опасно.

Я редко показываю кому-то свой палец без пластыря, но мне хотелось, чтобы она поняла – это совсем не то, что раньше. У меня в самом деле был повод волноваться, потому что кровь появлялась редко, даже если я ковыряла болячку. Значит, пластырь оставался на пальце слишком долго. Это ненормально. С другой стороны, мне всегда мерещилось, будто что-то не в порядке, разве нет? И все же сейчас «не в порядке» было по-другому. Я видела явные признаки заражения.

– Твой палец выглядит точно так же, как и во все прошлые разы, когда ты впадала в панику.

Я выдавила мазь на болячку, рану ожгло, я наклеила новый пластырь. Мне было стыдно перед Дейзи и страшно. Я думала о красноте, воспалении – реакции моей кожи на вторжение паразитических бактерий – и не могла остановиться. Я ненавидела себя. Ненавидела все это.

– Эй! – сказала Дейзи, положив руку мне на колено. – Пусть Аза не обижает Холмси, ладно?

Сегодня все по-другому. Мазь перестала жечь, а значит, бактерии размножаются дальше, проникают в кровь. И зачем я только расковыряла болячку? Почему нельзя оставить ее в покое? Зачем постоянно делать рану на пальце? Руки – самая грязная часть тела. Почему бы не щипать мочку уха, живот, лодыжку? Возможно, я погубила себя из-за глупого детского

ритуала. А ведь он мне даже не помогает – то, что я хочу знать, непознаваемо, потому что ни в чем нельзя быть уверенным.

Тебе станет лучше, если снова нанести мазь. Всего пару раз. Двенадцать минут четвертого. Пора в банк. Я отлепила пластырь, намазала палец, наклеила пластырь снова. Тринадцать минут четвертого.

– Хочешь, я поведу? – предложила Дейзи.

Я покачала головой и завела Гарольда. Сдала назад. Снова вернулась на парковку.

Сняла пластырь, намазала палец. Теперь жгло уже не так сильно. Наверное, бактерии почти все погибли. Или проникли слишком глубоко, через кожу – в кровь. Надо посмотреть еще разок. Как там воспаление? Прошло всего восемь минут, слишком рано делать выводы. Стой. Уже три пятнадцать.

– Холмси, – сказала моя подруга. – Нужно ехать. Я поведу.

Я опять покачала головой, сдала назад и заставила себя поехать дальше.

– Не знаю, как быть, – посетовала Дейзи. – Успокаивать тебя, что все в порядке, или волноваться вместе с тобой? Есть вообще какой-то верный подход?

– У меня воспаление, – прошептала я. – И я сама виновата. Все время колупаю болячку, и теперь в нее попала инфекция.

Я – как зараженная паразитом рыба – плавала у поверхности, чтобы меня кто-нибудь съел.

Когда мы наконец приехали в банк, я держалась в сторонке. Дейзи поговорила с администратором, и нас провели в глубину зала, в отдельный кабинет со стеклянными стенами. Стройная женщина в черном костюме положила наши деньги в специальный аппарат, и он зашелестел, пересчитывая банкноты. Мы заполнили несколько бланков, и нам завели два новеньких счета с дебетовыми картами – их можно получить дней через десять. Женщина вручила нам по пять временных чеков и посоветовала не делать серьезных покупок, по крайней мере, полгода, пока «вы не освоитесь со свалившимся на вас богатством». Затем начала объяснять, как можно распорядиться деньгами – отложить на колледж, вложить в паевой фонд, облигации или акции. Я старалась ее слушать, но беда в том, что я находилась не в банке, а в своей голове – в потоке мыслей, буквально вопящих, что я обрекла себя на гибель, потому что не меняла пластырь больше суток; что уже слишком поздно. Я чувствовала жар и боль на кончике пальца, а если их чувствуешь, значит, все происходит на

самом деле, потому что физические ощущения не обманывают. Или обманывают? *Это случилось*, – думала я. И *это* было слишком пугающим и огромным, чтобы называть его чем-то иным, кроме местоимения.

По дороге к дому Дейзи я все время забывала, почему останавливаюсь на светофорах: отпускала тормоз, поднимала взгляд и видела – ах, да, свет же красный!

Люди много говорят о преимуществах безумия. Например, доктор Сингх однажды процитировала мне Эдгара По: «Еще неизвестно, не является ли безумие воплощением величайшего разума». Наверное, она хотела меня утешить, но я считаю, что умственные расстройства слишком переоценивают. Безумие, судя по моему, хоть и скромному, опыту, не сопровождается сверхспособностями. Оно повышает интеллект не более, чем простуда. То есть я должна была бы стать блестящим детективом, но в реальности представляла собой самого невнимательного человека на свете. Пока я везла домой Дейзи, а потом ехала к себе, я не замечала ничего вокруг.

Дома я пошла в ванную и пристально изучила ранку. Воспаление прошло. По-моему. А может, свет был недостаточно яркий, и я не рассмотрела. Я помыла болячку с мылом, насухо вытерла, нанесла мазь, наклеила пластырь. Выпила свое обычное лекарство, а через несколько минут – овальную таблетку, которую мне велели принимать в случае паники.

Таблетка растаяла на языке в смутную сладость, и я стала ждать, когда она подействует. Я не сомневалась: что-то меня убьет.

И, конечно же, я была права: однажды что-нибудь убьет тебя, и когда наступит этот день – неизвестно.

Постепенно моя голова отяжелела, я опустилась на диван перед телевизором. Сил, чтобы его включить, у меня не осталось, и я просто смотрела на темный экран.

Из-за овальной таблетки я словно опьянела, но только от переносицы и выше. Тело было таким же, как и всегда – привычно разбитым, ущербным, а вот мозг превратился в жижу, утратил последние силы, как ноги-макаронины у бегуна после марафона. Приехала мама и плюхнулась рядом со мной на диван.

– Длинный день, – заметила она. – Ученики – это ладно, Аза. Работу мне усложняют родители.

– Сочувствую, – ответила я.

– А как у тебя день прошел?

- Нормально. У меня же нет температуры?
- Она потрогала мой лоб тыльной стороной ладони.
- По-моему, нет. Тебе нездоровится?
- Наверное, просто устала.

Мама включила телевизор, и я сказала ей, что лягу и начну готовиться к урокам.

Я немного почитала учебник истории, но сознание мутилось, как фотоаппарат с грязной линзой, поэтому я решила написать Дэвису.

Я: Привет.

Он: Привет.

Я: Как дела?

Он: Нормально. Ты как?

Я: Нормально.

Он: Давай продолжим неловкое молчание при личной встрече.

Я: Когда?

Он: В четверг. Посмотрим поток метеоров. Будет здорово, если облака не затянут небо.

Я: Отлично, тогда увидимся. Мне пора, мама пришла.

Мама и правда заглянула в комнату.

- Что-то случилось? – поинтересовалась я.
- Хочешь, приготовим ужин вместе?
- Мне надо читать.

Она вошла, присела на край кровати и спросила:

- Ты боишься?
- Немного.
- Чего?

– Тут по-другому. Без дополнения. Просто боюсь.

– Не знаю, что сказать, Аза. Я вижу твою боль и хочу ее забрать.

Я ненавидела, когда она страдала из-за меня. Становилась беспомощной по моей вине. Ненавидела.

Мама гладила меня по голове.

– Все хорошо, Аза. Все хорошо. Я с тобой. Я никуда не уйду.

Она продолжала играть с моими волосами, и я почувствовала некую отстраненность.

– Наверное, нужно просто хорошенько выспаться, – наконец сказала мама, солгав мне так же, как я солгала Ноа.

Глава 12

Утром в четверг, когда мы с Гарольдом приехали в школу, на моем парковочном месте стоял новенький оранжевый «Фольксваген-Жук». За рулем сидела Дейзи. Я опустила стекло и сказала:

– По-моему, Джозефина из банка советовала полгода не тратить деньги.

– Все так, все так, – ответила Дейзи. – Но за него просили десять тысяч, а я уломала продавца на восемь четыреста, так что я, вообще-то, сэкономила. Знаешь, как называется цвет? – Она щелкнула пальцами. – Шикарный апельсин! Ведь он шикарный!

– Не сори деньгами, ладно?

– Не волнуйся, Холмси. Эта машина со временем будет стоить только дороже. Лиам – будущий коллекционный автомобиль. Кстати, я назвала его Лиам.

Я улыбнулась – эту шутку, кроме нас двоих, никто бы не понял.

Пока шли через парковку, Дейзи вручила мне толстый «Путеводитель по колледжам» Фиска.

– Вот что я еще купила, хотя он мне, получается, не нужен. Я точно буду поступать в Индианский университет. Всегда знала, что образование – дорого, но в этой книжке пишут про места, где нужно платить почти сто штук в год! Что они там делают? У них уроки проходят на яхтах? Ты живешь в замке и тебе служат домовые эльфы? Вот я разбогатела, но даже теперь не могу позволить себе модный колледж.

Определенно, нет, если будешь покупать автомобили, хотела сказать я, но вместо этого заговорила о Расселе Пикете.

– Помнишь «рот бегуна»? Никаких мыслей не появилось?

– Холмси, мы получили вознаграждение. Все закончилось.

– Да, знаю.

Больше я ничего добавить не успела, потому что на другой стороне парковки показался Майкл, и Дейзи бросилась его обнимать.

Все утро я копалась в «Путеводителе». Время от времени звенел звонок, я переходила в другой класс, усаживалась на другое место и продолжала читать, держа книгу на коленях под столом. Никогда не думала о поступлении куда-то еще, кроме Индианского университета или Пердью: в Индиане училась мама, а в Пердью – папа. К тому же это дешевле, чем

уезжать за пределы штата.

Однако сейчас, читая подробный рассказ о сотнях учебных заведений, я невольно представляла себя в каком-нибудь маленьком колледже на вершине холма, в глуши, с двухсотлетними домами вокруг, в библиотеке за тем же столом, за которым когда-то работала писательница Элис Уокер. Понятное дело, пятьдесят тысяч погоды не сделают, но я могла бы получать стипендию. Я хорошо училась и успешно сдавала стандартные тесты.

Я размышляла. Представила, каково это – сидеть кружком в маленьких классах, изучая какую-нибудь «политизированную географию» или курс «Британские женщины XIX века в литературе». Я даже слышала, как хрустит гравий под моими ногами, когда я иду по дорожке из школы в библиотеку, где меня ждут друзья. Потом, после ужина в столовой с разнообразными блюдами, от сухих завтраков до суши, мы сядем в кофейне и станем говорить о философии, системах власти, словом, обо всем, что обсуждают в колледжах.

Думать о возможностях оказалось так интересно! Западное побережье или восточное? Большой город или провинция? Я чувствовала, что могу отправиться куда угодно. Перебирать варианты любого будущего, представлять себе всех девушек по имени Аза, какими я могла бы стать, – это как отправиться на долгожданные каникулы после жизни с той Азой, которой я была в тот момент.

Я оторвалась от «Путеводителя» только на время обеда. Напротив меня за столом сидел Майкл. Он делал новый художественный проект – тщательно обводил колебания звуковых волн какой-то песни на листке прозрачной бумаги, а Дейзи угощала нас рассказом о том, как приобрела машину, не объясняя, откуда у нее взялись деньги. Я пару раз откусила от сэндвича, вытащила телефон и написала Дэвису: *Во сколько сегодня?*

Он: *Похоже, будет облачно, так что никаких метеоров.*

Я: *Метеоры для меня совсем не главное.*

Он: *Вот как. Тогда после школы?*

Я: *Сперва домашнее задание с Дейзи. В семь?*

Он: *Идет.*

После школы мы с подругой закрылись у меня в комнате и часа два делали уроки.

– Всего три дня, как уволилась, но учиться стало настолько легче, что я просто в шоке, – поделилась она, расстегивая рюкзак.

Дейзи вытащила новый ноутбук и поставила его на стол.

– Боже, не трать все сразу, – тихо сказала я, чтобы не услышала мама.

Дейзи бросила на меня сердитый взгляд. – Что не так? – спросила я.

– У тебя-то уже есть машина и компьютер.

– Я просто говорю, что не нужно тратить все деньги.

Она закатила глаза, и я снова спросила, что не так, но Дейзи уже нырнула в Интернет. С кровати я видела, что она просматривает комментарии к своим рассказам. Я тем временем готовилась к истории – читала статьи Гамильтона в сборнике «Записки федералиста». Взгляд бежал по строчкам, но я не понимала смысла слов, возвращалась к началу абзаца, перечитывала его по нескольку раз.

Несколько минут Дейзи молчала, но все-таки не выдержала.

– Я очень стараюсь тебя не судить, Холмси, и меня немножко бесит, когда ты судишь меня.

– Я не сужу.

– Ты считаешь себя бедной, но ты даже не догадываешься, что такое настоящая бедность.

– Ладно, буду помалкивать на этот счет.

– Ты так заиклена на самой себе. Похоже, ни о ком другом и подумать не можешь. – Мне стало стыдно. – Прости, Холмси. Зря я это ляпнула. Просто иногда обидно. – Я молчала, и она продолжила: – Я не хотела сказать, что ты плохая подруга, ничего такого. Но ты немножко мучаешься и делаешь всем вокруг больно иногда.

– Сообщение доставлено, – отозвалась я.

– Не думай, что я такая сволочь.

– Я и не думаю.

– Но ты понимаешь, что я имею в виду?

– Да.

Мы еще час молча делали уроки, а потом Дейзи сообщила, что ей пора на ужин к родителям. Когда она встала, мы одновременно сказали «прости» и рассмеялись. В шесть пятьдесят две пришло сообщение от Дэвиса, и к тому моменту я уже почти забыла о размолвке.

Он: Я около твоего дома. Зайти?

Я: Нет, нет, нет, я сейчас.

Мама разгружала посудомоечную машину.

– Иду на ужин, – бросила я, схватила пальто и выскочила на улицу, пока она не начала меня расспрашивать.

– Привет, – сказал Дэвис, когда я села в машину.

– Привет.

– Ты ужинала?
– Я не голодная, но если хочешь, можем где-нибудь поесть.
– Нет, не хочу. – Он откинулся на спинку кресла. – Я, вообще-то, не люблю есть. Желудок слабый.
– У меня тоже, – сказала я, и тут мой телефон зазвонил. – Мама. Молчи. – Я провела по экрану пальцем, принимая вызов. – Да?
– Скажи водителю этого черного джипа, чтобы немедленно вернулся и зашел к нам.
– Ну мам!
– Дело дальше не пойдет, пока я с ним не встречу.
– Ты его уже встречала. Когда нам с ним было по одиннадцать.
– Я – твоя мать, а он – твой... кем бы ни был, я хочу с ним поговорить.
– Хорошо, – сказала я и нажала отбой. – Нам... в общем, надо зайти, поговорить с мамой, если ты не против.
– Отлично.

Прозвучало как-то по-особенному – у него ведь больше не было мамы. Все мои знакомые чувствовали себя неуютно, обсуждая при мне отцов. Они волновались, как бы я не вспомнила, что папы нет, будто я могла об этом забыть.

Я никогда не замечала, какой маленький у меня дом, пока не увидела его глазами Дэвиса. Линолеум на кухне завернулся по углам, стены пошли трещинами, мебель старше меня, а книжные полки – разные.

Дэвис выглядел тут огромным и чужим. Я даже вспомнить не могла, когда в последний раз видела у нас в гостях парня. В Дэвисе, конечно, не шесть футов^[6] роста, но потолки при нем почему-то казались низкими. Мне стало стыдно за наши пыльные старые книги, стены, увешанные семейными фотографиями, а не картинами. Я понимала, что смущаться тут нечего, но все же чувствовала себя неуютно.

– Рад вас видеть, миссис Холмс, – сказал Дэвис и протянул руку маме.

Она его обняла. Мы сели за кухонный стол, за которым почти никогда не собиралось больше двух человек. Теперь создалось впечатление, что здесь очень тесно.

– Как дела, Дэвис? – спросила мама.

– Неплохо. Как вы, наверное, слышали, я теперь сирота, в некотором роде. Но все нормально. А вы какживаете?

– Кто за тобой присматривает?

– И все, и никто, наверное. В смысле, у нас есть управляющая домом и юрист, который занимается финансовыми делами.

– Ты учишься в одиннадцатом классе, в «Аспен-Холле»?

Я закрыла глаза и мысленно умоляла ее не нападать на Дэвиса.

– Да, – ответил он.

– Аза – не какая-то девчонка с другого берега реки.

– Мама, – сказала я.

– Знаю, ты можешь получить все что угодно и сразу, а из-за этого человек начинает думать, будто ему принадлежит весь мир и люди – тоже. Но я надеюсь, ты понимаешь: у тебя нет права...

– Мам!

Я виновато взглянула на Дэвиса, однако он не заметил – смотрел на маму. Хотел что-то сказать, но осекся, потому что глаза наполнились слезами.

– Дэвис, что с тобой? – встревожилась она. Он снова попытался заговорить, но лишь всхлипнул. – Дэвис, прости, я не думала...

Он покраснел и проговорил:

– Извините.

Мама протянула к нему руку через стол, но остановилась.

– Просто не обижай мою девочку. Она у меня одна.

– Нам пора, – объявила я.

Мама и Дэвис продолжали смотреть друг на друга. Наконец она сказала:

– Домой к одиннадцати.

Я схватила Дэвиса за руку и потащила к выходу, бросив на маму гневный взгляд.

– Ты нормально? – спросила я, когда мы сели в «Эскаладу».

– Да, – тихо ответил он.

– Она просто слишком за меня волнуется.

– Я понимаю.

– Тебе нечего стесняться.

– Я и не стесняюсь.

– А что с тобой тогда?

– Трудно объяснить.

– У меня есть время послушать.

– Она неправа. Я не могу получить все что угодно и как только пожелаю.

– А чего тебе не хватает?

– Для начала, матери.

Он включил заднюю передачу и отъехал от дома.

Я не знала, как продолжить, поэтому лишь произнесла:

– Прости.

– Знаешь, как было у Йейтса во «Втором пришествии»? «У добрых сила правоты иссякла, а злые будто бы остервенились»?^[7]

– Да, мы его читали на занятиях по углубленной программе.

– Я думаю, что недостаток веры в собственную правоту – гораздо хуже. Потому что в этом случае тебя просто несет течением, понимаешь? Ты – всего лишь пузырек в прибое империи.

– Хорошо сказано.

– Стацил у Роберта Пенна Уоррена. Меткие фразы у меня всегда ворованные, потому что сила правоты иссякла.

Мы ехали через реку. С моста было видно Пиратский остров.

– А знаешь, твоей маме не все равно. Большинство взрослых внутри – пустые. Они пытаются наполнить себя выпивкой, или деньгами, или Богом, или славой, или чем-то еще, чему поклоняются. И все это разлагает их изнутри, пока не останется ничего, кроме тех самых денег, или выпивки, или Бога, в которых человек искал спасения. И мой отец такой же – на самом деле он исчез много лет назад, вот почему, наверное, меня не особенно зацепило. Я хочу, чтобы он вернулся, но уже слишком давно хочу. Взрослые думают, что они имеют силу, а в реальности наоборот – сила имеет их.

– Паразит считает себя хозяином, – уточнила я.

– Да, – ответил он. – Да.

Когда мы подошли к дому, сквозь стеклянную стену я разглядела в столовой на одном конце огромного стола тарелки и бокалы для двоих. Между ними мерцала свеча. Весь первый этаж заливал мягкий золотистый свет. Мой желудок вывернулся наизнанку, есть я не хотела, но все-таки пошла за Дэвисом внутрь.

– Похоже, Роза приготовила нам ужин. Надо попробовать хотя бы немножко из вежливости.

– Привет, Роза, – сказал он. – Спасибо, что задержалась.

Она заключила его в широкие объятия.

– Я сделала вегетарианские спагетти.

– Не стоило.

– Дети у меня взрослые, так что ты и Ноа – мои единственные мальчишки. А уж когда ты сказал, что у тебя свидание с девушкой...

– Не с девушкой, а с подругой детства.

– Из подруг детства получают самые лучшие девушки. Вы ешьте. Увидимся завтра.

Она еще раз обняла его и поцеловала в щеку.

– Отнеси что-нибудь наверх, пусть Ноа тоже поест. И уберите за собой. Вытереть тарелки и сложить их в посудомойку не так уж трудно, Дэвис.

– Понял.

– У тебя такая странная жизнь, – заметила я, когда мы уселись за стол.

Передо мной стоял «Доктор Пеппер», а перед ним – «Маунтин дью».

– Наверное, – согласился Дэвис и поднял свою баночку. – Выпьем за странности.

– За странности.

Мы чокнулись и сделали по глотку.

– Роза тебе как мать, – сказала я.

– Конечно. Она меня знает с младенчества и заботится о нас. Но ей за это платят, знаешь? И если бы не платили... в смысле, ей бы пришлось найти другую работу.

– Ну, да.

Полагаю, родители – те, кто любит тебя не за деньги, а просто так.

Дэвис поинтересовался, как у меня дела, и я поведала, что мы с Дейзи чуть не поссорились. Я спросила, как прошел его день в школе.

– Нормально, – ответил он. – У нас там ходят слухи, что я убил не только папочку, но и маму, поэтому... Не знаю. Нельзя принимать это близко к сердцу.

– Такое любой примет близко.

– Переживу, а вот за брата волнуюсь.

– Как он?

– Забрался ко мне в кровать вчера и плакал. Я почувствовал себя так плохо, что одолжил ему Железного человека.

– Мне очень жаль.

– Он просто... Наверное, в какой-то момент понимаешь: тот, кто о тебе заботится, – всего лишь человек. Он не всесилен и не может защитить тебя от страданий. С одной стороны. А Ноа начинает осознавать, что человек, которого он считал героем, оказался в какой-то мере злодеем. И это паршиво. Он верит, что папа вернется и докажет свою невиновность, а я не знаю, как объяснить, что отец на самом деле виноват.

– Тебе о чем-нибудь говорит выражение «рот бегуна»?

– Нет, но полиция тоже спрашивала. Они сказали, это было в папином телефоне.

– Да.

– Отец – личность разносторонняя, однако не бегун, точно. Он считает, что спорт – ерунда, потому что Туа откроет секрет вечной жизни.

– Seriously?

– Да, папа уверен, что Малик найдет в крови туатары что-то такое, что замедляет старение, и тогда он победит смерть.

Дэвис пальцами показал «кавычки».

– Вот почему он завещал все Туа. Надеется войти в историю.

Я спросила, правда ли туатара получит деньги, и Дэвис усмехнулся.

– Ей достанется все. И бизнес, и дом, и вся собственность. Нам с братом хватит денег на колледж и все остальное, но богатыми мы не будем.

– Если у вас есть на учебу и жизнь – вы уже богаты.

– Верно. И отец нам ничего не должен. Мне бы только хотелось, чтобы он вел себя по-отцовски. Ну, знаешь, отвозил Ноа в школу по утрам, проверял уроки, не исчезал посреди ночи, чтобы избежать суда. И так далее.

– Мне очень жаль.

– Ты часто так говоришь.

– Я часто так чувствую.

Дэвис посмотрел на меня.

– Аза, ты когда-нибудь влюблялась?

– Нет. А ты?

– Нет.

Он взглянул на мою тарелку.

– Ладно, если никто не собирается есть, пошли на улицу. Может, облака разойдутся хоть ненадолго.

Мы надели пальто и вышли. Ночь была ветреная, и я втянула голову в плечи, но Дэвис смотрел на небо.

Я заметила на поле, рядом с флажком, отмечавшим лунку, два шезлонга из тех, что раньше стояли у бассейна. Флажок похлопывал на ветру, издав издали шум машин, но в целом вокруг была тишина – цикады и сверчки с холодами умолкли. Мы легли на кресла рядом друг с другом, и я посмотрела вверх.

– Вот разочарование, – сказал Дэвис.

– Но ведь там все есть? Метеоры падают, мы их просто не видим?

– Верно.

– И как это выглядит?

– В смысле?

– Если бы не было облаков, что бы я увидела?

– Сейчас. – Он достал телефон и открыл какое-то приложение. – Вот тут в северном полушарии находится созвездие Дракона. По-моему, оно

больше похоже на воздушного змея, но ладно. Вон в той области видны метеоры. Сегодня луна почти не мешает, и можно наблюдать пять-десять метеоров в час. В общем, мы сейчас летим сквозь пыль, оставленную кометой Джакобини – Циннера, и это выглядело бы очень красиво и романтично, если бы только мы не жили в сумрачной Индиане.

– Все и так красиво и романтично, – отозвалась я. – Просто мы не видим.

Я подумала про вопрос Дэвиса, влюблялась ли я когда-нибудь. По-английски эта фраза, «быть в любви», звучит странновато, будто любовь – это море, в котором ты тонешь, или городок, в котором живешь. Ни в чем другом – ни в дружбе, ни в злости, ни в надежде – ты не бываешь. Только в любви. И мне хотелось ответить ему: хоть я и не влюблялась ни разу, я знаю, каково находиться в чувстве, быть не просто окруженной, а пронизанной им, точно Богом, который, как говорила моя бабушка, вездесущ. Когда мысли скручиваются в спираль, я внутри, становлюсь ее частью. Этот образ – пребывания в чувстве – помог мне выразить то, что раньше я не могла описать. Однако произнести все это вслух я никак не осмеливалась.

– Не пойму, тишина обычная или неловкая? – спросил Дэвис.

– Вот что меня поразило у Йейтса во «Втором пришествии»... Помнишь, он там писал, что расширяется спираль?

– Ширятся круги, – поправил Дэвис. – Все шире – круг за кругом – ходит сокол, не слыша, как его сокольник кличет^[8].

– Да, ширятся круги. Но самое страшное – не улетать дальше, а лететь внутрь. Тебя засасывает водоворот, и мир вокруг сжимается, пока ты не начинаешь просто вращаться без движения, застреваешь в тюремной клетке, которая размером точно с тебя, и наконец осознаешь, что ты не в тюрьме. Ты и есть – тюрьма.

– Тебе надо написать комментарий, – сказал он. – Йейтсу.

– Я не поэт.

– А говоришь, как поэт. Запиши хотя бы половину, и получатся стихи, каких мне никогда не удавалось сочинить.

– Ты пишешь стихи?

– Да ну, ничего особенного.

– Например?

Было намного проще разговаривать с ним в темноте, глядя в одно и то же небо, а не друг на друга. Казалось, у нас нет тел, мы просто голоса.

– Если напишу что-нибудь, чем можно гордиться, дам тебе почитать.

– Мне нравятся плохие стихи.

– Только не заставляй меня декламировать мои вирши. Слушать чужие стихи – все равно, что видеть человека голым.

– То есть я сейчас сказала, что хочу видеть тебя голым.

– Они дурацкие и коротенькие.

– Прочитай хотя бы одно.

– Ладно. В прошлом году я написал вещь, которая называется «Последние утки осени».

– И там говорится...

– Исчезли листья, и тебе пора исчезнуть, исчез бы я, когда б я был тобой, но все же вот он – я, иду один морозным утром.

– Неплохо.

– Мне нравятся короткие стихи со странными схемами рифмовки, потому что такова жизнь.

– Такова жизнь? – не поняла я.

– Да. Она рифмуется, но не так, как мы ожидаем.

Я взглянула на Дэвиса и вдруг захотела его так сильно, что мне стало все равно, откуда взялось желание, и такое ли это «хочу», что его стоит написать заглавными буквами. Я наклонилась, тронула холодными пальцами его холодную щеку и поцеловала в губы.

Когда мы прервались, чтобы отдышаться, я почувствовала, как Дэвис обнял меня за талию.

– Я... ух, ничего себе, – проговорил он.

Я довольно улыбнулась. Мне понравилось чувствовать, как его тело прижимается к моему, как он гладит мою спину рукой.

– У тебя есть еще стихи?

– В последнее время стараюсь писать двустихия. На тему природы. Типа, нарциссы больше знают о весне, чем розы обо всем на свете знают.

– Да, тоже пойдет, – сказала я и опять его поцеловала.

Мои груди напряглись, я чувствовала его холодные губы и теплый рот, руки, что тянули меня ближе, старались прижать сильнее через слои одежды.

Мне понравилось целоваться с ним, когда на нас столько всего надето. У Дэвиса запотели очки, он хотел их снять, но я прижала их пальцем к его переносице, и мы засмеялись. Он начал целовать мою шею, но тут мне в голову пришла мысль: а ведь его язык побывал у меня во рту.

Я пыталась наслаждаться моментом, теплом его дыхания и губ, но влажный, живой, покрытый микробами язык Дэвиса скользил по коже, рука забралась под мою куртку, я чувствовала его холодные пальцы. Все хорошо, все в порядке, просто целуй его. *Тебе надо кое-что проверить.* Все

хорошо, просто води себя нормально. *Проверь, останутся ли в тебе эти микробы.* Миллиарды людей целуются и не умирают от этого. *Просто убедись, что микробы не поселятся в тебе навсегда.* Хватит, пожалуйста, прекрати. *У него может быть кампилобактериоз, а вдруг он – бессимптомный носитель кишечной палочки? Подцепишь ее и будешь пить антибиотики, потом заразишься клостридиями. Четыре дня и – бах! – ты мертва.* Пожалуйста, черт возьми, хватит. **ПРОСТО ПРОВЕРЬ.**

Я отодвинулась.

– Все нормально? – спросил Дэвис.

Я кивнула.

– Нужно подышать.

Я отвернулась, достала телефон и напечатала в поисковике: «Остаются ли в тебе бактерии людей, которых ты целовала». Пропустила несколько ссылок на псевдонаучные статьи, нашла настоящее исследование. При поцелуе передается в среднем около восьмидесяти миллионов бактерий, и «в течение полугода, при повторяющихся контактах, микрофлора кишечника несущественно, однако необратимо меняется».

Его бактерии останутся во мне навсегда, их восемьдесят миллионов, они будут размножаться, расти, соединяться с моими, производя неизвестно что.

Дэвис положил руку мне на плечо. Я увернулась, отпрянула. Воздуха не хватало, в глазах плясали точки. Все хорошо, ты уже целовалась с парнями раньше. *Восемьдесят миллионов бактерий во мне навечно. Успокойся. Микрофлора необратимо изменится. Безумие. Нужно что-то предпринять.* Пожалуйста. *От этого есть средство.* Умоляю. *Бегом в ванную!*

– Что-то не так?

– Эмм... ничего, – ответила я. – Мне просто нужно в туалет.

Я опять вытащила телефон, хотела перечитать статью, но справилась, выключила его и спрятала в карман. И все же нет, я должна проверить, что там: несущественно или умеренно. Я вновь достала телефон и стала читать. Несущественно. Ладно, это лучше. *Однако необратимо.* Вот дерьмо!

Меня тошнило, было гадко и стыдно. Я осознавала, как выгляжу. Мое сумасшествие – уже не причуда, не треснувшая подушечка пальца. И теперь уже я злилась на Дэвиса, как раньше – на Дейзи, на всех, кто становился мне близок.

Я замерзла, но все равно начала потеть. Пошла в дом, на ходу застегнув молнию куртки до самого подбородка. Бежать не хотелось, но тут

каждая секунда дорога. Дэвис открыл мне заднюю дверь и показал, как пройти в гостевую ванную. Я закрыла дверь на защелку и прислонилась к тумбочке. Расстегнула куртку и пристально посмотрела на себя в зеркало. Сняла пластырь, расколола ногтем болячку, помыла руки и наклеила новый пластырь. Поискала в ящиках под ванной жидкость для полоскания рта, но там ее не нашлось, поэтому я просто хлебнула холодной воды и сплюнула.

Ну вот, все нормально? – спросила я сама себя и ответила: *Еще раз, для верности.* Снова прополоскала рот. Промокнула вспотевшее лицо туалетной бумагой и вышла в золотистый свет особняка.

Дэвис жестом пригласил меня сесть, обнял одной рукой. Я не хотела, чтобы ко мне приближались его микробы, но боялась показаться чокнутой и не стала отодвигаться.

– Все хорошо?

– Да. Просто слегка волнуюсь.

– Я сделал что-то не так? Не надо было...

– Нет, дело не в тебе.

– Говори, я не обижусь.

– Правда, не в тебе. Наверное, просто немного нервничаю из-за того, что мы целовались.

– Ладно, значит, пока никаких поцелуев. Нет проблем.

– Проблемы будут, – сказала я. – У меня возникают эти... мысленные спирали, и я не могу из них выбраться.

– Спираль сужается, и ты летишь внутрь.

– Да, так и есть... и легче не станет. Хочу тебя сразу предупредить.

– Я никуда не спешу.

Я сидела, не поднимая взгляда.

– Мысли никуда не уйдут. Они у меня с тех пор, как я себя помню, и улучшений не предвидится. Как я смогу нормально жить, если мне страшно поцеловать человека?

– Это для меня не трагедия. Правда.

– Ты думаешь так сейчас, но потом все изменится.

– Потом еще не наступило, Аза. Все происходит в настоящий момент. Хочешь чего-нибудь? Воды принести?

– Может... просто посмотрим кино?

– Да. Конечно.

Дэвис протянул руку, но я встала без его помощи. Мы направились к лестнице.

– У нас есть и «Звездные войны», и «Звездный путь». Что предпочитаешь?

- Мне не очень нравятся фильмы о космосе.
- Отлично, тогда посмотрим четвертую часть, «Звездный путь: Дорога домой». Почти полфильма действие идет на Земле.

Я посмотрела на него с улыбкой, но все никак не могла приструнить мысли у себя в голове.

Мы спустились в подвальный этаж. Я нажала на книгу Фицджеральда, открыла двери в кинотеатр. Устроилась в мягком кожаном кресле, подумав, как хорошо, что между сиденьями есть подлокотники. Дэвис принес мне банку «Пеппера», поставил ее в держатель для стаканов и сел.

– И как ты умудряешься дружить с Дейзи, если тебе не нравятся космические оперы?

– Я просто смотрю их вместе с ней. Но не люблю.

Он старается вести себя так, словно ты – нормальная, а ты стараешься отвечать как нормальная, но всем очевидно, что ты не нормальна. Нормальные люди не потеют вот так. Нормальные люди выбирают мысли, как каналы телевизора. Вы оба знаете, что ты – придурочная.

– Ты читала ее рассказы?

– Читала парочку ранних, еще в средней школе. Мне такое не очень интересно.

Я почувствовала, как над верхней губой открылись потовые железы.

– Она хорошо пишет. Почитай. Вообще-то, в некоторых рассказах есть ты.

– Да, хорошо, – согласилась я тихо.

Дэвис наконец достал телефон, открыл в нем приложение и включил фильм. Я притворялась, будто смотрю, но на самом деле шла вниз по спирали. Все время думала о картине Петтибона – разноцветном водовороте, который притягивал взгляд в самый центр. Я попробовала дышать, как учила доктор Сингх, но через пару минут с меня градом полился пот. Конечно же, Дэвис обратил на это внимание. Фильм он видел сотню раз, и сейчас включил, только чтобы посмотреть, как я его смотрю. Я чувствовала, что он поглядывает на меня. И хотя я сидела в застегнутой куртке, он, безусловно, заметил шикарные мокрые усы над моей губой.

Мы нервничали оба. Я знала: он думает, как вернуть мне хорошее настроение. Мозг Дэвиса вращался рядом с моим. Я не умела сделать себя счастливой, зато делала несчастными всех вокруг.

Когда фильм закончился, я сообщила Дэвису, что устала. Самый

быстрый способ оказаться там, где нужно, – в своей кровати. Он отвез меня домой, проводил до двери и целомудренно чмокнул в потные губы. Я помахала ему с порога. Как только Дэвис уехал, я пошла в гараж, открыла багажник Гарольда и схватила папин телефон.

Мама спала на диване перед телевизором, и я на цыпочках прокралась мимо. Нашла у себя в столе старое зарядное устройство, включила телефон и долго листала фотографии, на которых было небо, разделенное ветками деревьев.

– А ты знаешь, что они есть у нас на компьютере? – тихо сказала мама у меня за спиной.

Я и не слышала, как она проснулась.

– Да, знаю, – ответила я, выключив телефон.

– Ты с ним разговаривала?

– Вроде того.

– Что ты ему рассказывала?

Я улыбнулась.

– Секреты.

– Я тоже рассказываю свои. Он хорошо хранит тайны.

– Лучше всех.

– Аза, прости, если я обидела Дэвиса. Я уже написала ему, извинилась. Слишком далеко зашла. Но ты должна понять...

Я отмахнулась.

– Все в порядке. Слушай, мне надо переодеться.

Я схватила одежду и прошла в ванную, скинула с себя все, вытерлась полотенцем и подождала, пока остынет тело. Пол холодил босые ступни. Я распустила волосы, посмотрела на себя в зеркало. Свое тело я ненавидела. Все было отвратительным – волосы, поры, худоба. Мне хотелось вон из него – прочь из себя, из мыслей, прочь! – но я застряла внутри, вместе с бактериями, которые колонизировали меня.

Стук в дверь.

– Еще переодеваюсь.

Я сняла пластырь, проверила, нет ли крови или гноя, нанесла мазь, и жжение впиталось в болячку.

Я надела спортивные штаны и мамину старую футболку, вышла. За дверью ждала мама.

– Ты нервничаешь? – спросила она.

– Все в норме.

Я пошла в свою комнату, выключила свет и легла. Я не слишком устала, однако дремота понемногу начинала меня одолевать. Когда ко мне

заглянула мама, я притворилась, будто уже сплю, чтобы не разговаривать с ней. Тогда она подошла к кровати и запела старую песню, которую всегда пела в детстве, когда я не могла уснуть.

Эту песню английские солдаты раньше пели на мотив новогодней «Старой дружбы»^[9]. В ней были строчки: «Мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь». Мама пела шепотом, сначала глубоко вдыхала, а потом выдыхала оставшуюся часть: «Мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы, здесь потому что мы здесь».

И хотя, по большому счету, я была уже взрослой, а мама вела себя просто невыносимо, я так и не смогла остановить поток мыслей, пока ее колыбельная не убаюкала меня.

Глава 13

Несмотря на мой психологический срыв, Дэвис написал рано утром, когда я была еще в постели.

Он: *Хочешь, посмотрим сегодня кино? И даже не про космос.*

Я: *Не могу. Давай в другой раз. Извини, что я вчера сорвалась, и за пот, и за все остальное.*

Он: *Ты не сильно потеешь.*

Я: *Еще как потею, но говорить об этом не хочу.*

Он: *Ты очень не любишь свое тело.*

Я: *Так и есть.*

Он: *А мне оно нравится. Оно хорошее.*

Хорошо оставаться с ним в виртуальном пространстве, однако нужно заколотить окна своего «Я».

Я: *Я в целом чувствую себя неуверенно и не могу встречаться с тобой. Или с кем-то еще. Извини, у нас не получится. Ты мне нравишься, но нет.*

Он: *Тут мы с тобой сходимся. Слишком хлопотно. В отношениях люди только и делают, что говорят об отношениях. Будто катаешься на чертовом колесе.*

Я: *В каком смысле?*

Он: *Когда катаешься на колесе обозрения, все только и говорят о том, что они – на колесе обозрения, о видах, которые с него открываются, и о том, как тут страшно и сколько раз еще оно повернется. Отношения – точно такая же штука. Все разговоры – только о них. Мне отношения не интересны.*

Я: *А что тебе интересно?*

Он: *Ты.*

Я: *Не знаю, что сказать.*

Он: *Ничего говорить не нужно. Хорошего дня тебе, Аза.*

Я: *И тебе, Дэвис.*

На следующий день после школы у меня была назначена встреча с доктором Сингх. Я сидела напротив нее на двухместном диванчике, старательно изучая фотографию рыбака, держащего сеть. Смотрела я на

него потому, что выдержать немигающий взгляд моего психолога не так-то просто.

– Как у тебя дела?

– Не очень.

– Что случилось?

Краем глаза я видела, что она сидит, положив ногу на ногу. Носок черной туфли с низким каблуком постукивал по воздуху.

– Есть один парень.

– И?

– Не знаю. Он симпатичный, умный, нравится мне, но от этого не легче. И если я не счастлива теперь, как тогда искать счастья?

– У меня нет ответа. По-твоему, как?

Я застонала.

– Опять эти психологические приемы.

– Хорошо. Изменения в личной жизни, даже если они позитивные, могут вызывать беспокойство. Следовательно, нет ничего необычного, если ты чувствуешь тревогу, начиная новые отношения. Что с твоими навязчивыми мыслями?

– Вчера мы с тем парнем целовались, и мне пришлось остановиться, потому что я все время думала, как это гадко. Так что прогресса никакого.

– Что именно гадко?

– У него свои бактерии, и когда он засовывает язык мне в рот, они становятся частью моей микрофлоры, буквально на всю оставшуюся жизнь. Получается, будто его язык навсегда останется у меня во рту, до самой смерти, и потом его микробы съедят мой труп.

– И поэтому ты перестала целоваться.

– Ну да.

– Ничего необычного. Итак, с одной стороны, ты хотела его целовать, а с другой – чувствовала сильную тревогу, которая обычно сопутствует интимной близости.

– Да, но я волновалась не из-за близости. А из-за обмена микробами.

– В такой форме выразилась тревога.

Я снова застонала, услышав эту терапевтическую чушь. Доктор Сингх поинтересовалась, принимала ли я в тот вечер «Ативан». Я сказала, что не взяла его с собой. Тогда она спросила, пью ли я «Лексапро» каждый день, и я ответила – нет, не каждый. В итоге она заявила, что лекарство действует, только если его принимать, и мне нужно подходить к лечению серьезнее. Я попыталась объяснить, что это странно и грустно, если ты становишься собой, только выпив таблетку, которая изменит твое «Я».

Мы на секунду замолчали, и я спросила:

– А почему вы повесили эту фотографию с рыбаком?

– Что ты на самом деле хотела спросить, Аза? Что ты боишься высказать?

Я подумала о настоящем вопросе – том, который постоянно звучал в глубине моего сознания, точно звон в ушах. Я стеснялась его, а еще – чувствовала, что задавать его опасно. Примерно как произнести вслух имя Волдеморта.

– Мне кажется, что меня кто-то выдумал, – призналась я.

– Как это?

– Вы говорите, что перемена в обстоятельствах – стресс, правильно?

Она кивнула.

– Мне хочется знать, существует ли независимое «Я»? Самая глубокая, настоящая личность, которая не меняется от того, есть ли у нее деньги или парень, ходит она в одну школу или в другую. Или я – всего лишь набор обстоятельств?

– И как из этого следует, что тебя придумали?

– Я не контролирую свои мысли, значит, они на самом деле не мои. Не я решаю, буду ли я потеть, заболею ли раком, заражусь клостридиями и так далее. Выходит, мое тело – на самом деле не мое. За меня все решают внешние силы, а не я сама. Они – авторы моей истории. Я – обстоятельства.

Доктор Сингх кивнула.

– Можешь ли ты понять, что это за внешние силы?

– Они не галлюцинации. В общем... просто я не уверена, что я, в конечном счете, реальна.

Доктор Сингх опустила ногу и наклонилась вперед, положив руки на колени.

– Очень интересно, – выдала она. – Очень.

Мне польстило, что хотя бы на секунду я все-таки оказалась чем-то необычным.

– Наверное, очень страшно чувствовать, что твое я, возможно, тебе не принадлежит. Почти как... сидеть в тюрьме?

Я кивнула.

– У Джойса в конце «Улисса» есть момент, когда Молли Блум обращается к самому автору. Она говорит: «О, Джеймси, помоги мне отсюда выбраться». Ты чувствуешь, что заключена внутри «Я», которое принадлежит тебе не полностью, совсем как Молли Блум. Кроме того, тебе часто кажется, что оно до самой глубины чем-то заражено.

Я кивнула.

– Но ты даешь своим мыслям слишком много власти, Аза. Они всего лишь мысли, а не ты. И даже если ты не можешь их контролировать, ты все равно себе принадлежишь.

– Но твои мысли и есть ты сам. Я думаю, следовательно, я существую, так ведь?

– Не совсем. Полная формулировка этой идеи Декарта – *Dubito, ergo cogito, ergo sum*. Я сомневаюсь, значит, мыслю; я мыслю, значит, существую. Декарт задался вопросом – можно ли утверждать, что какое-либо явление или вещь существуют на самом деле? И он считал, что его способность сомневаться в этом доказывает: даже если реальность окажется ложной, сам он все-таки реален. Ты существуешь на самом деле, как и все мы, и сомнения делают тебя более настоящей, а не менее.

Я с порога заметила, что мама вся на нервах из-за моего похода к врачу, хоть и старается вести себя спокойно.

– Как прошел визит? – спросила она, не отрываясь от проверки тестов.

– Наверное, хорошо, – ответила я.

– Еще раз хочу попросить прощения за вчерашний разговор с Дэвисом. Я виновата, и ты права, если на меня сердишься.

– Я не сержусь.

– И все-таки будь осторожнее, Аза. Ты места себе не находишь. Тело тебя выдает – от лица до кончиков пальцев.

Я сжала ладонь в кулак и сказала:

– Это не из-за Дэвиса.

– Какова же тогда причина?

– Нет никакой *причины*.

Я включила телевизор, но она взяла пульт и выключила звук.

– Ты замкнулась. Я не знаю, что у тебя на уме, и это меня пугает.

Я вонзила ноготь в подушечку пальца через пластырь, подумав – если бы мама увидела, что происходит в моей голове, она испугалась бы еще больше.

– Все в порядке. Правда.

– Нет, не все.

– Мам, что ты хочешь услышать? Серьезно. Просто... что нужно сказать, чтобы ты успокоилась?

– Я не хочу успокаиваться. Я хочу, чтобы ты перестала страдать.

– Ну, таким способом проблему не решить. Все, мне пора готовиться к истории.

Я встала.

– Кстати, – добавила она, – мистер Майерс мне сегодня сказал, что твоё сочинение по Колумбову обмену – лучшее из всех, которые он читал за время работы в школе.

– Он преподаёт всего два года.

– Четыре, но всё-таки. Ты делаешь успехи, Аза Холмс. Большие успехи.

– Ты когда-нибудь слышала про Амхерст? – поинтересовалась я.

– Что?

– Амхерст. Колледж в Массачусетсе. Очень хороший, у него высокий рейтинг. Думаю, мне бы там понравилось, если поступлю.

Мама хотела что-то возразить, но передумала и вздохнула:

– Нужно посмотреть, где дают стипендии.

– Или колледж Сары Лоренс. Кажется, он тоже неплохой.

– Помни, Аза, во многих из этих заведений даже заявление подать стоит денег. Мы должны хорошенько подумать, а потом уже выбирать. Там сплошное жульничество, от начала и до конца. Ты платишь, чтобы выяснить, что тебе это не по карману. Нам нужно рассуждать здраво, а здраво – значит учиться рядом с домом, понимаешь? И не только из-за денег. Вряд ли ты захочешь жить вдали от знакомых мест.

– Да, – согласилась я.

– Ладно, я тебя поняла. Ты не хочешь разговаривать с матерью. Но я всё равно тебя люблю.

Она послала мне воздушный поцелуй, и я наконец сбежала в свою комнату.

Мне и правда нужно было готовиться к истории, но много сил на это не ушло, и я всё время думала, не послать ли сообщение Дэвису.

Я уже знала, что хочу или, по крайней мере, что думаю написать. Представляла, как печатаю, жму на «Отправить», и моё эсэмэс уже не вернётся, и я потею, и сердце колотится в ожидании ответа.

Я выключила свет, перевернулась на бок и закрыла глаза, но никак не могла избавиться от этой мысли, поэтому взяла телефон и написала: *Когда ты сказал, что тебе нравится моё тело, что ты имел в виду?*

Пару секунд я ждала, когда он начнет печатать и на экране появится многоточие, но ничего не было, и я положила телефон на столик возле кровати. Мой мозг теперь замолчал, я выполнила то, что он от меня требовал, и я почти уснула, когда телефон зажужжал.

Он: *Что оно мне нравится.*

Я: А что именно в нем?
Он: Как твои плечи переходят в ключицы.
Он: И ноги. Мне нравится изгиб твоих икр.
Он: Мне нравятся твои кисти. Длинные пальцы и внутренняя сторона запястий, цвет кожи, вены под ней.
Я: А мне – твои руки.
Он: Они тонкие.
Я: Но сильные. Ты не против?
Он: Очень за.
Я: Значит, изгиб моих икр? Никогда не замечала, какие они.
Он: Красивые.
Я: И все?
Он: Мне нравится твоя попа. Очень-очень. Ты не против?
Я: Нет.
Он: Я заведу фанатский блог о твоей попе.
Я: Ужас.
Он: Буду писать рассказы, в которых твоя изумительная попа влюбляется в твои прекрасные глаза.
Я: Хаха. Ты сейчас все испортишь. Что ты писал... чуть раньше?..
Он: Что мне нравится твое тело. Твой живот, и ноги, и волосы. И мне нравится. Твое. Тело.
Я: Правда?
Он: Правда.
Я: Что со мной не так? Почему сообщения писать весело, а целоваться страшно?
Он: С тобой все нормально. Заедешь ко мне после школы в понедельник? Можно кино посмотреть.

Я помедлила и наконец ответила: Конечно.

Глава 14

В понедельник перед уроками, на парковке, я рассказала Дейзи о сообщениях, поцелуях и восьмидесяти миллионах микробов.

– Если так посмотреть, целоваться ужасно противно, – ответила она. – С другой стороны, может, его микробы лучше твоих? Может, у тебя прибавится здоровья?

– Может.

– А вдруг ты получишь суперспособности? Она была обычной девчонкой, но ее поцеловал миллиардер, и она стала... МИКРОБИАНКОЙ, Королевой Микробов! – Я даже не улыбнулась. – Прости. Не помогло?

– Наверное, со временем я начну относиться к этому проще. Он поцелует меня, ничего плохого не случится, потом поцелует еще, и я перестану бояться. То есть я вряд ли подцеплю от него кампилобактерии, – уточнила я и добавила: – Наверное.

Дейзи открыла рот, но увидела, что к нам направляется Майкл.

– Все будет хорошо, Холмси! Увидимся за обедом. Я тебя люблю!

Она подбежала к Майклу, обняла его и театрально поцеловала в губы, подняв согнутую в колене ножку, будто героиня фильма.

Сразу после школы я поехала к Дэвису. Кованые ворота оказались закрыты. Пришлось выйти из машины и нажать на кнопку внутренней связи.

– Поместье Пикетов, – ответил мне Лайл.

– Привет. Это Аза Холмс, знакомая Дэвиса.

Он промолчал, но ворота начали открываться. Я села в Гарольда и поехала к дому. Лайл ждал меня в гольфкаре.

– Привет, – снова поздоровалась я.

– Дэвис и Ноа у бассейна. Подвезти тебя?

– Могу и пешком.

– Я довезу, – сухо сказал он и показал на пассажирское место.

Мы медленно покатали к бассейну.

– Как дела у Дэвиса? – поинтересовался Лайл.

– Неплохо, наверное.

– Он очень ранимый. И его брат тоже.

– Да.

– Ты об этом не забывай. Теряла близких?

– Да.

– Тогда ты знаешь, каково ему.

Дэвис и Ноа сидели рядышком на одном шезлонге, глядя на террасу внизу. Я думала о словах Лайла. *Тогда ты знаешь*. Но я не могла знать. Каждая потеря уникальна. Ты никогда не поймешь, что чувствует другой человек, – точно так же, как прикосновение к чужому телу не поможет понять, как в том, чужом, теле живет.

Дэвис услышал, как мы подъехали, кивнул мне и поднялся.

– Привет, – сказала я.

– Привет. Мне нужно побыть немного с братом, извини. У Ноа небольшие проблемы. Лайл, покажи Азе, как мы живем. Своди ее в лабораторию, что ли? А я скоро приду, ладно?

Я кивнула и вернулась в гольфкар. Охранник вытащил телефон.

– Малик, у тебя есть пара минут для подруги Дэвиса? Мы уже едем.

Он повез меня вдоль поля, расспрашивая, как я учусь и кем работают мои родители. Я сказала, что мама – преподаватель.

– Папы на семейном фото нет?

– Он умер.

– Извини.

По утрамбованной земляной дорожке мы проехали через рощу и направились к прямоугольному стеклянному зданию с плоской крышей. Вывеска гласила: «ЛАБОРАТОРИЯ».

Лайл проводил меня до двери и попрощался. Я закрыла за собой дверь и увидела зоолога Малика, склонившегося над микроскопом. Он не слышал, как я вошла. Передо мной простирался огромный зал с длинным черным столом посередине. Под столом стояли тумбы с ящиками, на нем – всякое оборудование: стеклянные колбы, сосуды с жидкостями и множество шуток неизвестного мне назначения. Я подошла и принялась рассматривать цилиндрическое устройство с пробирками.

– Извини, – сказал наконец Малик, – но такие клетки вне тела долго не живут, а Туа весит всего полтора фунта^[10], поэтому я стараюсь брать у нее поменьше крови. Это центрифуга.

Он приблизился ко мне, показал колбочку с кровью и аккуратно поставил ее в аппарат.

– Интересуешься биологией?

– Пожалуй, да.

Он взглянул на каплю крови на дне пробирки и сказал:

– А знаешь, у туатар бывают паразиты. У нашей, к примеру, есть сальмонелла. Но они никогда не болеют из-за этого.

– Я почти ничего о них не знаю.

– О них вообще мало что известно. Очень жаль. Туатары определенно самый интересный вид рептилий. Частица далекого прошлого. – Я продолжала смотреть на кровь. – Трудно даже представить, насколько они успешнее нас, – туатары живут на Земле в тысячу раз дольше, чем люди. Только подумай. Чтобы сравниться с ними, нам нужно прожить хотя бы десятую долю процента нашей истории.

– Верится с трудом.

– Да, с большим. Вот за что мистер Пикет любит Туа. Она – победительница. Ей уже сорок лет, но это лишь первая четверть ее жизни.

– И он решил завещать ей все свое состояние?

– Мне известны примеры, когда люди тратили деньги намного бездарнее. – Я таких примеров не знала. – Но что самое потрясающее – темп молекулярной эволюции туатар. Она и является предметом моего исследования. Извини, если тебе скучно.

На самом деле мне нравилось его слушать. Малик говорил с воодушевлением, и было ясно – он искренне любит свою работу. Такие взрослые встречаются редко.

– Нет, мне интересно.

– Ты не проходила дополнительный курс по биологии?

– Сейчас прохожу.

– Отлично. Тогда ты знаешь, что такое ДНК. – Я кивнула. – Вам рассказывали о мутации ДНК? Это и есть причина разнообразия форм жизни.

– Ага.

– Тогда смотри. – Он подошел к микроскопу, подключенному к компьютеру, и вывел на монитор изображение какого-то пузырька. – Клетка туатары. Насколько нам известно, туатары не сильно изменились за последние два миллиона лет. Сейчас они выглядят так же, как их ископаемые останки. И туатары все делают медленно. Медленно взрослеют – рост продолжается до тридцати лет. Медленно размножаются – откладывают яйца раз в четыре года. Однако, несмотря на эту медлительность и то, что они не изменились за два миллиона лет, темп молекулярной мутации у них быстрее, чем у любого другого известного нам животного.

– То есть они быстрее развиваются?

– На молекулярном уровне – да. Они меняются быстрее, чем люди, львы или фруктовые мушки. Что вызывает множество вопросов. Все ли животные когда-то мутировали с такой скоростью? Что замедлило ход

молекулярной мутации? Как получается, что ДНК очень быстро мутирует, а само животное почти не изменилось?

– И вы знаете ответы?

Малик рассмеялся.

– Нет. Мне до этого еще далеко. Вот за что я люблю науку – ответов ты на самом деле не получаешь, только еще более сложные вопросы.

Я услышала, как открылась дверь. Пришел Дэвис.

– Кино? – спросил он.

Я поблагодарила Малика.

– Обращайся в любое время, – отозвался он. – Возможно, в следующий раз ты захочешь ее погладить.

Я улыбнулась.

– Вряд ли.

Мы с Дэвисом не обнялись и не поцеловались. Просто шли рядом по дорожке, и тут он сказал:

– У брата неприятности в школе.

– Что случилось?

– Кажется, у него нашли травку.

– Господи! Вот бедняга. Его арестовали?

– Нет-нет. Они в таких случаях не привлекают полицию.

Я хотела сказать, что в школе «Уайт-Ривер» полицию привлекли бы стопроцентно, но промолчала.

– Его на время отстранили от занятий.

Было холодно, и я видела, как воздух превращается в пар, вылетая у меня изо рта.

– Может, для него это лучше.

– Его наказывали так дважды. Не помогло. Кому придет в голову носить в школу травку в тринадцать лет? Кажется, он решил нарваться на неприятности.

– Мне жаль, – сказала я.

– Ему нужен отец. Пусть даже хреновый. А я... Да я понятия не имею, что с ним делать. Лайл пытался с ним поговорить сегодня, однако Ноа такой односложный: круть, ага, привет, да. Я вижу, он хочет, чтобы папа вернулся, но ничего не могу поделать, понимаешь? Лайл – не отец. Я – не отец. Ладно. Просто мне очень нужно выпустить пар, а ты – единственная, с кем я сейчас могу поговорить.

Слово «единственная» навалилось на меня, и ладони вспотели.

– Давай просто кино посмотрим, – наконец ответила я.

Уже в кинотеатре Дэвис сказал:

– Я долго думал, что могло бы тебе понравиться. Выбрал один фильм – он нелепый, но очень хороший. Если будет неинтересно, следующие десять выбираешь ты. Идет?

– Конечно.

Фильм назывался «Восхождение Юпитер», и он действительно оказался нелепый и прекрасный одновременно. Через несколько минут я взяла Дэвиса за руку. Чувствовала себя нормально, даже хорошо. Мне нравилось, как переплетаются наши пальцы, как он поглаживает маленькими кругами мягкую кожу моей ладони.

Когда в фильме наступил один из кульминационных моментов, я хихикнула, и Дэвис спросил:

– Тебе нравится?

– Да, фильм и правда странный, но отличный.

Дэвис продолжал смотреть на меня, поэтому я тоже взглянула на него.

– Не могу сказать, правильно ли понимаю ситуацию, – произнес он и улыбнулся так, что мне ужасно захотелось его поцеловать.

Держаться за руки было приятно, хотя раньше я из-за такого нервничала. Может, и с поцелуями в этот раз получится по-другому?

Я наклонилась через подлокотник, быстро чмокнула его в губы, и мне понравилось их тепло. Еще! Я коснулась его щеки и начала целовать по-настоящему. Дэвис приоткрыл рот. Я просто хотела вести себя с ним, как любая нормальная девушка. Чувствовать туманящую разум близость – такую же, как в моменты, когда мы общались эсэмэсками. Я любила его целовать, и целовался он отлично.

Но потом пришли мысли. Я ощутила, как слюна Дэвиса оживает у меня во рту. Отодвинулась как можно спокойнее.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да. В полном. Просто мне нужно...

Я старалась придумать, что ответил бы нормальный человек. Может, если я скажу и сделаю то, что говорят и делают обычные люди, Дэвис поверит, что я тоже нормальная. А может, я даже стану нормальной.

– Не будем спешить? – предположил он.

– Да, – согласилась я. – Именно.

– Хорошо. – Он кивнул на экран. – Я ждал этой сцены. Тебе понравится. Она просто сумасшедшая.

У Эдны Сент-Винсент Миллей есть одно стихотворение, которое застряло у меня в голове с тех самых пор, как я прочитала его впервые. Вот эти строчки: «И с темнеющего холма в дверь мою подула зима. Три

снежинки... Четыре... Пять... Больше! Больше!.. Не сосчитать»^[11]. Ты можешь сосчитать первые четыре снежинки и пятую. А потом язык тебя подводит, и нужно смириться и пережить метель.

Так было и со сжимающейся спиралью моих мыслей: я думала о бактериях Дэвиса во мне. О том, сколько из них могут оказаться болезнетворными. Думала о кишечных палочках, кампилобактериях и клостридиях, которые, возможно, есть в его микрофлоре.

Пришла четвертая мысль. А за ней – много-много других.

– Мне нужно в ванную, – сказала я. – Сейчас вернусь.

Я поднялась на первый этаж. Последние лучи уходящего солнца придали белым стенам розоватый оттенок. Ноа сидел на диване и играл в компьютерную игру.

– Аза?

Я поскорее зашла в ванную. Умылась, посмотрела в зеркало, наблюдая за своим дыханием. Смотрела долго, старалась понять, как остановиться, где кнопка, чтобы выключить внутренний монолог. Старалась.

А потом вытащила из кармана куртки тюбик с дезинфицирующей мазью и выдавила ее себе на язык. Покатала жгучую слизь во рту, преодолевая слабые рвотные спазмы, и проглотила.

– Смотрите «Юпитер»? – спросил Ноа, когда я вышла из ванной.

– Да.

– Классно. – Я повернулась и хотела уйти, но он позвал: – Аза? – Я подошла и села рядом. – Никто не хочет его искать.

– Твоего папу?

– Я не могу думать ни о чем другом. Я... просто... Считаешь, он и правда мог вот так исчезнуть и даже не послать нам эсэмэску? А вдруг он пытается, а мы просто не знаем, как их получить?

Мне было ужасно жаль этого мальчишку.

– Да, возможно. Или он ждет удобного случая.

– Точно. Да, скорее всего так и есть. – Я начала вставать, и тут он добавил: – Но разве нельзя послать нам письмо по электронке? Его не смогут отследить, если зайти с общественного Wi-Fi. И разве не мог он купить другой телефон и написать нам с него?

– А что, если он боится?

Я старалась его утешить, но тут, кажется, ничем нельзя было помочь.

– Ты будешь его дальше искать?

– Да, – пообещала я. – Да, Ноа, конечно.

Он потянулся за игровым пультом, и я поняла, что пора возвращаться в

кинотеатр.

Дэвис поставил фильм на паузу посреди космической битвы, и когда взглянул на меня, в стеклах его очков отразился яркий свет замороженного во времени взрыва. Я села рядом.

– Все в порядке? – спросил он.

– Извини.

– Я делаю что-то...

– Нет. Дело не в тебе. Просто... это просто... Я не могу сейчас тебе объяснить.

У меня кружилась голова, и я отворачивалась, чтобы Дэвис не почувствовал, что изо рта у меня пахнет мазью для рук.

– Хорошо, – сказал он. – Мне нравится, когда мы вместе. И нравится то, что мы делаем все не так, как другие.

– Ты серьезно?

– Да.

Я смотрела на замерший экран и ждала, когда Дэвис нажмет на кнопку.

– Я слышал, как ты разговаривала с Ноа.

Я чувствовала слюну Дэвиса у себя во рту, а действие мази постепенно заканчивалось. Если я до сих пор ее чувствую, возможно, она все еще там. *Пожалуй, стоит проглотить еще мази.* Какие же глупости! Миллиарды людей целуются, и ничего плохого не происходит. *Ты сама знаешь: лучше съесть еще.*

– Его бы показать кому-нибудь, – сказала я. – Психологу или типа того.

– Ему нужен отец.

Зачем ты вообще его целовала? О чем ты думала? У тебя была бы нормальная ночь, а ты выбрала вот это. Мы говорим о Ноа, не обо мне. *Бактерии Дэвиса плавают в тебе. Они прямо сейчас у тебя на языке. Даже чистый спирт не сможет убить их все.*

– Хочешь просто посмотреть фильм?

Я кивнула, и следующий час мы сидели рядом, не прикасаясь друг к другу. Спираль продолжала сжиматься.

Глава 15

Я легла в кровать, но заснуть не могла. Начиная писать сообщения Дэвису, стирала их, потом наконец отложила телефон и вытащила ноутбук. Захотелось узнать, что происходит у него в глобальной паутине – куда он ушел, когда закрыл свои странички в социальных сетях.

Ссылки в «Гугле» были сплошь об отце. «Генеральный директор “Пикет инжиниринг” не оставит своим детям ни цента» и так далее. «Инстаграм» Дэвиса, его «Фейсбук», «Твиттер» и блог не обновлялись, а поиск по двум никам – dallgoodman и davisnotdave02 привел на странички других людей.

Тогда я начала искать пользователей с похожими никами: dallgoodman02, davisnotdave, davisnotdavid, наугад вводила их в «Фейсбуке», в адреса блогов. Прошло больше часа, и вот, почти ровно в полночь, мне пришло в голову поискать строчку «Исчезли листья, и тебе пора исчезнуть».

Результатом была единственная ссылка – на блог isnotid02. Страницу создали два месяца назад. Как и в старом журнале Дэвиса, большинство записей начиналось цитатой, за которой следовало несколько загадочных строк. Но, кроме того, там имелся заголовок «Стихи». Я открыла дневник и листала вниз, пока не добралась до самого начала:

*Все, что я узнал о жизни, можно выразить двумя словами:
она продолжается.*

Роберт Фрост

Уже вторую неделю длится этот хаос. Нельзя сказать, что моя жизнь стала именно хуже – просто меньше. Если долго смотришь вверх, начинаешь чувствовать свою неизмеримую крошечность. Разница между живым и неживым – еще куда ни шло. Но оттуда, откуда смотрят звезды, почти нет разницы между формами жизни, между мной и свежескошенной травой, на которой я сейчас лежу. И я, и она поразительны, и в известной человечеству вселенной мы больше всего близки к настоящему чуду.

*У Разума доска сломалась, и в пролом я полетела вниз и
вниз...^[12]*

Эмили Дикинсон

В Млечном Пути примерно сто миллиардов звезд – по одной на каждого, кто когда-либо жил. Я думал об этом сегодня, глядя на небо. Ночь выдалась на удивление теплая, и звезды было видно просто отлично для наших мест. Когда я смотрю вверх, почему-то всегда кажется, будто падаю.

Вечером я слышал, как мой брат плачет у себя в комнате. Я долго стоял за дверью. Он знал, что я там, – постарался всхлипывать тише, когда под моими ногами скрипнули половицы. И я стоял целую вечность, глядя на его дверь, не в силах ее открыть.

Даже тишине есть что рассказать.

Жаклин Вудсон

Хуже всего в настоящем одиночестве – вспоминать, сколько раз ты хотел, чтобы тебя все оставили в покое. И вот, они тебя оставили, и оказывается, что ты сам – прескверная компания.

Мир – это шар, и чем дальше ты уплываешь, тем ближе ты к дому.

Терри Пратчетт

Иногда я открываю карты «Гугла» и наугад увеличиваю места, где он может быть. Вчера вечером пришел С. и объяснил нам, что происходит, что случится, если его найдут и если не найдут. И он сказал: «Вы понимаете, что я имею в виду не человека, а юридическое лицо». Юридическое лицо – вот что за призрак обитает в нашем доме. А человек – где-то там, на карте.

Я влюблен в мир.

Морис Сендак

Мы всегда говорим, что мы «под звездами». Конечно, это не так – нет никакого «над» или «под», звезды нас окружают. Но мы говорим «под ними», и это так мило. Английский язык часто прославляет человека. Мы – «кто», другие животные – «что», но английский хотя бы ставит нас ниже звезд.

Наконец в дневнике появилась «она».

Которому прошедшее прологом должно служить^[13].

Уильям Шекспир

Видеть прошлое – или человека из прошлого – физически больно. По крайней мере, для меня. Я поражен меланхолией и хочу вернуть прошлое, любой ценой. Не важно, что оно не вернется, что оно не было таким, каким я его представляю. Я хочу его вернуть. Чтобы все снова стало таким, как раньше, или таким, каким я его помню: целым. Но она почему-то не напоминает мне прошлое. Она – в настоящем.

Следующую запись он опубликовал в ночь после того, как дал мне деньги. Окончательно стало ясно, что «она» – это я.

Проснись! Проснись – пора: ты хорошо спала^[14].

Уильям Шекспир

Неужели я все испортил? Но если бы я не сделал этого, мне не давало бы покоя что-то еще. Жизнь – путь от одного сомнения к другому.

Весь остров голосами и звуками наполнен здесь всегда^[15].

Уильям Шекспир

Мысль – мог бы я понравиться ей, если бы это был не я, – невозможная мысль. Она исключает саму себя. Однако я говорю вот о чем: смог бы я, в том же теле и с той же душой, понравиться ей в ином, более скромном окружении? Но тогда, конечно, это был бы не я, а кто-то другой. Прошлое – ловушка, уже поймавшая тебя. Кошмар, от которого я стараюсь пробудиться, как говорит Дедал у Джойса.

И новая, самая последняя, запись.

А эта тварь, рожденная во тьме, принадлежит, я признаюсь вам, мне^[16].

Уильям Шекспир

Она заметила – и не единожды – что метеоры падают там, вверху, пусть даже мы их не видим. Какая разница, умеет ли она целоваться? Она видит сквозь тучи.

Лишь прочитав дневник целиком, я заметила, что записи, в которых есть я, начинаются цитатами из «Бури». Я чувствовала, что вторгаюсь в личное пространство Дэвиса, но ведь он сам выложил это в Интернете. К тому же, проводить время за чтением его страницы было все равно, что проводить время с ним самим, только не так страшно. Поэтому я щелкнула по ссылке «Стихотворения».

Одно оказалось таким:

И были матери моей
Шаги так тихи,
Что едва слышал,
Как она ушла.

Второе:

Красоту нельзя портить правдой,
Как считал Э. Э. Каммингс.
«Это чудо, что разделяет звезды», –
Писал он о любви и тоске.
И поэтому женщины часто тянули его в постель,
Что и было единственной целью стиха.
Но притяжение и влечение – разные вещи:
Лишь одно из них постоянно.

И потом первое стихотворение, написанное в тот же день, что и первая дневниковая запись, через две недели после исчезновения отца.

Он всю жизнь носил меня на руках.
Поднимал, брал с собой туда и сюда, говорил:
Пойдем. Я тебя отвезу. Будет весело.
Не было никогда.
Ты не чувствуешь веса отца,
Пока он с тобой.

Я как раз перечитывала эти строчки, когда мой телефон зажужжал.

Дэвис: Привет.

Я: Привет.

Он: Это ты сейчас в моем блоге?

Я: Возможно. Ничего страшного?

Он: Я просто рад, что это ты. У меня в аналитике написано, что кто-то из Индианаполиса находится на сайте уже полчаса. Я занервничал.

Я: Почему?

Он: Не хочу, чтобы мои вирши публиковали в новостях.

Я: Никто не стал бы такого делать. И перестань называть свои стихи виршами.

Он: Как ты меня нашла?

Я: Искала «Исчезли листья, и тебе пора исчезнуть». Никто, кроме меня, не догадался бы.

Он: Извини, если выгляжу как параноик. Мне просто нравится там писать, и если придется удалить, будет жалко.

Он: Рад был тебя видеть сегодня.

Я: Да, я тоже.

На экране появилось многоточие – он печатал, но сообщение все не приходило. Я подождала и написала сама.

Я: Хочешь поболтать по видео?

Он: Конечно.

Мои пальцы дрожали, когда я ткнула кнопку видеозвонка. На экране появилось лицо Дэвиса – серое в призрачном свечении телефона. Я поднесла палец к губам, шепнула: «Тссс». Мы смотрели друг на друга в тишине, и наши едва различимые лица на тускло светящихся экранах были друг другу так близки, как никогда не бывали в реальной жизни.

Я вдруг подумала, что это круговорот: меня освещает свет его спальни, а его – свет моей. Я видела Дэвиса лишь потому, что он мог видеть меня. Мы лежали в зернистом серебряном свете, и от страха и радости такого бытия казалось, что мы на самом деле находимся не в своих кроватях, а в каком-то неосязаемом месте, почти что в сознании друг друга. Близость тел в реальной жизни не могла сравниться с этой близостью.

После он написал: *Мне нравится наше «мы». По-настоящему нравится.*

И как-то так вышло, что я поверила.

Глава 16

Какое-то время мы оставались «нами» – иногда встречались, почти каждый вечер писали друг другу и говорили по видеосвязи. Мы нашли способ кататься на колесе обозрения, не говоря о нем. Бывали дни, когда я падала в спирали глубже обычного, но смена пластыря помогала, а дыхательные упражнения и таблетки вроде бы действовали.

И моя жизнь продолжалась – я читала книги, делала уроки, сдавала тесты, смотрела с мамой телевизор, встречалась с Дейзи, когда та не была занята Майклом, снова и снова просматривала гид по колледжам и представляла всевозможные перспективы, которые он обещал.

А потом однажды вечером, от скуки и воспоминаний о временах, когда мы с Дейзи дни напролет сидели в «Эплби», я стала читать ее рассказы о мире «Звездных войн».

Неделю назад она опубликовала новую работу под названием «Раскаленный луч». И ничего себе – его прочитали несколько тысяч раз! Дейзи, похоже, стала знаменитой.

История, написанная от лица Рей, происходит на Татуине, где влюбленные голубки, Рей и Чубакка, сделали остановку, чтобы забрать какой-то груз у высоченного парня по имени Калкино. Парочку сопровождает девушка с синими волосами, по имени Айала, которую Рей описывает как «лучшую подругу и тяжелейшую обузу».

Они встречаются с Калкино во время гонок на подах, и тот предлагает команде два миллиона кредитов, если они доставят четыре ящика с грузом на Утапау.

– Добром это все не кончится, – произнесла Айала.

Я закатила глаза. Айала вечно что-нибудь выдумывала. И чем больше она волновалась, тем больше все портила. Она обладала моральной целостностью девушки, которая не знает, что такое голод, и всегда презирала наш промысел, не замечая, что именно он дает ей хлеб и крышу над головой. Чуи считал, что он перед Айалой в долгу, потому что ее отец спас его ценой своей жизни, а Чуи не отступал от принципов, даже если из-за них приходилось страдать. Айале, напротив, изменить своим принципам ничего не стоило, поскольку она привыкла к беззаботной жизни.

– Это неправильно, – пробормотала она, накручивая на палец прядь

синих волос.

Нервная привычка, но у нее все привычки нервные.

Я продолжала читать, а сердце сжималось. Айала была ужасна. Если Чуи и Рей уединялись на борту «Тысячелетнего сокола», она вмешивалась с дурацким вопросом про гипердвигатель, хотя ответить на него «мог любой достаточно смысленный пятилетка». Она испортила груз, открыв один из четырех ящиков: там оказалась батарея, которая выбросила столько энергии, что корабль едва не взорвался. По словам Дейзи, Айала «неплохая девчонка, но бестолковая».

Рассказ кончался триумфальной доставкой батарей. Но одна из них разрядилась по вине Айалы, и клиенты поняли, что нашим бесстрашным героям все известно. За их головы – или, наверное, лучше сказать «за наши» – обещали награду, а это значило, что в продолжении рассказа, которое выйдет через неделю, страсти накалятся еще больше.

Читатели оставили множество комментариев. Самый свежий был таким: «ОБОЖАЮ НЕНАВИДЕТЬ АЙАЛУ! ХОРОШО, ЧТО ТЫ ВЕРНУЛА ЕЕ!» «Спасибо! Спасибо за интерес!» – ответила Дейзи.

Я прочитала все главы в обратном хронологическом порядке, узнав, как Айала портила жизнь влюбленных раньше. В рассказе я сделала полезное дело только однажды – когда от нервов меня вырвало прямо на хатта по имени Янт. Чубакка воспользовался замешательством, выхватил бластер и спас нас всех от верной гибели.

Я читала почти всю ночь, а потом еще думала, что скажу Дейзи утром. Мысли метались от ярости к страху и грифами кружили по комнате. Проснувшись совершенно разбитой – я не просто не выпалась, я была в ужасе. Теперь я видела себя глазами Дейзи – бестолковой, беспомощной, бесполезной. Полным нулем.

После бессонной ночи голова раскалывалась. По дороге в школу я вспоминала, как ребенком боялась чудовищ. Я знала, что их не существует. Однако знала и то, что даже ненастоящие чудовища способны причинить вред. Я понимала, что выдумки имеют значение и могут убить. Теперь, прочитав истории Дейзи, я снова чувствовала себя как в детстве – словно что-то невидимое надвигается на меня.

Я думала, что разозлюсь, когда увижу подругу, но вышло по-другому. Дейзи сидела на ступеньках школы, одетая уже по-зимнему. Она помахала мне рукой в перчатке, и тут я почувствовала, что... ну, словом, что все справедливо. Ей пришлось выдумать Айалу, чтобы как-то ладить со мной.

Дейзи поднялась мне навстречу.

– Все нормально, Холмси?

Я кивнула. Не смогла произнести ни слова – в горле стоял комок, и я боялась расплакаться.

– Что случилось? – спросила она.

– Устала просто.

– Не пойми меня неправильно, Холмси, но ты выглядишь так, будто играла роль зомби в доме с привидениями, а теперь вышла на парковку в поисках метамфетамина.

– Я постараюсь понять все правильно.

Дейзи обняла меня одной рукой.

– В смысле, ты по-прежнему прекрасна, конечно. Ты не можешь распрекрасить себя, Холмси, как ни старайся. Я только говорю, что тебе неплохо бы поспать. Немного себя побаловать, понимаешь? – Я кивнула, стряхнув ее руку с плеча. – Мы давно уже вместе не зависали, – заметила Дейзи. – Может, я зайду к тебе после уроков?

Я уже собиралась ответить «нет», но вспомнила, как Айала всегда от всего отказывалась. А я не хотела быть похожей на свое выдуманное «Я».

– Да, конечно.

– Мы с Майклом устраиваем ночь домашней работы, но если я поеду к тебе сразу после школы, у меня будет примерно сто сорок две свободные минуты, которых как раз хватит, чтобы посмотреть «Атаку клонов».

– Ночь домашней работы? – переспросила я.

К нам подошел Майкл.

– Будем готовиться к английскому – читать друг другу «Сон в летнюю ночь».

– Серьезно?

– Да, а что? – ответила Дейзи. – Я не виновата, что мы такие славные. Но сначала Йода со световым мечом после школы у тебя дома. Идет?

– Идет.

– Значит, решено.

Шесть часов спустя мы лежали рядом на полу, подложив под себя диванные подушки, и смотрели, как Энакин Скайуокер и Падме медленно-медленно влюбляются друг в друга. Моя подруга считала, что «Атаку клонов» ужасно недооценивают. Лично я думала, что это какая-то муть, но мне нравилось наблюдать, как Дейзи смотрит фильм. Она буквально шевелила губами, повторяя каждую строчку диалогов.

Я почти все время сидела в телефоне, изучая статьи о пропаже Пикета-старшего в поисках хоть какого-нибудь намека на бегунов или рот бегуна. Я

обещала Ноа, что буду искать, но зацепок практически не было.

– Стараюсь полюбить Джа-Джа Бинкса. Ненавидеть его – такая банальность, но он просто ужасен, – сказала Дейзи. – Вообще-то, в своих рассказах я его давно убила. Потрясающее чувство.

Мне стало противно, однако я сосредоточилась на телефоне.

– Что ты там читаешь?

– О расследовании по делу Пикета. Смотрю, нет ли новостей. Ноа сейчас очень тяжело, а я... не знаю. Просто хочу ему как-то помочь.

– Холмси, мы уже получили деньги. Все кончилось. Ты не умеешь останавливаться вовремя, вот в чем твоя беда.

– Ага.

– Дэвис отдал нам деньги, чтобы мы бросили наше расследование. Поэтому брось.

– Да, хорошо.

Я понимала, что Дейзи права, но совсем не обязательно меня отчитывать.

Мне казалось, что разговор окончен, однако через несколько секунд она поставила фильм на паузу и продолжила:

– Это совсем другая история. А не такая, типа, про бедную девочку, которая разбогатела, но потом поняла, что правда важнее, героически вернула деньги и опять стала бедной девочкой. Всем только лучше от того, что Пикет исчез. Оставь его в покое.

– Никто не отнимет у тебя деньги, – тихо сказала я.

– Холмси, я тебя очень люблю, но подумай как следует.

– Понятно.

– Обещаешь?

– Да.

– И мы разбиваем сердца, но держим слово.

– Ты говоришь, что это – твой девиз. Но ты сейчас девяносто девять процентов времени проводишь с Майклом.

– Только вот сейчас я зависаю с тобой и Джа-Джа Бинксом.

Мы продолжили смотреть фильм. Когда он закончился, Дейзи сжала мою руку.

– Я тебя люблю, – сказала она.

И побежала к Майклу.

Глава 17

Вечером написал Дэвис.

Он: Ты дома?

Я: Да. Поговорим по видео?

Он: Я хотел бы встретиться.

Я: Можно. Но в реале со мной не так весело.

Он: Мне с тобой хорошо. Сможешь прямо сейчас?

Я: Смогу.

Он: Оденься потеплее. На улице холодно, и небо ясное.

Мы с Гарольдом поехали в поместье Пикетов. Ему не по душе холода, и мне казалось, будто я слышу, как в двигателе что-то сжимается, но он держался ради меня.

Я замерзла, пока шла от машины к дому, – не спасли даже зимнее пальто и варежки. Погоду почти не замечаешь, если она хорошая, но когда холодает настолько, что ты видишь свое дыхание, забыть про нее уже не получается. Погода решает, когда тебе думать о ней, а не наоборот.

Входная дверь открылась передо мной сама. Дэвис и Ноа сидели на диване, играя в космическую битву.

– Привет, – сказала я.

– Привет! – отозвался Дэвис.

– Как жизнь? – спросил Ноа.

– Слушай, парень, – сказал ему Дэвис и встал, – мы с Азой погуляем, пока она одета. Скоро придем, хорошо?

Он взъерошил волосы младшего брата.

– Ладно, – ответил тот.

– Прочитала рассказы Дейзи, – поделилась я, когда мы вышли.

Траву на поле для гольфа снова безупречно подстригли, хотя единственный игрок в семье уже несколько месяцев не появлялся дома.

– Она отлично пишет, правда?

– Наверное. Мне больше запомнилась ужасная Айала.

– Она совсем не ужасная. Просто нервная.

– Все проблемы в рассказах – из-за нее.

Дэвис нежно толкнул меня плечом.

– А мне она понравилась. Но я, кажется, пристрастен.

Мы обошли все поместье и наконец остановились у бассейна. Дэвис нажал на кнопку в телефоне и убрал защитное покрытие. Мы устроились в шезлонгах рядом друг с другом. Я смотрела, как над водой поднимается пар, а Дэвис лежал, глядя в небо.

– Почему он так погружен в себя, когда можно падать в эту бесконечность?

– Кто?

– Ноа.

Дэвис достал что-то из кармана и зажал в кулаке. Сначала мне показалось – ручка, но потом, глядя, как он крутит предмет в пальцах, точно фокусник, играющий с картами, я поняла, что это Железный человек.

– Не подумай ничего такого, – сказал Дэвис. – Неделя выдалась тяжелая.

– По-моему, Железный человек – не такой уж и супергер...

– Ты разбиваешь мне сердце, Аза. Видишь, вон там Сатурн?

Он указал фигуркой на небо и стал объяснять, чем различаются планеты и звезды, как отыскать созвездия. А потом сказал, что наша галактика – большая спираль, как и многие другие.

– Все видимые нам звезды находятся в этой спирали. Она огромна.

– И у нее есть центр?

– Да. Вся галактика вращается вокруг сверхмассивной черной дыры, но очень медленно. Чтобы совершить полный круг, Солнечной системе нужно двести двадцать пять миллионов земных лет.

Мне хотелось узнать, бесконечны ли спирали галактики, Дэвис сказал, что нет, а потом спросил про мои спирали.

Я рассказала про математика Курта Гёделя, который очень боялся, что его отравят, и поэтому ел только пищу, которую приготовила его жена. Однажды она заболела, ее положили в больницу, и Гёдель перестал есть. Он, должно быть, понимал, что вероятность погибнуть от голода выше, чем от яда, но заставить себя никак не мог и умер. В семьдесят один год. Он семьдесят один год жил с демоном, и под конец тот его все-таки одолел.

Дэвис спросил:

– Ты боишься, что подобное случится и с тобой?

– Так странно, когда понимаешь, что ты сумасшедший, а поделаться с этим ничего не можешь. Ты не думаешь, что ты нормальный. Знаешь, что есть проблема, но не находишь решения. Потому что ты неуверен. Если ты Гёдель, ты не можешь сказать наверняка, что еда не отравлена.

– Ты боишься, что такое случится с тобой? – повторил он.

– Я много чего боюсь.

Мы говорили так долго, что звезды, которые были прямо над нами, уплыли в сторону. Наконец Дэвис спросил:

– Хочешь искупаться?

– Холодно.

– Вода подогревается.

Он встал, стянул рубашку и джинсы. Приятно было смотреть, как он раздевается. Мне нравилось его худое тело – небольшие, но рельефные мышцы спины, ноги, покрытые мурашками. Он поежился и прыгнул в воду.

– Великолепно!

– У меня купальника нет, – сказала я.

– Ну, если у тебя есть бюстгальтер и трусики, то это практически бикини.

Я засмеялась и сняла пальто, встала.

– Отвернись, пожалуйста.

Дэвис стал смотреть на тускло освещенный террариум, где в своем искусственном лесу скрывалась будущая миллиардерша.

Я разделась. Было стыдно, будто я стою нагишом, но я все же опустила руки и сказала:

– Все, можешь смотреть.

Я скользнула в тепло бассейна. Под водой Дэвис положил руки мне на талию, но целовать не стал.

За спиной у него был террариум, и когда мои глаза привыкли в темноте, я разглядела на ветке туатару – она смотрела на нас одним красно-черным глазом.

– Туа наблюдает, – заметила я.

– Вот извращенка, – ответил Дэвис и обернулся.

Зеленую шкурку туатары покрывал какой-то желтый мох. Она дышала, приоткрыв рот, и я видела ее зубы. Ящерица вдруг махнула миниатюрным крокодильим хвостом. Дэвис вздрогнул, прижался ко мне и рассмеялся.

– Ненавижу эту зверюгу, – сказал он.

Как только мы вылезли, сразу окоченели. Полотенец не было, и мы бросились в дом, схватив одежду. Ноа по-прежнему играл в компьютерную игру на диване. Я проскочила мимо него, взбежала по мраморным ступеням.

Мы оделись и пошли в комнату Дэвиса. Он поставил Железного человека на столик у кровати, а потом стал показывать мне, как работает

телескоп. Ввел координаты в пульт дистанционного управления, и труба сама повернулась. Дэвис посмотрел в окуляр, уступил мне место.

– Тау Кита, – сказал он. Я видела лишь черноту и дрожащий белый диск. – От нас до нее двенадцать световых лет. Она похожа на Солнце, только меньше. Вокруг вращаются две планеты, и на них, возможно, есть жизнь. А может, и нет. Эта звезда – моя любимая.

Сначала я не понимала, что в ней особенного – просто кружок, такой же, как все остальные. Но потом Дэвис объяснил.

– Мне нравится смотреть на нее и думать, как свет Солнца выглядит для кого-то, кто живет в системе Тау. Сейчас они видят свет, который покинул нас двенадцать лет назад – моей маме в нем осталось жить три года. Наш дом только построили, мои родители все время спорят, как поставить мебель на кухне. А мы с тобой еще дети. Самое лучшее и самое худшее еще впереди.

– Лучшее и худшее у нас до сих пор впереди, – возразила я.

– От души надеюсь, что самое худшее я пережил.

Я перестала смотреть на звезду с ее двенадцатилетним светом и взглянула на Дэвиса. Взяла за руку. Хотела сказать, что люблю его, но сомневалась – так ли это на самом деле? Наши сердца разбились в одних и тех же местах. Похоже на любовь, но, пожалуй, не совсем она.

Терять близких страшно. Мне было понятно, почему Дэвис смотрит на свет из прошлого. Я знала: через три года он найдет другую звезду, чей свет еще старше. А когда и ее время закончится, полюбит более далекую, потому что нельзя, чтобы свет догнал настоящее. Если это случится, ты забудешь.

Именно поэтому я любила смотреть на папины снимки. В самом деле, причина одна и та же. Ведь фотографии – всего лишь время и свет.

– Мне пора, – тихо сказала я.

– Увидимся на выходных?

– Да.

– Может, посидим у тебя?

– Конечно. Если моя суровая мама тебя не напрягает.

Он заверил меня, что все в порядке, и мы обнялись на прощание. Когда я вышла из комнаты, он снова опустился на колени перед телескопом.

Дома я сказала маме, что Дэвис хочет заехать к нам на выходных.

– Вы встречаетесь? – спросила она.

– Похоже на то.

– Он уважает тебя, считает равной?

– Да.
– Слушает тебя так же внимательно, как ты его?
– Разговоры мне плохо даются, но да. Он меня слушает. Он очень-очень милый. И вообще, в некоторых вопросах ты должна просто мне доверять, понимаешь?
Мама вздохнула.
– Единственное, чего я хочу, – уберечь тебя. От боли, переживаний и тому подобных вещей. – Я обняла ее. – Ты же знаешь, как я тебя люблю.
Я улыбнулась.
– Да, знаю. Об этом тебе уж точно волноваться не надо.

В тот же вечер перед сном я зашла на страничку Дэвиса.

*Не верь, что есть огонь в звездах,
Что солнце ходит в небесах*^[17].

Уильям Шекспир

Оно не ходит, конечно. В принципе, ходит, но не вокруг нас. Даже Шекспир принимал на веру фундаментальные истины, которые оказались ложными. Кто знает, в какую неправду верю я или вы сами. Кто знает, в чем можно не сомневаться.

Сегодня под звездами она спросила: «Почему ко всем записям, связанным со мной, ты берешь эпитафии из “Бури”? Потому, что наш корабль потерпел крушение?»

Именно так. Наш корабль налетел на скалы.

Я обновила страницу, просто на всякий случай, и в дневнике появилась запись, опубликованная всего минуту-другую назад.

В классической музыке есть выражение: мы вышли на луг. Бывают вечера, которые только так и можно описать. Там не было ни стен, ни пюпитров и даже ни единого инструмента. Не было потолка и пола, мы просто вышли на луг. Вот такое чувство.

Том Уэйтс

Я знаю, она читает это прямо сейчас. (Привет.) Сегодня получилось вот так – мы вышли на луг. В самых лучших разговорах даже не помнишь, о чем говорил, только – как себя чувствовал. Казалось, мы не лежим у бассейна, а попали в какое-то место, куда не может перенестись тело, – там не было ни потолка, ни стен, ни пола, ни музыкальных инструментов.

На том бы мне и заснуть, но я решила еще помучить себя рассказами про Айалу. Я не понимала, как она может нравиться Дэвису. Она была ужасна – думала только о себе и постоянно всех раздражала. Однажды на вечеринке Рей заметила: «Конечно, с Айалой никакого праздника не выйдет, потому что на праздниках людям весело».

Я наконец закрыла страницу, но так и не заставила себя отложить ноутбук. Вместо этого полезла в «Википедию», стала читать о рассказах фанатов и «Звездных войнах», а потом обнаружила, что изучаю старые статьи о микрофлоре человека, о том, как сформировался ее состав и в каких случаях он оказывался губительным.

В какой-то момент я наткнулась на предложение: «Мозг млекопитающих получает непрерывный поток interoцептивной информации из желудочно-кишечного тракта, сочетающийся с interoцептивной информацией от других органов и контекстной информацией из окружающей среды, а затем посылает интегрированный ответ в соответствующие клетки ЖКТ по так называемой “желудочно-мозговой информационной оси”, суть которой лучше описывает термин “желудочно-мозговой информационный цикл”».

У большинства людей подобное предложение не вызовет никакого ужаса, но я вся похолодела. Там говорилось, что бактерии влияют на мои мысли – пусть не напрямую, но через информацию, которую они сообщают кишечнику, а он передает ее в мозг. *Может, и думаешь это сейчас не ты. Может, и в твои мысли попала инфекция.* Не надо было ничего читать. Лучше бы легла спать. *Слишком поздно.*

Я посмотрела, нет ли света под дверью, убедилась, что мама спит, и прокралась в ванную. Сменила пластырь, тщательно рассмотрела старый. На нем осталась кровь. Немножко, но все-таки. Слегка розовая. Заражения нет. Кровь – потому что ранка еще не зажила. *Но туда могла попасть инфекция.* Ее нет. *Уверена? А ты вообще промыла рану сегодня утром?* Кажется, да. Я всегда так делаю. *Точно? Да хватит же!*

Я помыла руки, наклеила новый пластырь, но теперь меня затягивало вниз. Я открыла шкафчик с медикаментами, взяла дезинфицирующее средство для рук с запахом алоэ, хлебнула, потом еще. Меня повело. Нельзя

так делать! Эта дрянь – чистый спирт. Тебя стошнит. *Лучше выпить побольше.* Я налила в рот еще жидкости. Хватит. Теперь ты чистая. Один последний глоток. Я выпила. В животе заурчало, желудок болел.

Клостридия может появиться, если ты убиваешь полезные бактерии. Осторожнее с этим. Отлично! Сначала ты говоришь мне, что надо выпить, а потом отговариваешь.

Я вернулась в комнату, потная, легла на одеяло, как труп, тело было липким. Я не могла сосредоточиться. Если глотать ополаскиватель для рук, здоровья не прибавится, идиотка ты ненормальная. *Но они говорят с твоим мозгом. ОНИ могут приказать ему, что думать, а ты – нет. Так кто командует парадом?* Пожалуйста, прекрати.

Я пыталась отделаться от этой мысли, но, как привязанная собака, лишь отбегала на длину поводка и чувствовала, как ошейник впивается в горло и душит меня. Живот урчал.

Ничто не помогало. И даже если я поддавалась, облегчение наступало только на секунду. Я вспомнила вопрос, который доктор Сингх задала мне много лет назад, когда кризис наступил впервые: *Ты чувствуешь себя угрозой для себя?* Но где угроза, а где – я сама? Я не могла утверждать, что я – не угроза, однако не понимала, для кого или чего. Абстрактность размыла местоимения и дополнения в этой фразе, нелингвистическая воронка засасывала слова. *Ты – это мы. Ты – это ты. Ты – и она, и оно, и они.* Королевство моего «Я».

Я скользила, но это метафора. Опускалась, но это – тоже образ. Чувство не поддавалось описанию, можно только сказать, что я не была собой. Меня ковали в кузнице чьей-то души. Пожалуйста, выпусти! Тот, кто пишет меня, дай мне выбраться отсюда. Что угодно за это отдам.

Но выбраться я не могла.

Три снежинки, четыре.

И дальше – не сосчитать.

Глава 18

Мама разбудила меня без десяти семь.

– Не слышала будильника?

Я прищурилась. В комнате еще темно.

– Все нормально, мам.

– Точно?

– Да.

Я вытащила себя из кровати.

В школу опоздала всего на тридцать две минуты. Видок у меня был неважный, но я давно уже оставила попытки впечатлить коллектив «Уайт-Ривер».

Дейзи одиноко сидела на ступеньках у входа.

– Ты не выспалась, – заметила она, когда я подошла.

Облачно, в такие дни солнце становится всего лишь предположением.

– Легла поздно. А ты как?

– Отлично. Жаль только, мало вижу лучшую подругу в последнее время. Хочешь, позависаем после уроков? Как насчет «Эплби»?

– Конечно, – ответила я.

– Кстати, мама взяла мою машину. Подвезешь меня?

Я дотянула до обеда, вытерпела обычную послеобеденную встречу с мамой, которая волновалась насчет моих «красных глаз», высидела историю и статистику. В классах на всем лежала мерзкая пленка бездушного флуоресцентного света. День тянулся, тянулся, и наконец последний звонок с урока отпустил меня. Я села в Гарольда и стала ждать Дейзи.

Я не выспалась, у меня путались мысли. Эта жидкость для рук практически чистый спирт. Больше ее пить нельзя. Наверное, нужно позвонить доктору Сингх, но тогда придется говорить с ее секретарем и объяснять незнакомому человеку, что ты сумасшедшая. Невыносимо думать о том, как доктор Сингх перезвонит и сочувственно спросит, принимаю ли я таблетки каждый день. Они все равно не помогают. Спасения нет. Три разных лекарства, пять лет когнитивно-поведенческой терапии, и вот вам результат.

Я вздрогнула и проснулась, услышав, как Дейзи открывает дверь.

– Все нормально? – спросила она.

– Да.

Я завела машину и почувствовала, как плечи сами расправились. Сдала назад с парковочного места и встала в очередь на выезд из кампуса.

– Ты даже имя мое не изменила как следует.

Меня душили слезы, но я держалась.

– Что?

– Айала, Аза. От первой буквы к последней и снова к первой. Ты дала ей навязчивые мысли. Черты моего характера. Любой догадается, что ты на самом деле думаешь обо мне. И Майкл. И Дэвис. Возможно, вся школа.

– Аза, – сказала Дейзи. Когда ее голос произнес мое настоящее имя, оно прозвучало неправильно. – Ты же не...

– Да пошла ты!

– Я их пишу с одиннадцати лет, а ты не прочла ни одного.

– Ты не просила.

– Во-первых, просила. И не раз. А потом устала слушать твои обещания почитать как-нибудь. А во-вторых, я не должна была просить. Могла бы оторваться на три секунды от своего бесконечного самосозерцания и подумать о том, чего хотят другие. Смотри, Айалу я придумала в седьмом классе. Да, гадость с моей стороны, но теперь она – самостоятельный персонаж. Она – не ты, понятно?

Мы по-прежнему ползли по студенческой парковке.

– То есть я тебя люблю, и хоть ты в этом не виновата, но твоя тревожность, в своем роде, притягивает беду.

Я наконец выехала с территории школы и направилась по Меридиан-стрит на север, в сторону шоссе. Дейзи продолжала говорить, конечно. Она никогда не умолкала.

– Мне очень жаль, понимаешь? Надо было давно избавиться от Айалы. Но да, все верно, это такой способ справиться с... в смысле, Холмси, от тебя на стену хочется лезть.

– Конечно, в последние пару месяцев наша дружба всего-то принесла тебе пятьдесят тысяч долларов и парня. Ты права, я ужасный человек. Как ты там меня называешь? Бесполезной. Да, я – бесполезная.

– Аза, она – не ты. Но ты... очень эгоистичная. Я понимаю, у тебя проблемы с психикой и все такое, но они тебя делают такой... ну, ты знаешь.

– Нет, не знаю. Какой?

– Майкл однажды сказал, что ты как горчица. Отлично, если съесть чуть-чуть. Но много тебя это... много. – Я промолчала. – Прости. Не

стоило так говорить.

Мы остановились на светофоре, и, когда загорелся зеленый, я слишком сильно нажала на педаль газа. Щеки горели, но я не могла сказать, расплачусь сейчас или закричу. Дейзи продолжала:

– Но ты же понимаешь, о чем я. Вот скажи, как зовут моих родителей?

Я не ответила, потому что не знала. Сделала глубокий вдох, стараясь загнать сердцебиение поглубже в грудь. Дейзи напрасно рассказывала, какое я дерьмо. Это мне и так известно.

– А где они работают? Когда ты последний раз была у меня в гостях? Пять лет назад? Мы же лучшие подруги, Холмси, а ты даже не знаешь, есть ли у меня дома животные. Ты понятия не имеешь, каково мне, и ты такая, скажем, патологически нелюбопытная, что даже не знаешь, чего ты не знаешь.

– У тебя есть кот, – прошептала я.

– Ты даже не догадываешься. Для тебя все так просто. Ты думаешь, вы с мамой бедные, но у вас есть хоть какие-то средства. У тебя машина и ноутбук, и все такое, и ты воспринимаешь это как должное. Для тебя нормально жить в доме, в собственной комнате, с мамой, которая помогает делать домашку. Ты не чувствуешь себя особенной, но у тебя есть все. Ты не знаешь, каково приходится мне, и не спрашиваешь. А я живу в одной комнате с надоедливой восьмилетней сестрой, чье имя для тебя загадка. И вот ты обвиняешь меня в том, что я купила машину, а не отложила все на колледж. Но ты ничего не знаешь! Хочешь, чтобы я была какой-то самоотверженной, правильной героиней, которая слишком хороша для денег. Чушь, Холмси! Бедность не прибавит тебе чистоты душевной или хрен знает чего еще. Бедным быть плохо. Ты не знаешь, как я живу. И не потрудились выяснить, так что не тебе меня судить.

– Ее зовут Елена, – тихо произнесла я.

– Ты думаешь, что тебе тяжело, и я уверена, изнутри для тебя все так и есть, но... ты не замечаешь, потому что привилегии для тебя – как воздух. Я думала, когда у меня появятся деньги, мы станем равными. Я всегда старалась не отставать от тебя, печатать в телефоне с той же скоростью, что и ты на компьютере. Я думала, так мы сблизимся, но просто поняла, что ты избалованная, типа того. Все эти вещи были у тебя всегда, и ты даже не знаешь, как они облегчают жизнь, потому что никогда не думаешь, как живут другие.

Меня тошнило. Мы выехали на шоссе. Мысли неслись галопом – я ненавидела себя, Дейзи, думала, что она права и не права, думала, что я сама виновата и не виновата.

– Считаешь, мне легко живется?

– Я не в том смысле...

Я повернулась к ней.

– ЗАМОЛЧИ! Господи, ты десять лет не закрываешь рот. Извини, что тебе не весело со мной, потому что я слишком застряла в своих мыслях, но представь, каково это – на самом деле в них застрять, безвыходно, без надежды на передышку. Я так живу. Если пользоваться метким выражением Майкла, представь, что ты всегда ешь только горчицу, ты увязла в ней НАВСЕГДА, и если ты ненавидишь меня так сильно, тогда перестань просить меня...

– ХОЛМСИ! – закричала она, но поздно.

Я увидела только, что жму на газ, когда остальные машины сбавляют скорость. Я не успела затормозить, и мы врезались в джип. Кто-то с грохотом въехал в нас сзади. Визг шин, гудки, еще одно столкновение, на сей раз – послабее. И тишина.

Я пыталась отдышаться и не могла. Каждый вдох причинял мне боль.

Я выругалась, но получился только стон. Хотела открыть дверь и заметила, что до сих пор пристегнута. Я повернулась к Дейзи.

– Ты цела? – закричала она.

Я только теперь осознала, что с каждым выдохом у меня вырывается стон. В ушах звенело.

– Да. А ты нормально?

От боли кружилась голова, в глазах начало темнеть.

– Кажется, да, – ответила Дейзи.

Мир сжался, превратившись в тоннель. Я задыхалась.

– Оставайся в машине, Холмси. Ты ранена. Где телефон? Надо набрать девять-один-один.

Телефон! Я растегнула ремень, толкнула дверь. Попробовала встать, но боль усадила меня обратно. Проклятье. Гарольд! Женщина в деловом костюме присела передо мной и велела не двигаться, но я должна была выйти! Поднялась, на минуту боль меня ослепила, но черные точки наконец разлетелись в стороны, и я смогла увидеть, что с ним стало.

Гарольда помяли и спереди, и сзади – он стал похож на запись сейсмографа. Только салон остался целым.

Гарольд никогда не подводил меня, даже сейчас, когда я его не уберегла.

Опираясь на Гарольда, я заковыляла к багажнику. Его крышку смяло, и я принялась колотить по ней кулаками, крича с каждым выдохом: «Черт, о боже, о боже! Он разбился! Разбился!»

– Ты смеешься, что ли? – спросила Дейзи. – Расстроилась из-за такой ерунды? Холмси, это машина! Мы чуть не погибли, а ты волнуешься из-за своей машины?

Я била по багажнику, пока у Гарольда не отвалился номерной знак, но открыть крышку так и не смогла.

– Ты плачешь из-за машины?

Я видела защелку. Поддеть ее было нечем, а когда я пыталась тянуть крышку вверх, ребра болели до темноты в глазах. И все-таки я приоткрыла багажник настолько, что смогла просунуть туда руку. Пошарила внутри, нашла папин телефон. Экран треснул.

Я зажала кнопку включения, разбитое стекло ветвилось трещинами, под которыми появилась только облачная серость. Я дошла до передней двери, плюхнулась на водительское сиденье и положила голову на руль.

Я знала, что у всех фотографий есть копии, ничего на самом деле не потерялось. Но это был папин телефон, понимаете? Он его держал, говорил в него. Им он фотографировал меня.

Я гладила пальцем разбитое стекло и рыдала, пока не почувствовала, что кто-то положил руку мне на плечо.

– Меня зовут Франклин. Ты попала в аварию. Я пожарный. Постарайся не двигаться, «Скорая» уже едет. Как тебя зовут?

– Аза. Я не ранена.

– Просто держись за меня, Аза. Знаешь, какой сегодня день?

– Папин телефон. Его телефон и...

– А машина тоже его? Ты боишься, что он будет тебя ругать? Аза, я давно уже на этой работе. Обещаю, папа не рассердится. Он будет рад, что ты не пострадала.

Я чувствовала себя так, точно меня разрывали изнутри. Сверхновые мои «Я» взрывались и коллапсировали одновременно. Плакать было больно, но я так давно не плакала, да и не хотела останавливаться.

– Где болит? – спросил мужчина.

Я показала на правый бок. Подошла какая-то женщина, и они стали решать, нужно ли зафиксировать меня в лежащем положении. Я попыталась сказать, что у меня кружится голова, а потом ощутила, что падаю, хотя падать было некуда.

Я очнулась, глядя в потолок машины «Скорой помощи». Меня пристегнули ремнями к доске, и какой-то человек держал на моем лице кислородную маску. Вдалеке выли сирены, в ушах по-прежнему звенело. Потом я снова упала, полетела вниз, вниз, и очнулась на больничной койке в коридоре. Надо мной склонилась мама, с ее красных глаз капала тушь.

– Девочка моя! О Господи. Маленькая, тебе больно?

– Все хорошо, – ответила я. – Наверное, просто ребро треснуло. Папин телефон сломался.

– Ну и что. У нас есть копии. Мне позвонили, сказали, что ты попала в аварию, но не сказали, что ты...

Она расплакалась и почти упала на Дейзи. Только тогда я заметила, что Дейзи рядом. На ее ключице краснел рубец.

Я отвернулась от них и стала смотреть на яркий флуоресцентный свет над моей кроватью. По щекам текли горячие слезы. Мама сказала:

– Не переживу, если я и тебя потеряю.

Пришла какая-то женщина и повезла меня на компьютерную томографию. Без мамы и Дейзи мне стало немного легче – больше не нужно переживать, что я такая плохая дочь и подруга.

– Авария? – спросила женщина, толкая меня мимо слова «доброта», красиво написанного краской на стене.

– Да, – ответила я.

– От ремней безопасности часто бывают травмы. Зато ты живая.

– Да. А мне придется пить антибиотики?

– Я не твой врач. Она придет позже.

Мне сделали внутривенный укол, от которого показалось, будто я обмочила штаны, затем пропустили через цилиндр томографа и наконец вернули дрожащей маме. Я никак не могла забыть, каким хриплым голосом она сказала, что не может потерять еще и меня. Я чувствовала, как она боится. Мама ходила по комнате, писала сообщения моим тете и дяде в Техас, тяжело вздыхала, поджав губы, вытирала салфеткой тушь.

Дейзи наконец-то молчала.

– Если хочешь, иди домой, – сказала я.

– А ты хочешь, чтобы я ушла? – спросила она.

– Решай сама. Seriously.

– Побуду с тобой.

Она осталась и тихо сидела, переводя взгляд с меня на маму и обратно.

Глава 19

– Есть хорошие новости и плохие, – объявила женщина в синей медицинской форме, войдя в палату.

– Плохие – у тебя повреждена печень. Хорошие – рана несерьезная. Полежишь у нас пару дней, мы понаблюдаем за кровотечением. Несколько недель поболит, но я прописала тебе лекарство, так что ничего страшного. Есть вопросы?

– Опасности нет? – спросила мама.

– Все будет хорошо. Если кровотечение усилится, придется делать операцию, но пока, по данным рентгена, маловероятно. Разрыв очень небольшой. Ваша дочь в рубашке родилась.

– Все будет хорошо, – повторила мама.

– Как я уже сказала, она останется у нас на два дня, потом придется неделю соблюдать постельный режим. Месяца через полтора будет как новенькая.

Мама залилась слезами благодарности, но меня зацепила фраза «как новенькая».

– Мне назначат антибиотики?

– Нет. Только если нужна операция. Сейчас в них нет необходимости.

Какое облегчение! Нет антибиотиков. Меньше риск заразиться клостридиями. Значит, нужно только обратиться отсюда.

Доктор спросила, какие лекарства я принимаю, сделала пометки в карточке и проинформировала:

– Сейчас мы тебе дадим обезболивающее, а потом отвезем наверх.

– Погодите, – сказала я, – куда?

– Тебе нужно полежать у нас дня два, я же говорила. Тогда мы...

– Нет. Нет-нет-нет. Мне нельзя оставаться в больнице.

– Малыш, – сказала мама. – Так надо.

– Нет, я не могу. Тут мне никак нельзя оставаться. Пожалуйста, отпустите меня домой.

– Очень нежелательно.

Только не это. Послушай, все нормально. Чаще всего в больнице выздоравливают. Почти у всех так, правда. Клостридиями заражаются только те, кто перенес операцию. А тебе даже не прописали антибиотики. *О нет-нет-нет-нет-нет.*

На сжимающейся спирали есть столько разных мест, но мы оказались именно здесь, на четвертом этаже больницы города Кармел, штат Индиана.

Дейзи уехала, а мама осталась и теперь лежала в кресле рядом с моей койкой, лицом ко мне.

Она спала, слегка приоткрыв рот, закрыв потемневшие веки, и микробы из ее легких плыли по моей щеке. Перекатиться на другой бок я не могла, потому что даже с лекарством было ужасно больно, а когда поворачивала голову, мамино дыхание начинало сдувать волосинки мне на лицо, так что приходилось терпеть.

Она шевельнулась, открыла глаза.

– Все в порядке?

– Да.

– Больно? – Я кивнула. – Знаешь, был такой поэт, Секу Сандиата. И он написал однажды, что самая главная часть тела – не сердце, не легкие и не мозг. Самая большая и важная часть – та, которая болит.

Мама сжала мое запястье и снова уснула.

Мне вкололи морфин или что-то подобное, но даже с ним уснуть я не могла. В соседних палатах попискивали датчики, вокруг было не так уж и темно. Ко мне постоянно подходили добрые незнакомцы, брали кровь и проверяли давление, но самое главное, что я сознавала – клостридии проникают в меня, летают в воздухе. Я стала читать в телефоне истории пациентов, которые ложились в больницу, чтобы им сделали операцию на желчном пузыре или удалили камни из почек, а потом погибали.

Дело в том, что клостридии находятся в каждом из нас. Они есть у всех, они рыщут внутри и могут выйти из-под контроля. Тогда они размножаются и начинают пожирать твои органы. Иногда такое случается. А иногда в тебя попадает чужая клостридия, которая немножко отличается от твоих, она смешивается с ними и – бах!

Меня трясло, мозг бешено перебирал варианты, как со всем этим справиться. Датчик капельницы пищал. Я не помнила даже, когда последний раз меняла пластырь. Клостридии были внутри и вокруг. Они месяцами живут вне тела, ожидая нового хозяина. Все крупные животные мира – люди, коровы, пингвины, акулы – вместе весят примерно миллиард тонн. Совокупный вес всех бактерий Земли – четыреста миллиардов тонн. Их несметное множество.

В голове почему-то заиграла песенка «Все думаю о тебе». И чем больше я думала про нее, тем более странной она казалась. Будто бы хор – *все думаю, думаю, думаю о тебе* – почему-то считает, что это мило и романтично, если ты не можешь переключиться с мысли о человеке на

что-то другое. Но ведь нет никакой романтики, если парень думает о тебе так, как ты думаешь о клостридиях. Думаешь и думаешь. Стараешься найти, за что ухватиться в бушующем океане мыслей. Спираль на картине. Дейзи тебя ненавидит, и она права. Язык Дэвиса, весь в микробах, касается твоей шеи. Теплое дыхание мамы. Больничная рубашка липнет к потной спине. А где-то внутри, в глубине, какое-то из моих «Я» кричит: *Выпустите! Выпустите меня отсюда! Пожалуйста, я сделаю что угодно!* Но мысли продолжают кружиться, спираль сжимается, рот бегуна, тупость Айалы, Аза и Холмси и все мои непримиримые «Я», моя погруженность в себя, грязь в кишках, *подумай о чем-то, кроме себя самой, ты, мерзкая эгоистка.*

Я вытащила телефон и написала Дейзи: *Прости, что я была такой ужасной подругой. Никак не перестану об этом думать.*

Она ответила сразу же: *Все нормально. Как ты?*

Я: *Мне не все равно, как ты живешь, и я очень жалею, что не показывала это тебе.*

Дейзи: *Холмси, успокойся, все в порядке, это я жалею, что мы поссорились, мы помиримся, и все будет хорошо.*

Я: *Просто мне правда очень жаль. Мысли путаются.*

Дейзи: *Хватит извиняться. Ты там под кайфом от обезболивающих?*

Я не ответила, но все продолжала думать о Дейзи, Айале, а главное – о микробах внутри и вокруг меня. Я знала, что я эгоистка уже потому, что делаю из этого большую проблему, приравниваю реальные случаи, когда пациенты заражались клостридиями, к своим выдумкам. Стыдно! Я надела ногтем на болячку, чтобы убедиться, что существую на самом деле, но от себя не убежишь. Я не могу целоваться, водить машину, жить в настоящем, осязаемом мире вместе с другими людьми. Как я посмела даже мечтать, что поеду учиться в далекий дорогой колледж? Буду жить в одной комнате с посторонними, пользоваться общей ванной, ходить в столовую? Там нет уединенных местечек, где можно сходить с ума. Нет, учиться я буду здесь, если вообще сумею вправить себе мозги, чтобы посещать занятия. Проведу всю жизнь дома, с мамой. Я никогда не стану полноценным взрослым человеком. И совершенно ясно, что карьеры мне не сделать. На собеседовании спросят: *Расскажите о самом большом своем недостатке?* И я объясню: вероятно, добрую часть рабочего дня я буду сражаться с навязчивыми мыслями, ведь я одержима безымянным и бесформенным демоном, так что, если это для вас неприемлемо, наверное, лучше меня не нанимать.

Мысли – просто другой вид бактерий, населяющих тебя. Я вспомнила про кишечно-мозговую информационную ось. *А может, тебя уже нет. И тюрьмой управляют заключенные.* Не человек, а рой. Не пчела – целый улей.

Мама дышала мне в лицо, и я больше не могла терпеть. Ладони вспотели. Я чувствовала, как ускользает от меня мое «Я». *Ты же знаешь, что нужно делать.*

– Мам, а нельзя отвернуться? – прошептала я, но ответом был только выдох.

Тебе нужно встать.

Я решила написать Дейзи и взяла телефон, но теперь буквы расплывались перед глазами, и меня охватила настоящая паника. Вижу на стене у двери коробочку с дезинфицирующим средством для рук. *Единственное спасение* глупость если бы оно действовало алкоголики были бы самыми здоровыми в мире *ты просто очистишь руки и рот* пожалуйста черт возьми думай о чем-то еще *встань* Я ТЕБЯ НЕ НАВИЖУ НЕ МОГУ В ТЕБЕ ЖИТЬ *ты и есть* – я неправда тебе нужно успокоиться *и ты знаешь как поступить* меня просто вырвет *ты очистишься и тревога пройдет* она никогда не проходит *встань* даже не человек а просто цепочка абсурдных мыслей тебе нужно встать врач сказал оставаться в постели мне совсем не нужна операция *ты встанешь и повезешь за собой стойку с капельницей дай мне отсюда выбраться вези стойку к двери пожалуйста выдавишь средство на руки хорошенько их протрешь а потом положишь пену в рот и почистишь свои грязные зубы и десны.* Но там же чистый спирт и моей поврежденной печени придется его перерабатывать **ТЫ ХОЧЕШЬ ПОГИБНУТЬ ИЗ-ЗА КЛОСТРИДИЙ** нет не хочу но это безумие **ТОГДА ВЕЗИ ГРЕБАНУЮ СТОЙКУ К ТОЙ КОРОБКЕ НА ГРЕБАННОЙ СТЕНЕ ИДИОТКА.** Пожалуйста,пусти. Я на все согласна. Я встану. Это тело – твое. Мне оно больше не нужно. *Ты встанешь.* Не встану. Я – это мой выбор, а не мои желания. *Ты встанешь.* Умоляю. *Иди к коробке со средством.* Мыслю, значит, не существую. Пот у тебя уже началось как больно у тебя уже заражение прекрати Боже прекрати тебе никогда от этого не избавиться тебе никогда от этого не избавиться тебе себя не вернуть тебе себя не вернуть *ты из-за этого погибнешь ты из-за этого погибнешь а так и будет так и будет будет будет будет будет.*

Я с трудом поднялась на ноги. Пронзила боль. Показалось, что я сейчас потеряю сознание. Я вцепилась в стойку капельницы, сделала несколько шаркающих шажков. Мама пошевелилась. Мне было все равно. Я выдавила пену, стала втирать ее в руки. Выдавила еще, закинула целую

пригоршню в рот.

– Аза, ты что делаешь?

Я страшно смутилась, но все-таки продолжала, потому что так нужно.

– Аза, прекрати!

Я услышала, как мама встает, и поняла, что время на исходе, и наполнила пригоршни пеной в третий раз и, давясь, затолкала ее в рот. Я содрогнулась от рвотного спазма, и меня вырвало, ребра вспыхнули ослепительной болью. Мама схватила меня за локоть. Моя голубая сорочка вся перемазалась желчью.

За спиной из динамика раздался голос:

– Говорит сестра Уоллас.

– Мою дочь тошнит. По-моему, она съела дезинфицирующую пену для рук.

Мне стало ясно, насколько я омерзительна. Теперь я знала наверняка. Я не одержима демоном. Я – и есть демон.

Глава 20

На следующее утро ты просыпаешься в больнице – лежишь на койке, глядя в потолок. Осторожно и боязливо проверяешь свое сознание. Ты хочешь понять, кончилось или нет?

– Больничная еда не очень. Я сама приготовила тебе завтрак, – говорит мама. – Овсяные колечки.

Ты смотришь вниз, на свое тело, практически бесформенное под одеялом, выбеленным хлоркой.

Ты поправляешь:

– Овсяные колечки не готовят.

Мама смеется. На столе видишь большой букет – просто огромный, напоказ, и вдобавок еще – в хрустальной вазе.

– От Дэвиса, – говорит мама.

Еще ближе, прямо над твоим бесформенным телом, на подставке стоит еда. Ты сглатываешь. Смотришь на колечки в молоке. У тебя все болит. И вдруг приходит мысль: *кто знает, что ты вдохнула, пока спала.*

Все продолжается.

Ты лежишь, даже не рассуждая по-настоящему, только пробуешь описать свою боль, будто бы правильные слова помогут от нее избавиться. Если ты сможешь сделать что-то настоящим, увидеть его, понюхать, потрогать, тогда ты сможешь это убить.

Ты думаешь, это – как огонь в голове. Грызун, который точит изнутри. Нож в животе. Спираль. Водоворот. Черная дыра.

Слова, которыми ты называешь отчаяние, страх, тревога, навязчивое состояние – не отражают смысла. Возможно, мы придумали метафору из-за боли. Нужно было дать какую-то форму смутному, сидящему глубоко внутри страданию, которое ускользает от разума и чувств.

Ненадолго кажется, что тебе стало лучше. Только что у тебя был маленький поезд связанных мыслей, с локомотивом и последним вагоном, все как полагается. Твоих мыслей. Их думала именно ты. А затем тебя тошнит, под ребрами сжимается кулак, пылающий лоб покрывается холодным потом *ты уже заразилась они внутри размножаются вытесняют все ты погибнешь и они сожрут твоё тело прогрызая себе путь наружу.* И тогда ты тихонько, голосом, придушенным из-за невыразимого ужаса, лепечешь:

– У меня беда, мама. Большая беда.

Глава 21

Сюжетная арка этой истории такова: погрузившись в пучину безумия, строю связи, которые помогут раскрыть тупиковое дело об исчезновении Пикета. Из-за своей одержимости я совсем не думаю о возможных угрозах и риске потерять наши с Дейзи шальные деньги. Меня интересует лишь тайна, и я начинаю верить, что найти к ней ключ – величайшее Благо, что утвердительные предложения по определению лучше вопросительных и что, отыскивая разгадку в борьбе со своим безумием, я одновременно найду и способ с ним жить. Я становлюсь великим детективом не вопреки поломанной электронике своего мозга, а благодаря ей.

Не знаю, с кем я иду в закат в конце рассказа – с Дэвисом или Дейзи, – но я в него иду. Вы видите меня на фоне солнечного диска, мой темный силуэт очерчен светом, рожденным восемь минут назад, и я держу кого-то за руку.

По пути я осознаю, что контролирую свою жизнь, что мои мысли – как любила говорить доктор Сингх – это всего лишь мысли. Я понимаю, что автор моей истории – я сама, я свободна и наделена властью, и я – капитан своего сознания, но в действительности все вышло не так.

Я не стала упорной или убедительной и не ушла в закат – на самом деле в больнице я практически не видела солнечного света.

Настоящая жизнь была безжалостно и невыносимо однообразна: я лежала и мучилась. Болели ребра, мозг, мысли, и меня не отпускали домой восемь дней.

Сначала врачи решили, что я алкоголичка и набросилась на средство для рук, потому что очень хотела выпить. Настоящая причина выглядела так странно и нелогично, что в нее не верили, пока не связались с доктором Сингх. Она приехала в больницу и села на стул возле моей кровати.

– Есть два момента. Во-первых, ты не принимаешь лекарство, как тебе предписано.

Я объяснила, что пью таблетки почти каждый день, на это было далеко не так.

– Мне от них плохо, – наконец призналась я.

– Аза, ты умная девушка. Ты ведь понимаешь, что употребление средства для рук в больнице, где ты лежишь с разорванной печенью, не предполагает положительных изменений в твоём психическом состоянии. – Я смотрела на нее и молчала. – Уверена, тебе объяснили, что пить это

средство опасно, ведь в нем содержится не только спирт, но и химические вещества, которые могут тебя убить. Так что давай оставим мысль о том, что от таблеток тебе плохо.

Доктор Сингх произнесла это таким строгим голосом, что я просто кивнула.

– Во-вторых, ты получила серьезную травму – любому на твоём месте пришлось бы нелегко. – Я продолжала смотреть на неё. – Тебе нужно другое лекарство. Такое, которое лучше подействует, которое сможет переносить твой организм и которое ты будешь принимать.

– Мне никакие таблетки не помогают.

– Пока что не помогают, – поправила она.

Доктор Сингх приезжала каждое утро, а днём заходил ещё один врач и проверял состояние моей печени. Оба визита являлись для меня спасением уже потому, что моей вездесущей маме приходилось ненадолго покидать палату.

В последний день доктор Сингх села возле кровати и положила руку мне на плечо. До этого она ни разу ко мне не прикасалась.

– Наверное, тебе с твоей тревожностью нелегко было переносить больничную атмосферу.

– Да.

– Ты чувствуешь в себе угрозу для самой себя?

– Нет. Мне просто по-настоящему страшно, и в голову лезет множество навязчивых мыслей.

– Ты пила вчера средство для рук?

– Нет.

– Я не буду тебя судить, Аза. Но смогу помочь, только если ты будешь честной.

– Правда. Я не пила.

Коробочку со средством, кстати говоря, сняли со стены моей палаты.

– А тебе хотелось?

– Да.

– Не бойся этой мысли. Мысль – не действие.

– Но я не могу не думать о клостридиях. Мне нужно убедиться, что я не...

– Средство для рук не поможет.

– А что поможет?

– Время. Терапия. Прием лекарств.

– Мне кажется, что я в петле и хочу из нее выбраться, но только

больше затягиваю узел. Спираль сжимается, понимаете?

Доктор Сингх посмотрела мне прямо в глаза. Я думала, она сейчас заплачет – такой был у нее взгляд.

– Аза, ты выберешься.

Даже когда меня отпустили домой, доктор Сингх продолжала приходить ко мне дважды в неделю. Я перешла на другие таблетки, и мама присматривала, чтобы я обязательно пила их по утрам. Вставать мне разрешалось, только чтобы пойти в туалет, из-за риска повторного разрыва печени.

Я не ходила в школу две недели. Четырнадцать дней моей жизни сократились до одного предложения, потому что я не могу их описать. Мне было все время больно – настолько, что слова тут бессильны. Скучно. Предсказуемо. Будто я брожу по лабиринту, в котором нет выхода. Сравнить довольно-таки легко, а вот сказать, как было на самом деле, – невозможно.

Дейзи и Дэвис приходили меня навестить, но мне хотелось побыть одной. Я не читала и не смотрела телевизор – ни то, ни другое не могло меня достаточно отвлечь. Я просто лежала, почти что в ступоре, а надо мной без устали хлопотала мама. Она была рядом постоянно, и каждые несколько минут нарушала тишину вопросами в виде утвердительных фраз. Сегодня чуточку легче? Ты чувствуешь себя нормально? Тебе уже лучше? Декларативное дознание.

Сначала я даже не включала телефон, и доктор Сингх одобрила мое решение. Когда же я наконец его включила, меня охватил необъяснимый страх. Я одновременно хотела и не хотела получить целый поток сообщений.

Их пришло больше тридцати – не только от Дэвиса и Дейзи, но и от Майкла, других друзей и даже некоторых преподавателей.

Я отправилась в школу в понедельник, в самом начале декабря.

Уверенности, что новое лекарство действует, у меня не имелось, но я и не раздумывала, стоит ли его принимать. Я чувствовала, что готова, словно бы возвратилась в мир – пусть не прежней, но все-таки собой.

В школу меня отвезла мама. Гарольд был разбит, а я все равно теперь слишком боялась водить.

– Рада или нервничаешь? – спросила мама.

Она ехала, держа на руле обе руки, – на десять часов и на два.

– Нервничаю.

– Твои учителя и друзья все понимают, Аза. Они просто хотят, чтобы ты поправилась, и будут тебя поддерживать на сто процентов, а если не будут, я их уничтожу.

Я слабо улыбнулась.

– Просто всем известно, что я вдруг спятила или типа того.

– Милая, ты спятила не вдруг. Ты давно такая.

Я рассмеялась, и мама пожала мне запястье.

Дейзи ждала меня у входа на ступеньках. Мама вышла первой, я – за ней, ребра еще побаливали из-за тяжелого рюкзака. День выдался холодный, солнце только что встало, но светило ярко, и я щурилась с непривычки. Давно не выходила на улицу.

Моя подруга изменилась, ее лицо будто бы посветлело. И только через секунду я поняла, что все дело в стрижке – Дейзи сделала себе каре, и оно ей очень шло.

– Можно тебя обнять, не опасаясь разрыва печени?

– Мне нравится твоя прическа, – сказала я.

– Спасибо, но мы обе знаем, что она ужасна.

– Слушай, прости меня, пожалуйста.

– И ты меня, но мы ведь уже помирились и теперь будем жить долго и счастливо.

– Я серьезно. Очень жалею, что...

– Я тоже. Тебе надо почитать мой новый рассказ. Извинение в пятнадцать тысяч слов, действие происходит на Джеде после апокалипсиса. Я вот что хочу сказать, Холмси. Да, на тебя нужно много сил, быть твоей подругой – нелегкий труд. Но ты – лучший человек из всех, кого я знала, и ты не как горчица. Ты похожа на пиццу, а у меня это самая высокая оценка.

– Я очень жалею, что не была...

– Боже мой, Холмси! Ты, конечно, можешь себя пилить. Лучше тебя на свете нет. Я хочу, чтобы меня похоронили рядом с тобой, под одним камнем. На нем высекут: «Холмси и Дейзи: вместе они занимались всем, кроме секса». Ну да ладно. Как себя чувствуешь? – Я пожала плечами. – Можно продолжать? – спросила она. Я кивнула. – Знаешь, иногда говорят что-то типа *она влюблена в свой голос*? А я и правда свой голос люблю. Он у меня вместо радио.

Она пошла вверх по лестнице, чтобы встать в очередь к металлодетектору.

– Знаю, какие вопросы у тебя на уме. Дейзи, ты до сих пор встречаешься с Майклом? Где твоя машина? Что с твоими волосами? Ответы такие. Нет, не встречаюсь. Машину я продала. А стрижку сделала

после того, как Елена засунула мне в волосы три жвачки, пока я спала. Вот сколько всего произошло за две недели, Холмси. Нужны подробности?

Я кивнула.

– С удовольствием, – продолжила она, когда мы прошли через рамку детектора. – С Майклом дело свелось к тому, что я захотела еще побыть молодой и свободной. Типа, я чуть не погибла в аварии и подумала: *а надо ли тратить юность на эти отношения с большой буквы «О»?* И я такая говорю: «Давай встречаться с другими людьми?» А он такой: «Нет». А я: «Ну, пожалуйста». А он: «Мне нужны моногамные отношения». А я: «Не очень хочется тянуть на себе такой груз». А он: «Я не груз». И мы поссорились. Наверное, чисто технически, Майкл меня бросил, но тут нужна коллегия из трех судей, чтобы они определили, кто виноват.

Ну вот, насчет машины. Оказалось, что иметь ее дорого, а водить – опасно, так что я сдала ее обратно, потому что еще два месяца не прошло. И теперь я намерена до конца дней своих ездить на такси, потому что это как иметь все машины на свете. И раз уж я богачка, у меня должен быть личный шофер. Будешь слушать дальше?

Мы уже дошли до моего шкафчика, и я с удивлением осознала, что помню код замка. Вокруг было столько человеческих тел. Мне даже как-то не верилось. Я открыла дверцу. Я совсем не делала домашнюю работу. Отстала по всем предметам. В коридоре стоял такой шум, так много людей.

– Да, – сказала я.

– Без проблем. Я могу болтать *весь день*. Вот тебе еще причина, почему мы созданы друг для друга, – ты очень хорошо умеешь молчать. В общем, Елена засунула жевательную резинку мне в волосы, а на следующее утро я такая: «Откуда у меня на голове жвачка?» А она в ответ хохочет. Я говорю: «Елена, у тебя ужасное чувство юмора. Портить человеку жизнь совсем не смешно. Если бы я тебе ногу сломала, смешно было бы?» Она все равно смеется. И я пошла и сделала модную стрижку. И конечно же, заплатила из тех денег, что отложены ей на колледж. Кстати, родители заставили меня учредить фонд по сбору средств на образование сестры.

К другим новостям. Из-за ссоры с Майклом нам теперь неловко будет вместе обедать, поэтому предлагаю устроить пикник для двоих на улице. Холодновато, я понимаю, но поверь мне, сидеть с ним в столовой гораздо холоднее. Ты очень хочешь пойти сейчас на биологию и растерзать ее? Чтобы через сорок семь минут перед тобой положили обескровленный труп курса для старшей школы? Боже, с тех пор, как ты сошла с ума, столько всего случилось. Ничего, что я так говорю?

– Все дело в том, что я не могу *сойти* с ума. От него невозможно

избавиться.

– Именно так я думаю про свою девственность, – отозвалась Дейзи. – Вот еще причина, почему у нас с Майклом ничего не вышло бы. Он хочет секса только *по любви*, и да, я знаю, что девственность – мизогинный социальный конструкт, ущемляющий наши права, но я все-таки хочу ее лишиться, а тут этот мальчик, который покашливает и мычит, будто мы в романе Джейн Остен. Хорошо бы у парней не имелось всех этих чувств, с которыми нужно разбираться, будто я какой-то психиатр.

Дейзи проводила меня до двери класса, открыла ее и вместе со мной подошла к моему столу. Я села.

– Ты знаешь, что я тебя люблю, да? – Я кивнула. – Всю жизнь думала, что я – звезда слишком откровенного фильма про любовь, и тут оказывается, что все это время я была в комедии про двух друзей. Мне пора на алгебру. Хорошо, что ты вернулась, Холмси.

Дейзи принесла из столовой несколько кусочков пиццы, и мы устроились под большим дубом, что рос на полпути между школой и футбольным полем. Было холодно. Мы кутались в зимние куртки, подняв капюшоны, а ткань моих джинсов стала жесткой оттого, что я сидела на промерзшей земле.

Перчатки я не взяла, и пришлось втянуть руки в рукава. Совсем не подходящая для пикника погода.

– Я тут вспоминала о Пикете, – заявила Дейзи.

– Да?

– Ага. Просто, пока тебя не было, я подумала, как странно – бросить сыновей, даже не простившись. Сказать по правде, мне его почти жалко. Что же с ним такое случилось, если он не может купить одноразовый телефон и послать сообщение детям, успокоить их?

Я сильнее переживала за мальчишку, который каждое утро просыпался с надеждой. А потом играл на компьютере до поздней ночи, чтобы отвлечься от тупой боли – забыть, что отец не верит ему, не любит и даже не хочет с ним связаться, а все наследство оставил туатаре.

– Мне больше жаль Ноа, чем Рассела Пикета, – сказала я.

– Да ты всегда сочувствовала этому парню. А вот лучшей подруге – не могла.

Я удивленно посмотрела на Дейзи. Она посмеялась, но я знала, что она не шутит.

– Так чем занимаются твои родители? – поинтересовалась я.

Дейзи опять рассмеялась.

– Папа – в Музее штата охранником. Ему нравится, потому что он

очень увлечен историей Индианы. Но в основном он там следит, чтобы никто не трогал кости мастодонта и все такое. А мама работает в химчистке.

– Ты сказала им про деньги?

– Да. Потому-то у Елены и появился собственный фонд. Меня заставили отложить десять тысяч ей на учебу. Папа сказал, что на моем месте Елена сделала бы то же самое. Черта с два!

– Они тебя ругали?

– За то, что я принесла домой пятьдесят тысяч? Нет, Холмси.

Я почувствовала, что мой средний палец намок. Перед историей придется наклеить новый пластырь – снова пройти через весь этот гадкий ритуал. Но сейчас мне было хорошо с Дейзи. И нравилось смотреть на свое теплое дыхание в морозном воздухе.

– А как там Дэвис? – спросила она.

– Мы не общались. Я ни с кем не разговаривала.

– Сильно тебя прижало.

– Да.

– Прости.

– Ты тут ни при чем.

– А ты думала... думаешь о самоубийстве?

– Думаю, что больше не хочу такой быть.

– Ты до сих пор...

– Не знаю. – Я медленно выдохнула и подождала, пока пар не растворится в зимнем воздухе. – Мне кажется, что я – как Уайт-Ривер. Несудоходная.

– Но смысл не в этом, Холмси. Главное, что город все равно построили, понимаешь? Ты работаешь с тем, что есть. Была дрянная река, но на ней сумели построить хороший город. Может быть, не самый прекрасный, но все-таки неплохой. Ты – не река. Ты – город.

– Значит, я неплохая?

– Именно. На твердую четверку с плюсом. Если строишь город на четверку с плюсом в месте, где природа на тройку с минусом, – это достижение.

Я рассмеялась. Дейзи легла на спину и махнула мне, чтобы я ложилась тоже. Мы лежали и смотрели вверх, почти касаясь головами ствола. Вверху переплетались голые ветки, и сквозь туман нашего дыхания небо казалось дымчато-серым.

Не помню, говорила я Дейзи, что люблю смотреть на небо вот так? Может, она легла на спину специально, потому что знала об этом. Я думала

о том, как ветки находятся на расстоянии друг от друга, и все же, с нашей точки зрения, пересекаются. Точно как звезды в Кассиопее – далеко одна от другой, но для меня почему-то в одном созвездии.

– Хотелось бы мне тебя понять, – произнесла Дейзи.

– Все в порядке, – отозвалась я. – Никто никого не понимает на самом деле. Мы все застряли внутри самих себя.

– Ты, типа, себя ненавидишь? Ненавидишь быть собой?

– Нет никакого «себя», которое можно ненавидеть. Просто когда я смотрю в себя, меня как таковой не существует – всего лишь набор мыслей, и действий, и обстоятельств. Я чувствую, что многие из них не имеют ко мне отношения. Я не хочу их думать или делать. И когда ищу, типа, Настоящую Себя, не нахожу ее. Как матрешки, знаешь? Они полые внутри, и если открыть одну, в ней окажется другая, поменьше. Ты продолжаешь открывать, пока не доберешься до самой маленькой, и она будет из целого кусочка, не пустая. Но во мне, похоже, нет такой. Они просто становятся все меньше.

– Это мне напоминает одну мамину историю, – сказала Дейзи.

– Какую?

Когда она говорила, я слышала, как стучат ее зубы, но нам обоим хотелось еще посмотреть на небо через ветки.

– В общем, ученый читает лекцию по истории Земли. Объясняет, как миллиарды лет назад она родилась из облаков космической пыли, сначала была раскаленной, потом остыла, сформировались океаны. В них зародились одноклеточные организмы, прошли еще миллиарды лет, и форм жизни стало больше. Примерно двести пятьдесят тысяч лет назад появились люди, начали придумывать сложные инструменты, в итоге построили космические корабли и все такое.

И вот, он рассказывает, а в конце просит аудиторию задавать ему вопросы. В глубине зала поднимает руку старушка и говорит: «Все это, конечно, прекрасно, мистер Ученый, но ведь на самом деле земля плоская и находится на спине гигантской черепахи».

Ученый решил над ней подшутить и отвечает: «Хорошо, но если это так, на чем стоит черепаха?»

Женщина говорит: «На панцире другой черепахи».

Ученый начинает злиться и спрашивает: «Ну, а та черепаха на чем стоит?»

И старушка отвечает: «Вы меня не поняли, сэр. Там одни черепахи, без конца».

Я рассмеялась.

– Черепахи без конца.
– Без конца, Холмси. Ты хочешь найти самую нижнюю, однако ничего не выйдет.
– Потому что там одни черепахи, – повторила я, переживая нечто вроде откровения.

До конца обеда еще оставалось время, и я зашла к маме в класс. Прикрыла за собой дверь и села за парту напротив ее стола. Посмотрела вверх, на часы. Час ноль восемь. Еще шесть минут, а больше мне и не нужно.

– Привет, – сказала я.
– Как тебе первый день учебы? Все хорошо?
Мама высморкалась в салфетку. Она простыла, но весь отпуск потратила, чтобы ухаживать за мной.
– Да, – ответила я. – Слушай, Дэвис подарил мне деньги. Много денег. Примерно пятьдесят тысяч. Я их не потратила, отложу на колледж.

Мама нахмурилась.
– Это подарок, – повторила я.
– Когда подарил? – спросила она.
– Пару месяцев назад.
– Это не подарок. Ожерелье – подарок. А пятьдесят тысяч... нет. На твоём месте я бы вернула деньги. Плохо, если ты будешь чувствовать себя перед ним в долгу.

– Но я – не ты. И я не чувствую себя в долгу.
Она помолчала секунду.
– Верно. Ты – не я.
Я ждала, что она еще скажет, как объяснит, почему нельзя брать эти деньги.

Наконец мама продолжила:
– Ты – хозяйка своей жизни, Аза, но если вспомнить, что с тобой творилось в последние пару месяцев...
– Это не из-за денег. Я болею очень давно.
– Но до такого еще не доходило. Мне очень нужно, чтобы ты была здоровой, Аза. Я не могу потерять...
– Боже, мама, пожалуйста, перестань. Я знаю, ты не нарочно, но чувствую себя так, будто я тебя *ранила*, нападаю на тебя или вроде того, и мне в тысячу раз хуже. Я стараюсь изо всех сил, но я же не могу стать здоровой ради тебя, понимаешь?

Она помолчала минуту и сказала:

– Когда мы приехали из больницы, я отнесла тебя в ванную, потом уложила в постель, накрыла одеялом и осознала, что, наверное, брала тебя на руки последний раз в жизни. Ты права. Я все время повторяю, что не могу тебя потерять, но так и случится. Я уже тебя теряю. И это очень тяжелая мысль. Очень, очень тяжелая. Но ты права. Ты – не я. Тебе выбирать. И если ты отложила деньги на колледж, приняла ответственное решение, тогда хорошо, я...

Она так и не закончила, потому что раздался звонок.

– Ладно, – сказала я.

– Я люблю тебя, Аза.

– И я тебя.

Я хотела сказать больше, найти слова, чтобы выразить магнитные полюса моей любви к маме: *спасибо прости спасибо прости*. Но не смогла себя заставить, к тому же звонок уже прозвенел.

По дороге на историю меня перехватил Майкл.

– Как дела? – спросил он.

– Нормально. А ты как?

– Мы с Дейзи расстались.

– Слышала.

– Я раздавлен.

– Сочувствую.

– А она даже не расстроилась, и от этого я себя чувствую ничтожеством. Она думает, что я должен забыть и жить дальше, но мне все напоминает о ней, Холмси. А когда я вижу, что она обо мне не думает, не приходит на обед и все такое... Ты не могла бы... в общем, поговорить с ней от моего имени?

В ту же секунду я увидела в переполненном людьми коридоре Дейзи. Она шла, глядя себе под ноги.

– Дейзи! – крикнула я.

Она не слышала, и я заорала снова, еще громче. Дейзи подняла голову и пробралась к нам через толпу.

Я подвинула их с Майклом поближе.

– Вы оба говорите друг о друге со мной, а теперь можете поговорить друг о друге друг с другом. И лучше вам все уладить, потому что это невыносимо. Идет? Идет. А мне пора на историю.

Во время урока от Дейзи пришло сообщение: *Спасибо. Мы решили остаться просто друзьями.*

Я: *Прекрасно.*

Она: Но такими друзьями, которые целуются сразу, как только решили быть друзьями.

Я: Уверена, у вас все будет отлично.

Она: Все к лучшему.

Так как я уже вытащила телефон, а на уроке мы смотрели фильм, я написала Дэвису: Прости, что так долго не отвечала. Привет. Я по тебе соскучилась.

Он ответил сразу же. Когда можем встретиться?

Я: Завтра?

Он: В «Эплби» в семь?

Я: Хорошо.

Глава 22

В тот вечер я думала, что спокойно доберусь до «Эплби» на маминой «Тойоте», однако никак не могла отделаться от воспоминаний об аварии. Казалось невероятным, что столько машин проезжает мимо, не сталкиваясь друг с другом, и я ждала, что каждая встречная пара фар обязательно свернет и врежется в меня. Я помнила скрежет, с которым умер Гарольд, и тишину, которая наступила потом, и жуткую боль в ребрах. Думала о самой важной части тела – той, которая болит, – о безвозвратно потерянном папином телефоне. Позволила мыслям идти своим чередом, потому что бороться с ними значило то же самое, что отдать им победу. И у меня получилось – вроде бы к лучшему.

Я приехала в «Эплби» раньше на пятнадцать минут. Дэвис уже был там, встретил меня у входа, обнял. В голове появилась мысль, яркая, как солнце в безоблачном небе: *он обязательно захочет поселить свои бактерии у тебя во рту.*

– Привет, – поздоровалась я.

– Мне очень тебя не хватало, – ответил он.

Пока я ехала за рулем, нервы натянулись как струны и мозг перевозбудился. Я сказала себе, что мысль не опасна, это не действие. Мысли – всего лишь мысли.

Доктор Карен Сингх любила говорить, что нежеланная мысль – как машина, проезжающая мимо, когда ты стоишь на тротуаре. Я сказала себе, что не хочу в нее садиться, что выбор – не когда я решаю, думать или не думать, а когда не даю себя увезти.

А потом я села в эту машину.

За столиком Дэвис расположился не напротив, а рядом со мной, так что наши тела соприкасались.

– Я пару раз говорил с твоей мамой, – сообщил он. – Думаю, она теперь неплохо ко мне относится.

Какая разница, если он хочет засунуть свои бактерии мне в рот? Целоваться приятно. Целоваться хорошо. Я хочу его поцеловать. *Но ты не хочешь заразиться кампилобактериями. Этого не будет. Будешь очень долго болеть. Наверное, придется принимать антибиотики. Хватит. И тогда придут клостридии. Или из-за кампилобактерий проявится вирус Эпштейна – Барр. Прекрати. А вдруг тебя парализует, и все потому, что ты поцеловала его, хотя даже не чувствовала желания, потому что*

просто омерзительно – вставлять язык в чей-то рот.

– Ты меня слушаешь? – спросил Дэвис.

– Что? Да.

– Я спросил, как ты?

– Хорошо. Если честно, прямо сейчас не очень, а в целом нормально.

– А почему сейчас не очень?

– Ты не мог бы сесть напротив?

– Конечно.

Он пересел, и мне полегчало. Правда, ненадолго.

– Я не могу, – сказала я.

– Не можешь что?

– Делать все это. Не могу, Дэвис. И не знаю, смогу ли когда-нибудь. Я понимаю, ты ждешь, что мне станет лучше, и я очень благодарна тебе за эсэмэс и все остальное. Это... это невероятно мило с твоей стороны, но, возможно, «лучше» для меня – вот так.

– Ты мне и такой нравишься.

– Нет, не нравлюсь. Ты хочешь целоваться, сидеть с одной стороны стола, делать все, что делают нормальные пары. Конечно же, хочешь.

Он долго молчал.

– А может, я просто тебя не привлекаю?

– Дело не в этом.

– А может быть, как раз в этом.

– Нет. Дело не в том, что я не хочу тебя целовать или что я вообще не люблю целоваться. Я... мой мозг говорит, что поцелуи – одна из многих вещей, которые, типа, меня убьют. На самом деле убьют. Но речь даже не о смерти. Вот смотри, если бы я знала, что умираю, и поцеловала тебя на прощание, моя последняя мысль была бы не о том, что я покидаю наш мир. Я бы подумала о восьмидесяти миллионах микробов, которыми мы только что обменялись. Я знаю, что от одного прикосновения не заражусь. Наверное. Господи, я так этого боюсь, что не могу произнести слово «точно». Не называю напрямую, а только говорю – «это». Я просто не в силах.

Мои слова его ранили. Я видела, как он заморгал. Дэвис не мог меня понять. И я его не винила. Что толку? Я – запутанная история с дырками в сюжете.

– Ты меня пугаешь. – Я лишь кивнула в ответ. – Но тебе уже лучше?

Все хотели услышать от меня такую сказку: я иду из тьмы к свету, от слабости к силе, я была сломанной, но скоро стану целой. Мне тоже этого хотелось.

– Наверное, да, – сказала я. – Если честно, я сейчас очень хрупкая. Словно меня склеили скотчем.

– Я знаю, каково это.

– А у тебя как дела? – спросила я. Дэвис пожал плечами. – Как Ноа?

– Так себе.

– А если подробнее?

– Он очень грустит из-за отца. Ноа теперь словно два разных человека. Один – маленький шалопай, который пьет водку и возглавляет банду «плохих парней» из восьмого класса. А другой – ребенок, который иногда ночью забирается ко мне в кровать и плачет. Я почти уверен: он думает, если вляпается в серьезные неприятности, папа вынужден будет к нам вернуться.

– Ему очень плохо.

– Да, понятно. Как и всем нам. Но... Я не очень хочу говорить о своей жизни.

Мне пришло в голову, что Дэвису, возможно, нравилась во мне та самая черта, которая раздражала Дейзи, – что я не пристаю с вопросами. Все вокруг постоянно совали нос в жизнь юного миллиардера, а я слишком погружалась в себя и не допрашивала его.

Разговор не клеился. Мы начали общаться, как люди, которые были когда-то близки, – узнавали, что происходит в жизни другого, а не жили одной жизнью на двоих. Когда Дэвис оплатил счет, я уже понимала – того, что связывало нас, больше нет.

И все же, как только я вернулась домой и залезла под одеяло, я написала ему: *Ты там?*

Я не могу по-другому, ответил он. *И так, как сейчас, тоже не могу.*

Я: Почему?

Он: Мне кажется, что я нравлюсь тебе только на расстоянии. Я хочу, чтобы меня любили, когда я рядом.

Я печатала и стирала, печатала и стирала. Так и не закончила ему отвечать.

На следующий день в школьной столовой, как раз когда я направлялась к нашему месту, меня перехватила Дейзи.

– Холмси, надо поговорить наедине.

Она усадила меня за почти свободный стол к девятиклассникам.

– Ты снова рассталась с Майклом?

– Конечно, нет. Магия в том, что Просто Друзья не могут расстаться. Кажется, я нашла ключ к тайне вселенной. Но речь не об этом. Нас ждет

приключение.

– Нас?

– Как считаешь, ты достаточно выздоровела, чтобы спуститься в подземелья на партизанское арт-шоу?

– Куда-куда?

– Помнишь, я подала Майклу идею сделать коллаж из лиц оправданных узников?

– Вообще-то, идея, в основном, принадлежала ему...

– Давай не вдаваться в подробности. Главное – он послал свою работу очень крутым художникам из группы «Известный город». В пятницу, всего на одну ночь, они устраивают выставку под названием «Искусство андеграунда» в тоннеле, по которому течет ручей Погз-Ран.

В том самом тоннеле, который так и не достроила компания Пикета. Странное место для выставки.

– Не очень охота проводить вечер пятницы на незаконной выставке.

– Ничего там нет *незаконного*. Им дали разрешение. Просто очень глубокий андеграунд. Типа, в буквальном смысле. – Я скорчила гримасу. – Самое крутое событие в городе, и мой Просто Друг в нем участвует. Ясное дело, ты не обязана приходить, но... приходи обязательно.

– Не хочу быть третьей лишней.

– Туда придут крутые люди, и я буду вся на нервах. Мне очень нужна поддержка лучшей подруги.

Я достала из пакета сэндвич с арахисовой пастой и медом и откусила.

– Ты уже думаешь, – сказала Дейзи с надеждой.

– Думаю, – согласилась я. Проглотила и добавила: – Ладно, пошли.

– Да! Да! Мы за тобой заедем в пятнадцать минут седьмого. Будет обалденно!

Она улыбалась так, что я не могла не улыбнуться в ответ. Тихо, так, что подруга, наверное, даже меня не расслышала, я произнесла:

– Я тебя люблю, Дейзи. Ты мне все время говоришь, а я – никогда, но это так. Я тебя люблю.

– Ах, черт возьми! Не надо меня так баловать, Холмси.

Они приехали ровно в шесть пятнадцать. Дейзи надела платье и колготки, правда, все это великолепие скрывалось под огромным пуховиком. Майкл нарядился в серебристо-серый костюм, который был ему великоват. Я же вышла в футболке с длинными рукавами, джинсах и куртке.

– Не знала, что для канализации нужен вечерний наряд.

– Это же *арт*-канализация, – улыбнулась Дейзи.

Я подумала, не переодеться ли, но она схватила меня за руку.

– Холмси, ты ослепительна. Ты выглядишь... как ты.

Я села в микроавтобус, и мы покатали по Мичиган-роуд на юг. Дейзи включила нашу любимую песню, «Ты – та самая». Майкл смеялся, а мы с ней выкрикивали друг другу слова. Она пела основной текст, а я только повторяла за голосом на подпевках: «Ты – это все, ты – это все, ты – это все». И я чувствовала, словно так и было. Ты огонь и вода, которая гасит его. Ты рассказчик, главный герой и его компаньон. Ты – автор и сам рассказ. Ты не только чей-то кто-то, но и твой собственный.

Потом заиграла романтическая баллада, и Дейзи с Майклом стали петь ее вместе, а я думала о черепахах. О том, что ученый и старая леди правы по-своему. Земле миллиарды лет, а жизнь – результат мутации нуклеотидов и все такое. Но, кроме того, наш мир – это истории, которые мы рассказываем о нем.

С Мичиган-роуд Майкл свернул на Десятую улицу и подъехал к магазину, где продавались товары для бассейнов. Парковка рядом была уже наполовину заполнена. Дейзи выключила музыку, мы вышли и присоединились к странной компании, состоявшей из молодых хипстеров и семейных пар средних лет. Все, кроме нас, похоже, друг друга знали, и мы втроем долго стояли у микроавтобуса, наблюдая за происходящим. Наконец к нам приблизилась женщина, одетая с ног до головы в черное, и спросила:

– Вы на выставку?

– Я – Майкл Тернер, – ответил Майкл. – И моя картина тут участвует.

– «Узник сто один»?

– Да.

– Меня зовут Фрэнсис Оливер. Думаю, «Узник» – одно из сильнейших произведений. Можешь мне поверить, я – куратор. Пойдем, спустимся вместе. Будет очень интересно послушать о твоём творчестве.

Фрэнсис и Майкл зашагали через парковку, но каждые несколько секунд куратор говорила: «О! Надо познакомить вас с...» И мы задерживались, чтобы побеседовать с художником, коллекционером или спонсором. Майклом постепенно завладевали люди, которым понравилась его работа. Мы с Дейзи постояли немного в сторонке, а потом она взяла Майкла за руку и произнесла:

– Мы пошли на выставку, а ты наслаждайся. Я очень тобой горжусь.

– Я с вами, – сказал он, отвернувшись от компании студентов из местной школы дизайна.

– Нет, развлекайся. Тебе надо тут со всеми перезнакомиться. Они будут покупать твои картины.

Он улыбнулся, поцеловал ее и вернулся к группе своих поклонников.

С края парковки было видно, что за деревьями качается туда-сюда огонек. Мы спустились с небольшого холма, пробрались сквозь кусты и вышли к широкому цементному бассейну. На дне журчал ручей – такой маленький, что его легко перешагнуть. Мы подошли к бородатому мужчине, который размахивал фонариком. Он сказал, что его зовут Кип, и вручил нам каски.

– Идите по тоннелю, шагов через двести повернете налево. Галерея начинается там.

Луч фонарика на моей каске скользнул вдоль по руслу ручья. Впереди темнел вход в тоннель – квадратная прорезь в склоне, поглощавшая свет. Рядом, за большим замшелым камнем, валялась магазинная тележка. Я подняла голову и взглянула на голые ветки кленов, что черными линиями разрезали небо.

Ручей бежал вдоль левой стороны тоннеля, а мы шли справа по цементной дорожке. В нос тут же ударили зловоние канализационных отходов и сладковатый запах гнили. Напрасно я надеялась к этому привыкнуть.

Вскоре мы услышали, как вокруг шуршат грызуны. До нас долетало эхо чужих разговоров – казалось, голоса звучат со всех сторон. Свет фонариков выхватывал из тьмы граффити, нарисованные на стенах краской из баллончика или с помощью трафаретов. Луч с каски Дейзи задержался на изображении толстой крысы с бутылкой вина. Внизу кто-то вывел: «КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ ВСЕ ЗНАЕТ». Рядом белела корявая надпись: «НЕ ВАЖНО, КАК ТЫ УМРЕШЬ. ВАЖНО – КЕМ».

– Жутковато здесь, – тихо сказала Дейзи.

– Почему ты говоришь шепотом?

– Мне страшно. Мы уже сделали двести шагов?

– Не знаю. Но я слышу голоса.

Я обернулась, посветила на вход в тоннель. Сзади шли двое мужчин, и они помахали нам.

– Видишь? Все в порядке.

Ручей стал больше похож на медленно текущую лужу. Я заметила, как через него перебежала крыса, даже носа не замочив.

– Крыса! – испугалась Дейзи.

– Она тут живет, – ответила я. – Это мы явились без разрешения.

Мы пошли дальше. Казалось, в мире не осталось больше света, кроме

желтых лучей, а все, кто был здесь, превратились в огоньки, прыгающие по тоннелю небольшими группами.

Фонарики осветили поворот налево – в квадратный боковой коридор высотой примерно восемь футов^[18]. Мы с Дейзи перепрыгнули через ручей, прошли мимо таблички с надписью «Проект компании “Пикет инжиниринг”» и тоже свернули.

В галерее тоже оказалось темно, поэтому картины и фотографии, висевшие на стенах, выпрыгивали из мрака и снова скрывались в нем. Чтобы рассмотреть работу Майкла целиком, пришлось отойти к противоположной стене. Произведение и правда вышло потрясающим – «Узник сто один» был как живой, но состоял из ста одного снимка – Майкл подобрал для этого фотографии людей, осужденных за убийство, а затем оправданных. Даже вблизи я не могла бы сказать, что «Узник» – не настоящий.

Мне понравились и другие работы – большие абстрактные композиции из четких геометрических фигур, шаткая башня из старых деревянных стульев, достигавшая потолка, огромная фотография мальчика, прыгающего с трамплина в бескрайнее поле скошенной кукурузы. Но все же картину Майкла я полюбила больше всего, и не только потому, что знакома с ним.

Голоса приближались, и вскоре галерею заполнили посетители. Кто-то включил проигрыватель, в тоннеле заиграла музыка, которую повторяло гулкое эхо. По кругу пошли гулять пластиковые стаканчики и даже целые бутылки вина. Гости шумели больше и больше. Хотя тут было довольно холодно, я начала потеть и спросила Дейзи, не хочет ли она погулять.

– Погулять?

– Да. Не знаю, можно вперед пойти, например.

– Ты хочешь прогуляться по тоннелю?

– Ага. Но не обязательно.

Она показала в темноту, куда не могли добраться лучи фонариков.

– Ты предлагаешь просто идти в ту черную неизвестность.

– Ну, мы же не далеко. Только посмотрим и все.

Дейзи вздохнула.

– Ладно. Пошли.

Всего через минуту воздух стал чище. Впереди лежала темень, коридор медленно поворачивал, и мы шли, пока не перестали замечать свет. Музыка и голоса были еще слышны, но издалека, точно мы проехали на машине мимо какой-то компании.

– Не понимаю, как тебе удастся сохранять такое нечеловеческое спокойствие здесь, в пятнадцати футах^[19] под землей и по щиколотку в крысином дерьме. Притом стоит тебе подумать, что в палец попала инфекция, как у тебя начинается паническая атака.

– Не знаю, – сказала я. – Тут просто не страшно.

– Если судить объективно, то очень, – ответила Дейзи.

Я выключила фонарик на каске и попросила:

– Ты тоже выключи.

– Ни за что.

– Выключи. Ничего не случится.

Она щелкнула кнопкой, и все погрузилось во тьму. Я чувствовала, как мои глаза пытаются привыкнуть к новому освещению, но привыкать было не к чему – света совсем не осталось.

– Ты сейчас не видишь стены, правильно? Не видишь крыс. Повернись кругом несколько раз, и забудешь, в какую сторону идти. Это страшно. А теперь представь, что мы не можем говорить, не слышим дыхания. Не чувствуем прикосновений. Тогда мы никогда не узнаем, что находимся рядом друг с другом.

Представь, что ты хочешь найти кого-то или даже саму себя, но у тебя нет органов чувств. Ты не можешь понять, где стены, куда идти вперед, а куда – назад, что такое вода и воздух. Ты бесчувственная, у тебя нет формы. Единственный способ себя описать – определить, чем ты не являешься, и ты плаваешь в теле, которое не подчиняется тебе. Не тебе решать, кто ты такая, где живешь, когда тебе есть и чего бояться. Ты просто застряла внутри, совершенно одна, в темноте. Вот это страшно. А это, – я включила фонарик, – контроль над ситуацией. Власть. Тут могут оказаться крысы и пауки, и еще черт знает что. Но мы освещаем их фонариками, а не наоборот. Мы знаем, где стены и куда нам идти. Вот так, – я снова отключила фонарик, – я чувствую себя, когда мне страшно. А это... – Я включила его. – Прогулка в парке.

Мы шли и молчали.

– Все настолько плохо? – наконец спросила Дейзи.

– Иногда.

– Но потом фонарик снова включается?

– Пока что так.

Мы продвигались все глубже в тоннель, и музыки было теперь почти не слышно. Дейзи немного успокоилась.

– Подумываю убить Айалу, – сообщила она. – Ты ведь не примешь это

на свой счет?

– Нет. Вообще-то, она начинала мне нравиться.

– Ты читала новый рассказ?

– Где они полетели на Рилот, чтобы доставить преобразователи мощности? Отлично получилось, когда Рей и Айала ждут того парня в баре и разговаривают. Я люблю, когда ты описываешь бой и тому подобное, но простые разговоры мне нравятся больше всего. А еще понравилось, что у меня был секс с тви'леком. То есть у Айалы. Ты пишешь так, что мне кажется, будто все правда и я на самом деле там.

– Спасибо, – сказала Дейзи. – Теперь мне уже не хочется ее убивать.

– Я не возражаю, можешь убить. Только пусть она погибнет героически.

– Конечно. Я планирую сделать что-то в стиле «Изгоя-один» – жертву во имя всеобщего блага. Так нормально?

– Одобряю.

– Боже! Тебе не кажется, что воняет просто невыносимо?

– Точно, – признала я.

Откуда-то несло гнилью и нечистотами. Мы прошли поворот в боковой тоннель. Дейзи предложила вернуться, но я заметила впереди точку серого света и захотела посмотреть, что там.

Звуки города стали отчетливее, и воняло здесь не так сильно – мы подошли к источнику свежего воздуха. Серый свет приближался, и наконец мы вышли из тоннеля. Его так и не достроили. Струйка воды, которую собирались отвести от Уайт-Ривер, капала прямо в реку.

Я подняла голову. Шел уже одиннадцатый час, но город ослепительно сиял. Я видела все: зеленый мох на валунах, пузырьки золотистой пены под нашим водопадом, деревья, склонившиеся над рекой, будто свод часовни, электрические провода, огромную серебристую мукомольню, причудливо застывшую в лунном свете, неоновые вывески вдалеке.

Индианаполис такой плоский, что окинуть его взглядом не получится; в нем нет видов на миллион долларов. Но сейчас у меня был именно такой вид, с самой неожиданной точки – город лежал как на ладони, и только через минуту я осознала: уже наступила ночь, а этот залитый серебряным светом пейзаж – и есть то, что на земле называется темнотой.

Дейзи села, свесив ноги с бетонного края. Я села с другой стороны ручейка, и мы вместе долго смотрели на картину, которая нам открылась.

В тот вечер мы «вышли на луг». Мы говорили о колледже, поцелуях, религии, искусстве, и я не чувствовала, будто смотрю про себя какой-то фильм. Я была участницей разговора. Слушала Дейзи и знала, что она

слушает меня.

– Интересно, тоннель достроят когда-нибудь? – спросила Дейзи.

– Надеюсь, что нет. Я, конечно, всеми руками за чистую воду, но хочется сюда прийти лет через десять или двадцать. Вместо встречи выпускников.

С тобой, хотела добавить я.

– Да, – ответила она. – Пусть бежит наш грязный ручей, потому что из этого тоннеля потрясающий вид. Спасибо вам, Рассел Пикет, за взяточничество и некомпетентность.

– Ручей бежит, – прошептала я. – Погоди, а где он начинается? Где его устье?

– Устье – где река заканчивается. Оно здесь, – ответила Дейзи.

Теперь она тоже догадалась.

– Устье, уста. Черт возьми, Холмси. Мы во рту бегуна!

Я встала. Почему-то казалось, что Пикет сейчас появится за спиной и толкнет нас в реку.

– А вот *сейчас* уже страшноовато, – сказала я.

– Что будем делать?

– Ничего. Вернемся на вечеринку, пообщаемся с модными художниками и поедем домой к назначенному часу.

Я пошла обратно, к далекой музыке.

– Расскажу Дэвису. Он должен знать. Пусть решает сам, говорить ли Ноа. А больше никому ни слова.

– Хорошо, – сказала Дейзи, догнав меня. – Получается, он здесь *прямо сейчас*?

– Не знаю. Не наше дело.

– Ты права. Но как можно оставаться здесь так долго?

У меня была мысль на этот счет, но я ничего не сказала.

– Господи, эта вонь... – произнесла Дейзи и умолкла, не закончив.

Ты надеешься, что разгадка подарит тебе финал. Петля замкнется, разум обретет утешение и покой. Но так не бывает. Правда – всегда разочарование. Пока мы бродили по галерее в поисках Майкла, я так и не почувствовала, будто нашла в себе последнюю матрешку из одного кусочка дерева. Ничего подобного. Положение не исправилось. Все было так, как сказал зоолог о науке: ты не получаешь ответов. Только новые, более сложные вопросы.

Наконец мы обнаружили Майкла – он стоял напротив своей картины, прислонившись к стене, и разговаривал с двумя женщинами. Дейзи взяла

его за руку.

– Мне ужасно жаль прерывать вашу беседу, – сказала она, – но знаменитого художника ждут дома.

Майкл рассмеялся. Мы втроем вышли из тоннеля на посеребренную светом парковку и сели в машину. Я закрыла дверь, и тут он произнес:

– Лучший вечер в моей жизни. Спасибо, что пришли. Боже, такого со мной никогда еще не случалось. Я ведь могу стать художником, настоящим. Было так... так здорово. А вам понравилось?

– Расскажи, как все прошло, – попросила вместо ответа Дейзи.

Когда я вернулась, мама пила на кухне чай.

– Чем от тебя так пахнет? – спросила она.

– Канализацией, потом, плесенью – всем сразу.

– Я за тебя волнуюсь, Аза. Мне кажется, ты теряешь связь с реальностью.

– Нет. Я просто устала.

– Нам нужно поговорить.

– О чем?

– О том, где ты была, что делала и с кем. О твоей жизни.

И я рассказала ей все. Как поехали на выставку, как вместе с Дейзи добрались до конца недостроенного тоннеля, как вышли на луг и как я догадалась, что такое рот бегуна. И про то, что Рассел Пикет, наверное, где-то там, внизу, и про ужасную вонь.

– Ты скажешь Дэвису? – поинтересовалась мама.

– Да.

– Но не полиции?

– Нет. Если они найдут в подzemелье труп, Дэвис и Ноа лишатся дома. Все достанется туатаре.

– Какой-какой таре?

– Туатаре. Она похожа на ящерицу, но не ящерица. Это потомок динозавров. Они живут сто пятьдесят лет, и Пикет завещал все туатаре, которую у себя держит. Дом, компанию, все.

– Богатство сводит с ума, – произнесла мама. – Ты думаешь, что тратишь деньги, а на самом деле – деньги тратят тебя. – Она взглянула на свою кружку с чаем, потом снова на меня. – Но так происходит только, если ты поклоняешься деньгам. Ты служишь тому, что считаешь своим божеством.

– Поэтому будем осторожнее с выбором божеств, – ответила я.

Мама улыбнулась и прогнала меня в душ. Стоя под льющейся водой, я

представляла, чему буду поклоняться, когда стану старше, и как это изменит сюжетную линию моей жизни. Я пока еще была в самом начале. Я могла стать кем угодно.

Глава 23

На следующее утро, в субботу, я проснулась бодрой и полной сил. В окно стучали заледеневшие капли. Зимой в Индианаполисе редко выпадает красивый снег, по которому можно кататься на лыжах и санках. Обычно нам достаются снежная крупа, ледяная морось и ветер.

Было не так уж холодно, где-то плюс два, но очень ветрено. Я встала, оделась, съела хлопья с молоком, выпила таблетку и немного посмотрела с мамой телевизор. Все утро я оттягивала неизбежное – доставала телефон, начинала писать, прятала его. Доставала снова, но нет. Еще не время. Каждый момент казался неподходящим. Хотя, конечно же, подходящих моментов не бывает.

Помню, когда папа умер, для меня поначалу это было и правдой, и неправдой одновременно. Даже много недель спустя я могла вернуть его к жизни. Представляла, как он входит, весь потный. Закончил косить лужайку и хочет меня обнять, а я уворачиваюсь – пота я боялась уже тогда.

Или я в своей комнате читаю книгу, лежа на животе, посматриваю на дверь и воображаю, что он сейчас войдет, встанет на колени перед кроватью и поцелует меня в макушку.

А потом стало все труднее вызывать его, вдыхать его запах, чувствовать, как он берет меня на руки. Папа умер быстро, но заняло это годы. На самом деле он все еще умирал, а значит, наверное, был все еще жив.

Люди всегда говорят, что между воображением и памятью существует четкая грань, но ее нет. По крайней мере, для меня. Я помню, *что* я представляю, и представляю, *что* помню.

В полдень я наконец решилась написать Дэвису: *Надо поговорить. Можешь заехать ко мне сегодня?*

Он ответил: *Некому присмотреть за Ноа. Заедешь сама?*

Нам нужно поговорить наедине.

Я хотела, чтобы он сам решал, открыть брату правду или нет.

Могу приехать в половине шестого.

Спасибо. Тогда увидимся.

День тянулся на удивление медленно. Я пыталась читать, писала

сообщения Дейзи, смотрела телевизор, а время еле ползло. Минута длилась бесконечно, но та, что приходила за ней, была еще дольше.

Без пятнадцати пять я сидела в гостиной с книгой, а мама разбирала счета.

– Дэвис ненадолго заедет, – сообщила я.

– Хорошо. У меня есть пара дел. Тебе нужно что-нибудь из продуктов? – Я покачала головой. – Волнуешься? – спросила она.

– А может, я буду сама тебе говорить, если возникнут проблемы с психическим здоровьем?

– Я не могу не беспокоиться за тебя, малыш.

– Понимаю. Но я тоже не могу не чувствовать, как эта тревога на меня давит, будто огромный камень на груди.

– Я постараюсь.

– Спасибо, мама. Я тебя люблю.

– И я тебя. Очень-очень.

Я без конца переключала каналы, смотреть ничего не хотелось. Наконец в дверь тихо, неуверенно постучали – приехал Дэвис.

– Привет, – сказала я и обняла его.

– Привет.

Я жестом пригласила его сесть на диван.

– Как ты? – спросил Дэвис.

– Послушай, – начала я. – Надо поговорить о твоём отце. Я знаю, где находится рот бегуна. Устье ручья Погз-Ран, недостроенный тоннель.

Дэвис поморщился, потом кивнул.

– Точно?

– Я уверена. Думаю, твой отец там. Мы с Дейзи вчера туда спускались, и...

– Вы его видели?

Я покачала головой.

– Нет. Но рот бегуна – в устье ручья. Все сходится.

– Это просто записка в его телефоне. Думаешь, он столько времени просидел бы там? В канализации?

– Возможно. Однако... в общем, не знаю.

– Однако?

– Не хочу тебя пугать. Оттуда шел нехороший запах. Просто ужасный.

– Это могло быть что угодно, – сказал Дэвис, но я заметила, что ему страшно.

– Да, ты совершенно прав.

– Я никогда не думал... не допускал мысли...

Дэвис осекся и зарыдал – так горько, будто разрывалось сердце. Он прижался ко мне, и я сидела, обняв его, чувствовала, как тяжело он дышит. По отцу тосковал не только Ноа.

– Боже, он умер? Умер?

– Ты еще ничего не знаешь, – возразила я.

Но Дэвис уже знал. Вот почему человек пропал без следа и не пытался выйти на связь – все это время он был мертв.

Дэвис лег, и я легла рядом – вместе мы едва уместились на стареньком диванчике. Он положил голову мне на плечо, повторяя: *Что мне делать? Что делать?* Я начала жалеть, что рассказала ему. *Что мне делать?* – спрашивал он снова и снова, словно умоляя.

– Жить дальше, – сказала я. – У тебя есть целых семь лет. Не важно, что на самом деле произошло, юридически его будут считать живым. У тебя останется дом и все остальное. Довольно большой срок, Дэвис. Ты успеешь начать жизнь заново. Семь лет назад мы с тобой еще даже не познакомились.

– У нас с Ноа никого нет, – прошептал он.

Я хотела сказать, что есть я, что он может на меня положиться, но это было не так.

– У тебя есть брат.

Он снова расплакался, и мы долго лежали, обнявшись, пока из магазина не вернулась мама. Мы с Дэвисом сразу вскочили, хотя ничего такого не делали.

– Извините, что помешала.

– Я уже ухожу, – сказал Дэвис.

– Оставайся, – ответили мы в один голос.

– Нет. Мне нужно идти.

Дэвис обнял меня одной рукой.

– Спасибо, – шепнул он, хотя я ничего не сделала.

На пороге он обернулся и посмотрел на меня и маму в нашей – как ему, должно быть, казалось – семейной идиллии. Я думала, он скажет что-нибудь на прощанье, но Дэвис только смущенно махнул рукой и вышел.

В доме Холмсов наступил тихий вечер. Обычный, словно ничего не произошло. Я писала сочинение о Гражданской войне. День – который, впрочем, не был особенно ясным – растаял в темноте за окном. Я сказала маме, что пойду спать. Переоделась в пижаму, почистила зубы, сменила пластырь, легла в постель и написала Дэвису: *Привет.*

Он не ответил, и я послала сообщение Дейзи. *Я поговорила с Дэвисом.*

Она: *И как?*

Я: *Не очень.*

Она: *Хочешь, загляну к тебе?*

Я: *Давай.*

Она: *Выезжаю.*

Через час мы с ней лежали на моей кровати с ноутбуками на животах. Я читала новый рассказ про Айалу. Каждый раз, стоило мне хихикнуть, Дейзи спрашивала: «Что смешного?» И я объясняла ей. А после мы просто смотрели в потолок.

– Ну вот, – сказала наконец моя подруга, – все и сложилось к лучшему.

– Как это?

– Наши герои разбогатели, никто не пострадал.

– Пострадали все.

– В смысле, никто не поранился.

– У меня разорвалась печень!

– А, точно. Я забыла. По крайней мере, никто не погиб.

– Гарольд погиб! И, возможно, Пикет!

– Холмси, я стараюсь придумать счастливый конец. А ты все портишь.

– Я такая Айала.

– Такая Айала.

– Со счастливыми концовками есть одна проблема, – сказала я. – Они либо не такие уж счастливые, либо не совсем концовки, понимаешь? В реальной жизни что-то становится лучше, а что-то хуже. И в конце концов ты умираешь.

Дейзи рассмеялась.

– Как всегда, Аза «И в конце концов ты умираешь» Холмс напоминает, что на самом деле все кончится вымиранием нашего вида.

Я тоже засмеялась.

– Ну, в общем, это единственный настоящий конец.

– Нет, Холмси. Ты выбираешь свои концы и свои начала. И рамку. Может, от тебя не зависит, что на картине, но рамку выбираешь ты.

Дэвис так и не ответил, даже когда я написала ему несколько дней спустя. Но он сделал новую запись в своем дневнике.

Когда-нибудь, поверь, настанет день,
Когда все эти чудные виденья,

И храмы, и роскошные дворцы,
И тучами увешанные башни,
И самый наш великий шар земной
Со всем, что в нем находится поныне,
Исчезнет все, следа не оставляя^[20].

Уильям Шекспир

Ничто не вечно, я это понимаю. Но почему потери так мучают меня?

Глава 24

Месяц спустя, сразу после рождественских каникул, я проснулась рано и сделала для нас с мамой две тарелки хлопьев. Я завтракала перед телевизором, когда она вышла – еще в пижаме, растерянная.

– Опаздываю, опаздываю. Все никак встать не могла.

– А я тебе завтрак приготовила.

Мама села рядом со мной на диван и сказала:

– Хлопья не готовят.

Я засмеялась, а она съела пару ложек и побежала одеваться. Мама всегда такая – ни минутки не посидит спокойно.

Когда я повернулась к телевизору, внизу экрана бежала красная строка с последними новостями. Перед воротами поместья Пикетов стояла журналистка. Я схватила пульт и включила звук.

– По нашим сведениям, Пикета опознать не удалось, однако власти считают, что тело, найденное в ответвлении тоннеля, действительно принадлежит миллиардеру и строителю магнату Расселу Дэвису Пикету-старшему. По словам одного из участников расследования, Пикет, предположительно, погиб из-за суровых погодных условий в течение нескольких суток со дня своего исчезновения. И хотя мы не располагаем официальным подтверждением, наши источники сообщают, что тело было обнаружено полицией после анонимного звонка.

Я тут же написала Дэвису. *Только что видела новости. Мне так жаль! Я столько раз говорила тебе эти слова, но мне действительно жаль. Я очень тебе сочувствую.*

Он не ответил сразу, и я добавила: *Ни я, ни Дейзи не звонили в полицию. Мы никому ничего не сказали.*

Теперь на экране моего телефона появилось многоточие – он печатал. *Знаю. Это сделали мы с Ноа. Мы вместе так решили.*

Вошла мама, на ходу застегивая сережку, и сунула ноги в туфли. Она, видимо, слышала конец репортажа, потому что сказала:

– Аза, ты должна поддержать Дэвиса. Для него сегодня очень тяжелый день.

– Я только что ему написала. Они с Ноа сами сообщили полиции, где нужно искать.

– Неужели их состояние достанется какой-то ящерице?

Они могли бы подождать семь лет – целых семь лет прожить в

особняке, исполнять любые свои желания, – но предпочли отдать все туатаре.

– Наверное, они не хотели, чтобы отец оставался там, – отозвалась я. – Может, не стоило ему говорить про наше открытие.

В конце концов, это была моя вина. Меня охватил холодный ужас. Я поставила их перед выбором: забыть про тело отца или забыть о собственных жизнях.

– Не вини себя, – сказала мама. – Конечно, правда была для него важнее, чем дом. И на улице Дэвис не окажется.

Я старалась слушать ее, однако во мне уже проснулось непреодолимое желание. Я попыталась ему воспротивиться, но лишь на секунду. Отклеила пластырь и вонзила ноготь в болячку на пальце, сделав новую трещину на месте той, которая наконец зажила.

В ванной, пока мыла руки и наклеивала пластырь, я смотрела на себя в зеркало. С этим не справиться. Я никогда не убью дракона, потому что дракон – я сама. Мое «Я» и болезнь срослись навсегда.

Я думала о цитате из Фроста в дневнике Дэвиса: «Все, что я узнал о жизни, можно выразить двумя словами: она продолжается».

И ты продолжаешься тоже, не важно, несет ли тебя течение или нет. Вот что я беззвучно шептала сама себе. Прежде чем выйти из ванной, я снова написала ему: *Может, как-нибудь встретимся?*

На экране появилось многоточие, но Дэвис так и не ответил.

– Нам пора, – напомнила мама.

Я открыла дверь ванной, сняла с вешалки куртку и вязаную шапку, вошла в промерзший гараж. Пока мама делала свой утренний кофе, я просунула пальцы под дверь гаража, подняла ее и села в машину. Все время поглядывала на телефон и ждала ответа. Я замерзла, но потела, и пот впитывался в мою лыжную шапочку. В новостях опять заговорили о Дэвисе. *Ты продолжаешься*, повторяла я себе и старалась передать ему это через эфир.

Прошло несколько месяцев. Я продолжалась. И хотя особых улучшений не наблюдалось, мне все-таки стало легче. Мы с Дейзи основали «Общество умственного здоровья» и «Мастерскую писателя», чтобы указать их в списке дополнительных занятий, когда будем на следующий год подавать заявление в колледж. Правда, единственными членами обоих клубов мы сами и оказались. Вечера мы проводили у Дейзи, или в «Эплби», или у меня дома, иногда с Майклом, но обычно – нет. Чаще всего мы сидели вдвоем, смотрели кино, делали уроки или просто

разговаривали. С Дейзи так просто «выйти на луг».

Конечно, я скучала по Дэвису. В первые дни я постоянно проверяла телефон, ждала ответа, но постепенно осознала, что каждый из нас стал для другого частью прошлого. И все же мне его не хватало. Как папы. И Гарольда. Всех. Если живешь, значит, тебе кого-то не хватает.

И вот однажды в апреле мы с Дейзи сидели у меня дома и смотрели выступление нашей любимой группы, которая воссоединилась только на один вечер. Они пришли на вручение какой-то третьесортной музыкальной премии. Ребята как раз прекрасно изобразили под фонограмму, что поют «Ты – та самая», и тут в дверь кто-то постучал. На часах почти одиннадцать, слишком поздно для гостей, и мои руки нервно подрагивали, когда я открывала дверь.

На пороге стоял Дэвис в клетчатой рубашке и узких джинсах. Он держал огромную коробку.

– Эмм, привет. Это тебе.

Он вручил мне коробку, которая оказалась совсем не такой тяжелой, как я думала. Я отнесла ее в комнату, положила на обеденный стол, а когда обернулась, Дэвис уже собрался уходить.

– Постой, – сказала я. – Иди сюда.

Я протянула ему руку, и мы вместе вышли на задний двор. Вода в реке поднялась, было слышно, как она бурлит где-то в темноте. Я лежала на земле под большим ясенем и чувствовала кожей теплый воздух. Дэвис лежал рядом, и я показывала ему, как выглядит небо над моим домом, все разделенное на фрагменты ветками, на которых уже начали распускаться листья.

Он рассказал, что они с братом переезжают в Колорадо, где Ноа будет учиться в школе-пансионе для трудных подростков. Дэвис собирался закончить там двенадцатый класс, в обычной государственной школе. Они сняли дом.

– Он меньше, чем наш, – сказал Дэвис. – С другой стороны, никакой туатары.

Он поинтересовался, как дела у меня, и я ответила, что в основном нормально. С доктором Сингх я теперь встречалась раз в месяц.

– И когда ты уезжаешь? – спросила я.

– Завтра, – сказал он, и наш разговор на время оборвался.

– Ладно, – сказала я наконец, – так что же я вижу?

Он засмеялся.

– Юпитер, конечно. Он сегодня очень яркий. А там Арктур. – Он

повернулся и показал на другую часть неба. – А вот Большая Медведица, и если провести линию от этих двух звезд, то найдешь Полярную звезду.

– Почему ты рассказал обо всем полиции?

– Эта неизвестность съедала Ноа. И я... наверное, понял, что мне пора стать старшим братом, понимаешь? Это сейчас моя главная работа. Вот кто я такой. А для него знать, почему отец не пишет, было важнее всех денег мира. Поэтому так и вышло.

Я сжала его руку.

– Ты хороший брат.

Дэвис кивнул. В сером свете я видела, что он тихонько плачет.

– Спасибо, – проговорил он. – Очень хочется долго-долго оставаться в этой секунде.

– Да, – согласилась я.

Мы замолчали, и я чувствовала, какое большое надо мной небо – весь его невообразимый простор. Я смотрела на Полярную звезду и знала: свету, который я вижу, четыреста двадцать пять лет, а до Юпитера от нас меньше одного светового часа. В безлунной темноте мы просто наблюдали за светом, и я начинала понимать, почему Дэвис увлекся астрономией. Есть какое-то утешение в том, что мы видим свою неприкрытую крошечность, и я поняла то, что Дэвис наверняка уже знал: спирали уменьшаются без конца, если двигаться по ним внутрь, но бесконечно расширяются, если ты идешь прочь от центра.

И я знала, что запомню это чувство – под небом, разрезанным ветками. До того, как машина судьбы перемелет нас и превратит во что-нибудь. В самом начале, когда мы еще могли стать кем угодно.

Лежа там, я думала, что буду любить Дэвиса всю жизнь. Мы и правда друг друга любили – может, мы так и не признались, может, мы никогда не бывали в любви, но я так чувствовала. Я его любила и думала: наверное, я никогда его больше не увижу, наверное, я застряну в тоске по нему, и это совершенно ужасно.

Однако ничего ужасного тут нет, потому что я знаю тайну, которую не могла представить, лежа там, под небом. Я знаю, что девочка будет жить дальше и вырастет, у нее родятся дети, она будет их любить, но однажды заболеет так сильно, что не сможет больше о них заботиться, попадет в больницу, поправится, а потом заболеет снова. Я знаю, психотерапевт скажет: *Запиши, как ты к этому пришла.*

И ты начнешь писать и поймешь, что любовь – не трагедия, не ошибка, но дар.

Ты помнишь свою первую любовь, потому что она – доказательство: ты можешь любить и быть любимым; ничто в мире не справедливо, кроме любви; любовь – одновременно и способ стать человеком, и причина, по которой ты становишься им.

Но под тем небом, когда твоя рука – нет, моя рука – нет, наша – лежит в его руке, ты этого еще не знаешь. Не догадываешься, что в коробке у тебя на столе – картина со спиралью, а еще – записка: *Стащил для тебя у туатары. – Д.* Не ведаешь, что эта картина будет путешествовать с тобой с квартиры на квартиру, а потом, наконец, переедет в дом. Что много лет спустя ты будешь ужасно гордиться, что Дейзи остается твоей лучшей подругой и, хотя вы теперь живете в разных мирах, ваша дружба от этого только крепнет. Что ты будешь учиться в колледже, найдешь работу, проживешь свою жизнь, увидишь, как она рушится и строится снова.

Я, личное местоимение в единственном числе, будет продолжаться.

Но ты пока ничего не знаешь. Мыжимаем его руку. Он жимает нашу в ответ. Вы вместе смотрите в одно и то же небо, а потом он произносит: *Мне пора*, и ты отвечаешь: *До свидания*, и он отзывается: *До свидания, Аза*. А ведь никто не говорит «до свидания», если не хочет увидеть тебя снова.

Выражение признательности

Прежде всего, я хочу поблагодарить Сару Урист Грин, прочитавшую много, много, много вариантов этой истории с невероятной вдумчивостью и добротой. Спасибо Крису и Марине Уотерс; моему брату Хэнку; моей золовке Кэтрин; моим родителям, Сидни и Майку Грин; родителям моей жены, Конни и Маршаллу Урист, а также Генри и Элис Грин.

Джули Штраусс-Гейбл остается моим редактором уже больше пятнадцати лет, и никаких слов не хватит, чтобы выразить, как я благодарен ей за веру и мудрость, которые она проявила в течение шести лет нашей совместной работы над этой книгой. Спасибо редактору Анне Хойслер за доброту и интересные дискуссии. Также я благодарю всю команду издательства «Даттон», особенно Анну Бус, Мелиссу Фолнер, Розанну Лоэр, Стива Мельтцера и Натали Вилкинд.

Я глубоко признателен Элизе Маршалл, моему другу, публицисту, доверенному лицу и спутнику, а также многим сотрудникам компании «Пигвин-Рэндом-Хаус», которые помогают публиковать мои книги и делятся ими с читателями. В особенности я хочу сказать спасибо Джен Лоджа, Фелисии Фрейзер, Джослин Шмидт, Адаму Ройсу, Стефани Сейбол, Эмили Ромеро, Эрин Бергер, Хелен Бумер, Ли Батлер, Кимберли Райан, Деборе Каплан и Линдси Эндрюс. Кроме того, я хочу поблагодарить Дона Вайсберга и великолепную Розанну Хальсе Рохас, чье глубокое понимание и советы наполнили каждую страницу этой книги.

Ариэль Биссетт, Мередит Данко, Хейли Гувер, Зулайя Разак и Тара Ковейс Варсов внимательно и вдумчиво читали черновики этой рукописи. Джоанна Карденас делилась со мной ценными советами и мыслями. Спасибо за всевозможную поддержку Илен Купер, Биллу Отту, Эми Краузе Розенталь, Рейнбоу Роуэл, Стэну Мюллеру и Марлен Ридер.

Благодарю своих невероятных агентов Джоди Ример и Кэсси Ивашевски, они – лучшие и самые терпеливые помощники, на каких только может надеяться автор. Спасибо Филу Плейту за помощь в области астрономии; Е. К. Джонстону за консультации по «Звездным войнам»; Эду Йонгу за его книгу «Как микробы управляют нами»; Дэвиду Адаму за книгу «Человек, который не мог остановиться»; Элейн Скарри за книгу «Тело в состоянии боли»; Стюарту Хайатту за то, что познакомил меня с Погз-Ран; Джеймсу Беллу, Микаэле Айронс, Тиму Риффлу, Ли Шейвер и Шэннон Джеймс за юридические консультации. Учитывая сказанное выше,

география, законодательство, преобразователи мощности, ночное небо и все остальное в романе – являются вымышленными, и любые ошибки – целиком на моей совести.

И наконец, доктор Джоэллен Хослер и доктор Сунил Пател в огромной степени облегчили мою жизнь, предоставив высококачественную психологическую поддержку, которая, к несчастью, доступна не многим. Примите глубокую благодарность от меня и моих близких. На территории Соединенных Штатов помощь в проблемах, связанных с психическим здоровьем, можно получить, позвонив на горячую линию службы психиатрической помощи SAMHSA: 1-877-SAMHSA7. Дорога бывает долгой и трудной, но психические заболевания поддаются лечению. Надежда есть, даже если ваш разум говорит, что ее не осталось.

notes

СНОСКИ

1

4 фута равны 1,22 метра. – *Примеч. ред.*

1 дюйм равен 2,54 сантиметра. – *Примеч. ред.*

200 квадратных миль равны 518 квадратным километрам. – *Примеч. ред.*

15 футов равны 4,57 метра. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Кей (*англ.* key) – ключ.

6

6 футов равны 1,82 метра.

У. Б. Йейтс. Второе пришествие. Перевод Г. Кружкова.

У. Б. Йейтс. Второе пришествие. Перевод Г. Кружкова.

«Старая дружба» – стихотворение Р. Бернса.

10

1,5 фунта равны 680 грамма.

Перевод М. Алигер.

Перевод А. Гаврилова.

У. Шекспир. Буря. Перевод Н. Сатина.

У. Шекспир. Буря. Перевод Н. Сатина.

У. Шекспир. Буря. Перевод Н. Сатина.

У. Шекспир. Буря. Перевод Н. Сатина.

У. Шекспир. Гамлет. Перевод А. Кронеберга.

8 футов равны примерно 2,5 метра.

15 футов равны 4,572 метра.

У. Шекспир. Буря. Перевод Н. Сатина.